
ИСПОВЕДЬ «РУССКОГО АЗИАТА»

Русские в Туркестане и в постсоветской России

«Великие жертвы понёс русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своём необъятном государстве».

Николай Бердяев (1874 -1948) — русский христианский и политический философ.

Предисловие

Почему я пенсионер, обыкновенный гражданин, инженер по профессии взялся за «перо»? Знаменитому средневековому немецкому теологу и философу Экхарту Майстеру, который всегда мужественно шел «против течения» принадлежит выражение: *«Кто хочет стать тем, чем он должен быть, тот должен перестать быть тем, что он есть».*

Выйдя на пенсию и превратившись в гражданина, пережившего свою полезность государству и ставшего для него обузой, я уже перестал быть тем, кем был. Однако всегда есть варианты как жить — в том числе и на пенсии. К примеру, можно на даче тюльпаны разводить, созерцать природу, а по вечерам слушать классическую музыку на радио «Орфей». Не исключая этого и неожиданно для самого себя, в возрасте когда ценится возможность находиться наедине с самим собой я увлёкся писательским творчеством, приобщившись к энергии самопознания, самореализации, самовыражения. И это был второй, самый важный шаг перестать быть тем, кем я был.

Новая ипостась побудила меня рассказать о судьбе русских в Туркестане в XIX – XX вв. и в частности в Киргизии, о положении «русских азиатов» к коим я отношусь после распада Советского Союза на своей исторической родине с «простым названием Русь».

Под «русскими», сейчас и далее, я подразумеваю отнюдь не этнос, а всех выходцев из Российской империи и Советского Союза, оказавшихся по разным причинам в Центральной Азии: русских, украинцев, белорусов, татар, евреев и другие народы.

Там, на Востоке, мы не были эмигрантами, а вынужденный исход в Россию и не только был исходом репатриантов и беженцев, а отнюдь не мигрантов. Однако российские либеральные законодатели и власть, будучи по своей природе «беспочвенными», не признали нас таковыми как это принято в подобных случаях в Израиле, Германии, Греции, Венгрии, Казахстане и других странах. Причина: уйти от обязательств которые накладываются в подобных случаях на историческую родину резолюциями ООН и международными Конвенциями. К «обоснованию» этого предательства подключилась вся либеральная рать, представленная гуманитариями Российской Академией наук, Государственной думы и СМИ. Воистину: *«Либерализм и благорасположение к славянам*

— *понятия не совместимые*». Из письма П. В. Анненкова И. С. Тургеневу 25 августа 1876 г.

Почему пишут автобиографическую повесть или мемуары? В назидание потомству? По настоянию друзей? В моём случае и то и другое. Ведь уже нет, и больше никогда не будет государства с названием СССР и республики с названием Киргизская Советская Социалистическая Республика, в которой я родился и жил. Не будет моего города Фрунзе — столицы республики, да и свидетелей моего времени всё меньше и меньше.

Сейчас, большинство русских покинули Среднюю Азию — свою малую родину где прошли детство и юность, где могилы дедов, отцов, родственников, друзей и поэтому на душе иногда «лишь тоска да печаль».

Более двадцати лет я живу в России и все эти годы задаю себе вопросы: какой след мы, русские, оставили в Центральной Азии за более чем 150 летний период времени? Был ли в нашем присутствии какой-либо исторический смысл? В чем состоял этот смысл для меня, прожившего в Киргизии лучшую часть своей жизни?

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо проследить судьбу «русских азиатов» начиная с истоков «загогулины», которая привела нас в XIX веке в Туркестан, а затем, бесславно, в конце XX века, вытолкнула обратно на историческую родину.

И если либеральные СМИ, в условиях абсолютного доминирования оправдывают эту катастрофу и тем более защищают существующую действительность в России, то мною, этот мир представлен как состояние негативности, подлежащее отрицанию и должному измениться. А тот факт, что большинство населения принимает или вынуждено принимать существующую систему путём удовлетворения их потребностей и делающих зависимое и бесправное положение терпимым и даже незаметным, не делает последнюю менее иррациональным и менее достойным порицания. При этом у меня нет претензий на истину в последней инстанции, а есть понимание, что окружающий мир — это субъективное представление моего Я, а кроме того, никакой разум не может быть лишен веры, страсти, пафоса, сомнений и амбиций. Главное сохранить в себе положительное восприятие мира, избежать гордыни, зависти, сожаления и жалости к себе.

Что касается мемуаров, то здесь необходимо постараться вернуть свою память издалека с максимальной подробностью, избежав выдумки и лжи, насколько это возможно. В этой связи хочу привести слова немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Гюнтера Грасса. В мемуарах «Луковица памяти» он пишет: *«Память, если донимать ее вопросами, уподобляется луковице... Под первой, сухо шуршащей пергаментной кожей находится следующая, которая, едва отслоившись, открывает влажную третью, под ней, переешепываясь, ждут свой черед четвертая, пятая... И на каждой пленочке проступают давно хранившиеся слова или витиеватые знаки, будто некий тайнописец начертил их тогда, когда луковица еще только нарождалась»*.

Моё детство и юность проходили не в урбанизированной столице, а в районных и областных городах, в гуще титульной нации и других народов, населявших Киргизию. Прежде чем получить аттестат зрелости я сменил пять школ, таков был характер работы отца. Будучи мальчишкой, я, как и многие мои сверстники, общаясь с киргизами, быстро освоил местный разговорный язык, впитал традиции и духовную культуру этого народа. И вот теперь по прошествии лет и волею судьбы — Таруса небольшой, но знаменитый славными творческими именами российский городок на берегу Оки. Зимний вечер. Вскрываю бандероль, полученную накануне из Киргизии.

В моих руках несколько музыкальных дисков присланных по моей просьбе родственниками из Бишкека. Это национальные мелодии в исполнении знаменитых акынов — авторов музыкальных произведений и исполнителей в одном лице, — классика жанра и ретро одновременно. Укладываю диск на лоток плеера, и он плавно исчезает в чреве музыкального центра, затем удобно усаживаюсь в кресло и окунаюсь в уютный полумрак комнаты.

Акын мягко перебирает струны комуза — трехструнного щипкового инструмента. Знакомая мелодия уносит меня на малую родину — туда, где прошли детство, юность и часть зрелой жизни. Невольно в душе возникли чувства несравнимо большие, нежели ностальгия, нахлынуло нечто близкое и родное. Ком в горле.

Музыкальный центр воспроизводит одну мелодию за другой, мои мысли утекают в прошлое...

ГЛАВА I. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ТУРКЕСТАН. ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Туркестан — исторический регион населенный народами тюркского происхождения. Восточный Туркестан — историческая область на западе Китая, официальное название Синьцзян — Уйгурский автономный район. Западный Туркестан — территория Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. Средняя Азия — это четыре вышеуказанных республики Западного Туркестана без Казахстана. Центральная Азия, в современной интерпретации, это Средняя Азия с Казахстаном.

После распада крупнейшей в истории человечества империи Чингизхана, её унаследовали дети: Хубилай — Монголию и Китай, Бытый — Золотую орду, Хулагу — Иран, Чеготай — Среднюю Азию. В то же время собиратель земли русской — Иван III (1462 – 1505), положил краеугольный камень величию России — сделал первый почин движению на восток. При нем в 1472 была завоевана Пермь, а за тем Вятка и земля Югорская (Северо Запад Сибири). Когда Русь собралась в могучее целое присоединением к Москве: Великого Новгорода в 1478 году, Твери в 1485, Смоленска в 1514 и Рязани в 1517 году, решено было покончить с набегами казанских татар. В 1552 году Иван Грозный со 150.000 русских войск осадил Казань и взял ее 2-го октября приступом через брешь, образованную взрывом сильной мины (48 бочек пороху). Через четыре года т. е. в 1556 было присоединено Астраханское царство, возникшее на развалинах Золотой Орды. К концу царствования Ивана Грозного Россия шагнула за Каменный пояс, как тогда называли Уральский хребет. Летом 1581 года Строгоновы предложили казакам перевалить за Каменный пояс и наказать хана Кучума. Предприятие это было задумано без ведома и позволения Москвы, но «победителей не судят». Победителем был легендарный Ермак.

Избавившись от монгольского ига, русские государи стали обращать на Восток более пристальное внимание. Там за бесконечными равнинами и высокими горами находилось сказочно богатое Индийское царство. Оттуда шли караваны, привозившие шелковые ткани, слоновую кость, оружие, золото и драгоценные камни.

«Великий шелковый путь», связав торговые и культурные центры Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока приобрел межконтинентальный характер, сыграл важную роль в судьбах народов Туркестана и Средней Азии. Южный путь от Китая через Среднюю Азию и Иран до средиземноморских портов Тир и Сидон имел протяженность свыше 9 тысяч километров. Купцы, гонцы, проводники караванов непрерывно двигались в оба направления, находясь под охраной соответствующих государств, которые обеспечивали купцов караван — сараями для отдыха.

Особенно большая роль в торговле на Шелковом пути принадлежала *согдийцам*, то есть самаркандцам. Согдийскими купцами были основаны поселения в крупных торговых

центрах Средней Азии, Восточного Туркестана и Северного Китая. Главным товаром по всему пути был шелк. Кроме того, из Китая на Запад шли ткани типа тафты, репса, тонкие камчатые и газовые ткани. Верблюды несли на себе тюки, в которых находились бронзовые китайские зеркала, зонты, лекарства, парфюмерия. С Запада вывозили стекло и стеклянные изделия, а также одежду из шерсти.

Шелковый путь был не только торговой артерией, стимулирующей экономическую активность многих регионов Востока и Запада, — по нему шел обмен информацией, производственными навыками, культурными ценностями. Средняя Азия оказалась в центре огромной транспортной системы самого большого материка. Через среднеазиатскую территорию шел интенсивный обмен материальными и духовными ценностями, чем не могли не воспользоваться ее обитатели. Перекрестком Азии стал Самарканд, куда перебрались и оставались жить на долгие годы ученые, музыканты, художники, архитекторы.

Русские, попадавшие в полон и уводимые в далекие города Средней Азии, если им удавалось возвратиться на родину, сообщали много интересных сведений о тех местах. Отрывочные, а иногда баснословные сведения искателей приключений о посещаемых ими землях, их богатстве и чудесах природы невольно стали привлекать внимание к Средней Азии и явились причиной отправки особых посольств с целью установления торговых и дружественных отношений.

А вот казачья вольница, осевшая по реке Яик, по своему жизненному укладу не в состоянии была спокойно ожидать, когда русские власти признают необходимым объявить приказ о походе вглубь Азии. И поэтому предприимчивые, смелые казачьи атаманы, помня о подвигах Ермака, на свой страх и риск собирали удальцов, готовых идти за ними хоть на край света за славой и добычей. Степь и чужие земли начинались за рекой Урал. Налетая на «хивинцев», они отбивали стада и, нагруженные добычей, возвращались домой.

Память народа сохранила имена яицких атаманов Нечая и Шамана, ходивших походом в далёкую Хиву с сильными отрядами казаков. Первый из них с 1000 казаками в начале XVII столетия, перейдя с необыкновенной быстротой безводные пустыни, внезапно, как снег наголову, напал на хивинский город Ургенч и разграбил его.

С огромным обозом добычи двинулся атаман Нечай обратно. Но видно не в добрый час вышли в поход казаки. Успел хивинский хан спешно собрать войска и настиг казаков, которые шли медленно, обременённые тяжелым обозом. Семь дней отбивался Нечай от многочисленных ханских войск, но отсутствие воды и неравенство сил всё же привело к печальному концу. В жестокой сече погибли казаки, за исключением немногих, обессиленных ранами, взятых в плен и проданных в рабство.

Но эта неудача не остановила удальцов–атаманов; в 1603 г. Атаман Шамай с 500 казаками, как вихрь урагана, налетел на Хиву и разгромил город. Однако, как и в первый раз, смелый набег окончился неудачей. Задержался Шамай из-за гульбы на несколько дней в Хиве и не успел вовремя уйти. Выйдя из города, преследуемые хивинцами, сбились казаки с дороги и угодили к Аральскому морю, где у них не стало провианта — начался голод. Остатки отряда, обессиленные и больные, были захвачены в плен хивинцами и окончили жизнь невольниками в Хиве. Сам же Шамай спустя несколько лет был привезён калмыками на Яик для получения за него выкупа.

Затем неудачей закончились еще два крупных похода на Хиву — князя Бековича—Черкасского в 1717 г. и зимний поход графа Перовского в 1839–1840 гг.

Однако Россия, изменив тактику, хоть и медленно, но продолжала своё поступательное движение вглубь Средней Азии. К середине XIX века постройкой Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть—Каменогорской крепостей удалось оттеснить киргизов (собирательное название) к югу, укрепив более чем на тысячу вёрст долину реки Иртыш. Но «хивинцы», хоть и менее активно, продолжали совершать набеги на

приграничную Русь — грабили торговые караваны, брали пленных и продавали их в рабство на невольничьих рынках. Особо ценились русские женщины.

Достаточно сказать, что при покорении Хивинского ханства в 1873 году были освобождены более трёх тысяч русских, находившихся на положении рабов и более 30 тысяч рабов иных национальностей — в основном персов.

1

После кончины Тимура, который вытеснив монголов скреплял Среднюю Азию жестокой военной силой, распалось и его государство. На обломках возникли Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Ханства втянулись в войны, как между собой, так и с независимыми туркменами, таджиками, киргизами и казахами. Воевали все против всех. В регионе наступил политический хаос. Слабые, разобщенные среднеазиатские государства противостоять этому были не в силах.

Постепенно стала пробуждаться мысль: не следует ли, ради выживания, обратиться за покровительством к одной из соседних держав? Рассматривались все варианты. Шиитская Персия — враждебна по расхождению в вере, поскольку в Средней Азии почти все мусульмане сунниты. Единоверные турки далеко. Китай совершенно чуждый, да еще и за горными хребтами. Поэтому, чаще всего, взоры обращались к России. Она тоже была иноверной. Но, судя по тому, что рассказывали те, кто побывал в России, мусульман там не принуждали отрекаться от веры, людей в рабство не обращали и не продавали, как на невольничьих рынках.

Первыми, добровольно и по своей инициативе, решили принять российское подданство Казахские жузы. В XVII веке на территории Казахстана проживало порядка 3300 тысяч казахов. Старший жуз численностью порядка 700 тысяч человек традиционно занимал территорию от верхнего и среднего течения Сырдарьи до Семиречья включительно. Средний жуз, численностью порядка 1200–1300 тысяч человек, занимал регионы Центрального и Северо-восточного Казахстана и среднее течение Сырдарьи. Младший жуз занимал низовья Сырдарьи, побережье Аральского моря, северную часть прикаспийской низменности и низовья реки Урал.

8 сентября 1730 года посланцы Младшего жуза были приняты императрицей Анной Иоанновной. Их просьба о включении жуза в состав Российской империи была удовлетворена указом императрицы от 19 февраля 1731 года. Со стороны Казахского ханства акт о добровольном присоединении Младшего жуза к России был подписан 10 октября 1731 года (жалованная грамота императрицы Анны Иоанновны на имя хана). Эта дата и вошла в историю как начало присоединения Казахстана к России.

Казахи обязались защищать пределы Российской империи. В том же XVIII столетии казахами, на основании этого обязательства, был усмирен башкирский бунт. Добровольцы-казахи во главе с коллежским ассессором Байжазыком Кушукбаевым участвовали в преследовании Наполеона I, после оставления им Москвы. Он дошел вплоть до самого Парижа и побывал по дороге в Берлине.

В мае 1824 года Император Александр I подписал грамоту о принятии в подданство 14 султанов Старшего жуза кочевавших в Семиречье. В 1830 году присягу приняло несколько волостей Среднего жуза. Позднее, во время завоевания Россией Туркестанского края, казахи в этом принимали активное участие.

Генералы Скобелев, Черняев и Кауфман считались не только русскими, но и казахскими народными героями, сложить головы за которых, джигиты и батыры (богатыри) считали за честь. Особое место среди них занимает Дмитрий Михайлович Скобелев. За выдающиеся заслуги перед Царём и Отечеством, в Москве, на месте

нынешнего памятника основателю Москвы Юрию Долгорукову, в 1912 году был установлен монументальный памятник Д. М. Скобелеву. Он был уничтожен 1 мая 1918 года, по личному указанию Ленина во исполнение декрета «О снятии памятников царям и их слугам». Большевики шельмовали Скобелева, как генерала поработившего Восток и если имена Суворова и Кутузова замалчивались до Великой Отечественной войны, то имя Скобелева впервые было озвучено, лишь в 50-е годы. В то же время, благодарная Болгария, даже будучи союзником фашистской Германии, сохранила все памятники и музей Скобелеву в Пловдиве.

После неудачной Крымской войны 1853–1856 гг. российское правительство вынуждено было временно сменить вектор своей внешней политики с Западного (Европа) и юго-западного (Балканы) на восточный и юго-восточный. Этот вектор представлялся весьма перспективным как в плане экономическом, так и геополитическом.

В качестве плацдарма продолжалось строительство укрепленных пунктов: в 1847 году, в низовьях Сырдарьи, Россия возвела укрепление Раим, а затем, готовясь к столкновениям с кокандцами (1850), форты № 1–3. Затем последовала Туркестанская военная компания в результате которой в 1853 году была взята кокандская крепость Ак-мечеть, в 1860 г. — Токмак, а в 1862 г. Пишпек и весь Семиреченский и Заилийский край.

В 1864 г. были взяты города Аулиеата и Чимкент и предпринята неудачная попытка взятия Ташкента. В 1865 году из занятых земель была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. В этом же году генералом Черняевым был взят Ташкент.

В 1867 г. из всех земель, занятых в киргизских степях и Кокандском ханстве, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте в составе Сырдарьинской и Семипалатинской областей.

Бухара и Хива по-прежнему проявляли враждебность. Надменный образ действия бухарского эмира, требовавшего очищения занятой территории и Ташкента и задержка русской миссии в Бухаре привели к окончательному разрыву отношений.

В 1866 году Россия приступила к военным действиям и бухарцам было нанесено сильное поражение под Ирджаром, был взят Ходжент, Ура—Тюбе, Джизак и обширные прилегающие районы. Военные действия возобновились с весны 1868 года, при этом был взят Самарканд, Катта—Курган, Ургут и нанесено сильное поражение противнику под Зерабулаком. В результате Бухара пошла на заключение мирного договора. Бухарское ханство вошло в состав России, был образован Зеравшанский округ, к которому в 1870 году были присоединены все горные бекства по верхнему течению реки Зеравшан.

Затем была организована военная экспедиция с взятием Хивы и занятием земель на правом берегу Амударьи с образованием особого Амударьинского отдела, вошедшего в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1875 г. в Кокандском ханстве, во главе которого стоял ставленник бухарского эмира Худояр-хан, вспыхнул мятеж и был объявлен газават (священная война) против русских. В результате военных действий русские войска заняли Андижан — центр восстания, Наманган, Коканд, и с образованием в 1876 году Ферганской области, закончилось фактическое присоединение Кокандского ханства к России.

Не менее быстро шло расширение русской территории в западной части страны. В 1869 году на восточном берегу Каспийского моря был основан г. Красноводск. Постоянные набеги туркмен заставили в 1870 г. занять Кизил—Арват, а в 1874 году из земель, отнятых у Хивы, образован Закаспийский отдел в составе Кавказского военного округа. В 1881 г. генерал Скобелев завладел крепостью Геок—Тепе и присоединил к России все земли у подошвы Копетдага. Действия Скобелева и быстрая постройка Закаспийской железной дороги сильно повлияла на соседних туркмен, и в 1884 г. обитатели Мерва добровольно присоединились к России.

Однако на этом военные действия не завершились, так как в 1873 г. афганский эмир вторгся в этот регион и овладел Бадахшаном и Ваханом, а в 1886 г. Шуганом, Рошаном и

оазисом Пенде на реке Мургаб. В 1885 г. у Ташкепри афганцы были разбиты русскими войсками. А в 1887 г. особая англо–русская комиссия обозначила границы, в результате к России отошли обширные земли по рекам Мургабу и Кушке.

В 1891 году в юго–восточной части Туркестана вновь произошли столкновения с афганцами, в результате был занят Памир. В 1896 году на Памире была обозначена граница Российской империи. В результате, по завершении военной компании Туркестанский край состоял из пяти областей: Закаспийской, Самаркандской, Ферганской, Сырдарьинской и Семиреченской.

Этнический состав среднеазиатских владений выглядел следующим образом:

Кара–киргизы или горные киргизы — собственно киргизы нынешнего Кыргызстана.

Киргиз — кайсаки — кочевые киргизы, равнинные или степные киргизы, кочевавшие на территории нынешнего Казахстана, на территории сопредельных с ним российских областей, а также на территории Каракалпакии, Голодной степи и Ташкентского уезда, частично вошедших в состав Узбекистана. С 20-х годов XX века именуются **казахами**.

Сарты — общее наименование части населения Средней Азии в XV–XIX веках. Согласно БСЭ, до Октябрьской революции 1917 года название «сарт» по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам употребляли преимущественно полукочевая часть узбеков и казахи. В Ташкентском, Ферганском и Хорезмском оазисах и Южном Казахстане оно являлось самоназванием оседлого населения Средней Азии, вошедшее в состав современных узбеков.

Кипчаки — кочевое население бывшего Кокандского ханства, занимающее верховенствующую роль в его управлении, по сравнению с оседлыми сартами и кочевыми киргизами. Собственно кипчаков как обособленного народа к концу XIX века не существовало, под кипчаками подразумевались роды узбеков, казахов и киргизов, занимавшие ключевые позиции в управлении ханством.

Татары — татары Поволжья играли значительную роль в торговых отношениях между русскими городами, казахами, среднеазиатскими государствами, благодаря своей принадлежности к мусульманской вере и общности языка и в то же время принадлежности к российскому государству. Практически в каждом городе российской Азии существовали татарские районы. Часть татар служила в казачьих войсках.

Туркмены — кочевое население Хивинского ханства и Ахал—Текинского оазиса в отличие от правящих в Хиве узбеков.

Каракалпаки — иногда исследователи не выделяли их в отдельный народ, относя к этнографической группе казахов.

Бухарские евреи — население городов Бухарского и Кокандского ханств. По некоторым преданиям появились в Средней Азии в период Ассирийского царства, переселившего пленных иудеев в подвластные азиатские города.

Уйгуры и дунгане. Они перешли в Семиреченскую область из Китая в количестве нескольких десятков тысяч человек после поражения уйгуро–дунганского восстания 1862–1877 гг. и вывода российских войск из Кульджи в 1881 году.

Советская власть замалчивала этот пласт интересной и героической истории, однако она неотъемлемая часть русской истории, и мы должны знать её, помнить и гордиться славными сынами Отечества: генералами Скобелевым, Кауфманом, Черняевым, Шайтановым, Перовским, Обручевым, Вережкиным, Колпаковским, Головачевым и другими. Офицерами: Алексеевым, Григорьевым, Энгманом, Жемчужниковым, Абрамовым, Михайловским, Барановым, Маркозовым, Аминовым, Ренуа, Вроченским, Обуховым, Огаревым, Циммерманом, Шкуп и многими другими.

Будем помнить унтер–офицера Фому Данилова, попавшего в плен с товарищами, которых в Маргилане, публично, на площади, зарезали за отказ принять мусульманство, а ему отрубили пальцы, поджаривали его на углях, вырезали ремни из спины, но так и не сломили волю. Фома Данилов оставил долгую память о своем непоколебимом мужестве

даже у врагов. Пулат-хан, учинивший зверскую расправу над пленными, был пленён в 1876 году и казнён там же, на месте расправы. Подобная судьба постигла и артиллериста Агафона Никитина в 1880 году, взятого в плен текинцами при осаде крепости Денгиль-тепе.

Будем помнить тех, кто запечатлел историю Туркестана на своих холстах — художника Николая Николаевича Каразина (1841–1908), академика Санкт—Петербургской Академии художеств — «певца русского Туркестана» и Василия Васильевича Верещагина (1842 – 1904). В 1867 году по приглашению генерал — губернатора К. П. Кауфмана он приехал в Туркестан. В мае 1868 года, в Самарканде, он принял боевое крещение, выдержав с горстью русских воинов тяжёлую осаду этого города восставшими местными жителями, за что был награждён Орденом Святого Георгия. Туркестанская серия работ В. В. Верещагина в 1871 – 74 годах имела колоссальный успех в России и Европе, в том числе в Хрустальном дворце Лондона. Когда началась русско-японская война, Верещагин поехал на фронт. Вместе с адмиралом Макаровым он погиб под Порт — Артуром, при взрыве броненосца «Петропавловск» на mine. Произошло это 31 марта 1904 года.

Известный русский поэт «Серебряного века» Николай Гумилев посвятил Героям Туркестана своё стихотворение «Туркестанские генералы»:

*Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.
Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.
И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.
Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружьё»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;
Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч—Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.
— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана»
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана...*

Прошло 25 лет со времени покорения Туркестана. Тревоги войны были забыты, край успокоился, русская власть утвердилась прочно на всём обширном пространстве. За это короткое время в столице Туркестана Ташкенте, словно из-под земли вырос новый русский город — обширный, богатый нарядный. В нём, более тысячи домов европейской

постройки, утопающих в зелени густых садов, административные здания, культурные учреждения, гимназии, большие магазины, гостиницы. В праздничные и царские дни раздаётся торжественный звук колоколов, призывающий православных людей в храмы Божьи...

Россия в Туркестане исполняла благородную миссию, внося в нее европейскую цивилизацию, расширяя человеческие знания, вводя новые племена в семью цивилизованных народов и это, была высшая польза, какую когда-либо извлекал мир от подобных войн, начиная с Александра Македонского.

Россия вынуждена была войти в Туркестан, чтобы обезопасить свои границы и своих подданных (казахов, киргизов) от бесконечных набегов Хивы, Коканда и других, а так же с целью остановить продвижение Британской Индии в Среднюю Азию со всеми вытекающими последствиями.

2

Киргизия — часть Западного Туркестана (Средней Азии). На севере она граничит с Казахстаном, на востоке и юго-востоке — с Китаем, на юго-западе — с Таджикистаном, на западе — с Узбекистаном. Это горная страна. Большая ее часть входит в систему Тянь—Шаня, и только крайний юго-запад относится к Памиро—Алаю. На её территории более трех тысяч озер, в том числе живописный Иссык—Куль — одно из величайших высокогорных озер мира. Крупные реки: Нарын, Чу, Талас. Река Нарын, сливаясь с Карадарьей, образует Сырдарью. Воды Сырдарьи текут на восток в Ферганскую долину и далее в сторону Аральского моря.

Киргизы — горные кочевники. В основном разводили лошадей и овец, меньше крупный скот, кроме того на равнинах — верблюдов, в высокогорье — яков. Они использовали «вертикальный» способ кочевания. Каждый аил кочевал на определённой территории. Летом, навьючив лошадей, люди со стадами овец откочевывали на горные пастбища — «жайлоо», в преддверии зимы возвращались на «кыштао» — зимние пастбища. Селились обычно аилами, которые создавались главным образом по родовому признаку. Зимние стоянки строили в защищенных от ветра долинах и ущельях на небольшой высоте вблизи воды и земельных угодий. Здесь ставили юрты, строили навесы, сараи, загоны для скота обносили каменной, глиняной или плетёной оградой. Со временем на зимовках появились постоянные жилые и хозяйственные постройки.

Летняя перекочёвка — это был своеобразный праздник. Женщины, девушки и даже дети ехали верхом, причем лошади были убраны по-праздничному, вьючные верблюды обвешаны бухарскими коврами или пёстрыми киргизскими войлоками, украшены страусовыми перьями, лентами бубенчиками. Женщины и дети наряжаются в лучшие одежды; замужние женщины прикрепляют сзади пояса разноцветные попоны, мужчины подпоясаны кушаками в серебряной оправе, в руках дорогие нагайки (камча), щегольские уздечки и сёдла были покрыты золотом и серебром.

Верхней одеждой киргиза служил длинный и широкий халат с длинными широкими рукавами. Все халаты подбиты ватой. Под халатом носят длинную рубашку. На бритой голове *тюбетейка*, а на ней шапка — летом войлочная, зимой меховая. На кожаном поясе подвешен нож, мешочки с огнивом и кремнем, печать или *тамга*, которую прикладывают вместо подписи и разная мелочь.

Киргизки одевались так же, как и мужчины, только голову покрывали белым покрывалом. Женщина постоянная работница в семье: шерстяные верёвки (аркан), ковры, войлоки, шляпы, тканая армячина — это всё дело её рук.

Любимейшее занятие киргиза — ловля зверей при помощи выученных птиц: беркута, ястреба или сокола. Голова птицы, накрытая чехлом, сидит у киргиза на руке едущего на

лошади. Когда охотник снимает чехол и подбрасывает беркута, он взлетает, обнаруживает добычу и пикирует на неё — будь то заяц, лисица, дикая коза и даже волк. Впившись когтями, беркут ждёт хозяина, который добывает трофей.

Лошадиные скачки самое любимое развлечение киргизов, они устраиваются при каждом удобном случае: свадьба ли, рождение первенца, поминки. Оповещаются все соседние аулы, собираются родичи, знакомые, целые толпы праздничных киргизов собираются поглядеть на *байгу*. Мечта каждого киргиза иметь *карабаура* — особая порода лошади, которая ведёт свой род от от туркменского *аргамака*. Чтобы добыть *карабаура* киргиз был готов на всё.

У киргизского народа сохранились такие хорошие традиции, как например, забота о госте, верность дружбе, помощь пострадавшим от стихийных бедствий и др.

Особое место занимали семейно-бытовые традиции. Складывающиеся веками, они отражали мудрость многих поколений. Высокая нравственность проявлялась в исключительном почитании старших и особенно родителей.

Гостеприимство было и есть отличительной чертой киргизского народа и одним из прекрасных народных обычаев. Всё лучшее, что находилось дома: еда, постель, а также всеобщее внимание домочадцев посвящали гостю. Киргизы говорили: "*Коноктуу уйде кут бар*" — «Гость — благодать дома». Гостями могли быть: случайный путник — "*кудай конок*" или приглашённые — "*коноктор*". Если к юрте подъезжали всадники, то обязательно к ним навстречу выходили хозяева и помогали спуститься с коня, приглашали в юрту. У киргизов не принято было с ходу задавать вопросы, расспрашивать о цели приезда. Гостю предоставляли ночлег, а хозяин отвечал за сохранность вещей и за фураж для лошадей принадлежащим гостям.

В кочевой и полукочевой периоды основным жилищем киргизов была переносная юрта, в которой проходила вся жизнь кочевника. Деревянная конструкция и войлочное покрытие юрты веками усовершенствовались кочевниками; она легко и быстро разбирается на отдельные составные части, удобные для транспортировки и так же быстро компактно собирается. При переездах на кочевья юрта со всем содержимым в обычном порядке навьючивалась на верблюда, лошадь или яка. При её установке растягиваются по кругу решётчатые раздвижные стены (*кереге*), состоящие из отдельных звеньев (*канат*); на юрту средних размеров раздвигаются 5–6 канат, на большую — 8–12, собирается разборная дверная рама (*босого*), на которую навешивается двустворчатая дверь (*каалга*). Диаметр окружности средней юрты около 5 м, высота — в пределах 3–3,5 м. Сферическую часть юрты составляют отточенные жерди (*уук*). Загнутым концом они прикрепляются к верху раздвинутых *кереге*, другим — упираются в отверстия обода (*тюдюк*). С внешней стороны *кереге* закрывают циновкой, сплетённой из стеблей чия. Остов юрты плотно покрывается войлоком.

Киргизская юрта имеет много общего с юртой казахов и других народов Средней Азии, в то же время она отличается внутренним и внешним убранством, в котором отражается народный художественный вкус. Земляной пол юрты покрывается кусками кожи, ткаными паласами, меховыми и войлочными коврами. Решётчатые стены в строго определённом порядке завешаны разного рода мешками и сумками, в которых хранятся утварь, одежда. В размещении обстановки и расселении членов семьи киргизы строго придерживаются вековых традиций. В середине юрты отведено место (*коломто*) для очага, который обогревает всё помещение. Справа от выхода — женская половина (*эпчи жак*), где хранятся продукты, утварь; слева — мужская половина (*эр жак*), где сразу у входа развешиваются принадлежности скотоводческого хозяйства, конское и охотничье снаряжение. Освещалась юрта с помощью ватного фитиля и жира, налитого в чугунный или глиняный светильник (*чырак*). Его ставили обычно на деревянную резную подставку, острым концом уходящую в землю. Лишь в начале 20 в. стали появляться керосиновые лампы.

Напротив входа в юрту на сундуки, скамьи или камни складывались стопкой постельные принадлежности, ковры, кошмы, тюки с одеждой, кожаные сундуки, подушки и прочее, в котором сосредоточивалось всё богатство семьи; по нему можно было судить о материальном достатке хозяев. С ним связано характерное для народа гостеприимство, уважение к старшим. Для гостей из него извлекались лучшие ковры, одеяла, подушки, которые расстилались на почётном месте.

Внутреннее и внешнее убранство юрты всегда отражало классовую принадлежность владельца. Юрты богатых отличались большими размерами. Их покрывали добротными белыми кошмами, орнаментированными полосами. Внутри юрты — всегда обилие войлочных, ворсовых ковров, паласов, вышивок, аппликаций, циновок из чия. К тому же богатый имел не одну, а несколько юрт, в том числе для каждой из жен коих по мусульманскому обычаю могло быть до четырёх, для новобрачных, приготовления пищи и др. Основная масса кочевников имела лишь одну юрту малых или средних размеров.

Народные музыкальные инструменты киргизов немногочисленны. Наиболее популярный из них трёхструнный, щипковый *комуз*. Особый слой киргизской народной песни составляет *акынское* песенное искусство, автором которого выступает певец-импровизатор. Талантливый акын-виртуоз выделяется своими хорошими профессиональными вокальными данными и богатым поэтическим даром.

Традиционное киргизское блюдо киргизов бешбармак — часть истории горного народа. Но бешбармак — это не только блюдо, но и определенный национальный ритуал. Он готовится, как правило, из мяса барана по случаю семейных праздников (*той*) и для почётных гостей. Слово *беш* по-киргизски означает пять, а *бармак* переводится как пальцы. В целом название происходит от значения «пять пальцев», это связано с тем, что в старину, да и по традиции сегодня, это блюдо едят пальцами.

Приготовление мяса — обязанность мужчин (от забоя барана и до шинковки отварного мяса), лапшу делают женщины. Для бешбармака режут барана, разделанное мясо варится в большом котле — казане. Отваренное и затем мелко нашинкованное мясо перемешивается с отваренной в бульоне тонко нарезанной лапшой (*кесме́*) с добавлением соуса *чык* (на основе жирного мясного бульона с припущенным нашинкованным репчатым луком и молотым чёрным перцем. Вместе с мясом и курдюком (*куйрук*) могут быть отварены субпродукты — печень (*боор*), лёгкие, желудок, а также полуфабрикаты из конины (*карта́*, *чучук*). Отваренные курдюк и печень нарезают тонкими ломтиками (*куйрук-боор*) и угощают ими всех гостей.

Перед бешбармаком каждому гостю в большой пиале (*кесе́*) подают бульон и мясо на кости, таких кусков у барана двенадцать. По обычаю, если гостей больше двенадцати, хозяева должны зарезать ещё одного барана. Иногда к баранине добавляется конина в варёном, копченом, либо вяленом виде. По особым случаям на дастархан подаётся опалённая и отваренная голова барана (едят уши, язык, глаза, щёки, нёбо). Эти части головы распределяются среди гостей согласно возрасту и положению.

За дастарханом, любой гостеприимный хозяин должен рассадить гостей в зависимости от пола, возраста, места в клановой иерархии и т. д. Дастархан в переводе означает: *дос* — друг, *хан* — правитель. Дастархан — правитель друзей — стол, за которым собираются друзья, соседи, знакомые, родные.

Уважаемому аксакалу или наиболее уважаемому гостю подают баранью голову, а тот в свою очередь угощает остальных частями бараньей головы с различными пожеланиями. Ответные выступления гостей, так же регламентируются возрастом и положением человека в обществе.

Большое место в питании киргизов занимало молоко: коровье, овечье, козье, кобылье, ячье и обязательно кипячёное или кислое. Самым распространённым молочным продуктом в ежедневном питании было кислое молоко (*айран*). На летнем пастбище делали из молочных продуктов заготовки на зиму. Из айрана готовили сыр (*курут*), который зимой растворяли в тёплой воде, что заменяло айран. Разведённый курут

смешивали с топлёным маслом. Эжигей (особый сорт творога) употребляли как лакомство. Топлёное масло хранили в специально обработанном коровьем или овечьем желудке (*карын*). Масло получали разными способами: ручным пахтанием, пахтанием с помощью мутовки в деревянном ведёрке, пахтанием в узком высоком деревянном сосуде.

Излюбленным напитком был и остаётся кумыс (*кымыз*). Готовят его из кобыльего молока в большом кожаном сосуде (*саба*). Перевозили кумыс в кожаных мешках (*чанач*) или специально изготовленных орнаментированных сосудах, пили из деревянной чаши (*аяк*). Деревянная посуда была наиболее употребляемой.

Погребают кыргызов на кладбище племени, расположенном на возвышенности. Для важных и богатых людей строятся могилы—купола, которые напоминают юрты.

Почти все наши сведения о судьбах восточной Средней Азии в домонгольский период извлечены из произведений китайской официальной историографии. В этнической истории происхождения киргизов вызывает много споров. И это не случайно: в результате многочисленных племенных войн их государственность то возрождалась, то угасала. Первое упоминание этнонима «кыргыз» встречается в китайской официальной историографии «Исторические записки» (Ши цзи), в событиях 201 г. до н. э., написанной китайским историком Сыма Цянем в 99 году до н. э. Рассказ о событии 201 года до нашей эры ничего не говорит о месте нахождения киргизов. Позднее, в середине I века, стало известно, что киргизы населяли в основном Минусинскую котловину на Енисее. В раннем средневековье население среднего течения Енисея называлось в арабских и персидских источниках «хыргыз», а в согдийских текстах «кыргыз». Население составляло до полумиллиона человек. Численность войска, вооруженная копьями, луками и саблями достигало 60 тысяч человек. Енисейские киргизы были европеоидные — с рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами. Занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. В те времена киргизы были язычниками. На Енисее создавалась окраинная культура киргизов не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурскую, несмотря на сходство языка и письменности.

О судьбах киргизского народа в первые пять веков нашей эры, практически нет никаких сведений, есть лишь упоминание о Тянь—Шане — нынешней территории Киргизии, где существовал Сакский и Усуньский племенной союзы.

Между тем северный Китай и Центральная Азия были насыщены важными событиями. В промежутке между исчезновением хунну в IV веке и подъемом Тюркского каганата в VI веке был создан Великий Тюркский Каганат во главе с «ильханом» — правителем народов. В период наибольшего расширения (конец VI века) Каганат контролировал территорию Северо—Восточного Китая, Монголию, Алтай, Центральную Азию и Кавказ. Однако после смерти Тобо—хана в 581 году произошло ослабление, а затем в 603 году Тюркский Каганат распался на Западно—тюркский каганат и Восточно—тюркский каганат.

Антитюркские силы Западно—тюркского каганата возглавило государство Кыргыз, в которую входили империя Тан и Тюркешский каганат. Во главе коалиции стоял ажо Барс—бег — историческая личность, которая по суждению известных историков олицетворяет образ Манаса Великодушного. Барс—бег пал в сражении с тюрками, преодолевшими зимой 710 года Саянский хребет и неожиданно нападшими на лагерь киргизов. Это событие достаточно подробно описал Лев Гумилёв в своём труде «Древние тюрки».

В середине VIII века киргизы становятся данниками уйгурских ханов. Однако после двадцатилетней войны в 840 году, киргизы сокрушают уйгуров и образуют государство — Киргизский каганат. С этого времени начинается широкая экспансия енисейских киргизов. Преследуя разбитых уйгуров, они проникают вглубь Восточного Туркестана и в Прииртышье — в пределы кимакского государства кочевников, располагавшегося на территории современного Казахстана и Южной Сибири.

Этот отрезок истории киргизов российский востоковед академик Василий Бартольд в своём труде «Киргизы: Исторический очерк», называл «периодом киргизского великодержавия». К сожалению, сведения об этом периоде весьма скудны.

Известно, что из страны киргизов вывозилось много мускуса и мехов. По описанию наружность у них грубая, отличаются воинственностью. Кочуют в повозках с лошадьми, баранами и коровами, занимаются охотой. Они почитают огонь и сжигают мёртвых. Живут в палатках и шатрах. По религии киргизы были шаманистами и, не смотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком-либо успехе среди киргизов буддийской или мусульманской пропаганды.

Однако не прошло и ста лет после поражения уйгуров и начала киргизского великодержавия, как этому пришёл конец. В начале X века первенство в восточной части Средней Азии перешло к китаям, народу монгольского происхождения.

В 1207 году старший сын Чингиз хана — Джучи выступил против народов Южной Сибири. Киргизы, которые к тому времени были раздроблены, решили подчиниться Чингиз-хану без напрасного кровопролития. Все три киргизских владения: Еди — Орун (средний Енисей), Тува и Алтай были включены в состав империи Чингиз-хана.

В 1219 году Чинги-хан силою меча покорил Среднюю Азию. Перейдя Памир, монголы обрушились на города: Кашгар, Жаркенд, Хотан, Бухара, Коканд, Фергана, Хива, Мерв, Отрар, Термез и прекрасный Самарканд — один из самых развитых городов мусульманского мира. Затем очередь дошла до Афганистана, Ирана и Руси — находившейся под игом с 1237 по 1480 годы.

К тому времени, да и несколько позже, средневековый Восток дал миру выдающихся философов, ученых, поэтов. Ими были: Юсуф Баласугуни, Махмуд Кашгари, Аль Фараби, Ибн Сина, Фирдоуси, Бируни, Рудаки, Низами, Омар Хайям, Руми, Саади и другие.

3

Монгольская империя — крупнейшая за всю историю человечества, основанная в 1206 году Чингиз-ханом распалась на улусы в 1227 году после его смерти. Агония государства созданного ханом Батыем на этих обломках длилась до середины XV века. В неё входили: Большая орда — или Золотая орда, Ногайская орда, Астраханское ханство, Казанское ханство, Крымское ханство, Сибирское ханство.

Киргизы, между тем, оказались на Тянь—Шане и Памиро—Алае. Вопрос о том, когда и откуда предки киргизов пришли на занимаемые ныне киргизские земли, остаётся неясным и дискуссионным.

В 80 гг. XV века завершилась консолидация киргизской народности с образованием собственной государственности — Киргизского улуса или ханства. Этому предшествовало объединение всех племён в два «крыла» — традиционное объединение всех тюркских кочевников, начиная с гуннов. В правое крыло входили такие крупные племена, как сарыбагыш, бугу, саяк, солто, жедигер, тынымсеит, монголдор, багыш, баарын, черик, жору и другие проживающие в основном в Западном и Центральном Тянь—Шане. В левое крыло вошли племена: кушчу, сару, мундуз, жетиген, кытай, а так же южнокиргизские племена: адыгине, кыпчак, найман, тейит, кесек и другие.

Все племена, вошедшие в новую административно-военную систему стали именоваться общим этнонимом «кыргыз». Первым верховным правителем в 1508 году был объявлен Мухаммед—Кыргыз, активно способствовавший консолидации киргизских родов и племён. Он вошел в историю под легендарным именем Тагай—Бия и считается родоначальником киргизов.

В 1723 году, Цэван — Рабдан, правитель Колмакского (Джунгарского) государства, существовавшего между озером Балхаш, горами Тянь—Шаня и верховьями Иртыша со столицей в Кульдже, вторгся в Среднюю Азию и к казахам, захватил Семиречье и Ферганскую долину с Ташкентом, Ходжентом и Самаркандом.

Киргизы из Тянь—Шаня вынуждены были переселиться частью в Ферганскую долину, частью на Памиро—Алай и Кашгарию (Восточный Туркестан). Однако в 1755- 58 гг. под ударами цинского Китая Джунгарское ханство пало. Произошло обратное переселение киргизов из Ферганы и частью Кашгарии на Тянь—Шань с признанием себя китайскими подданными. На Памиро—Алае киргизы остались навсегда.

Подданство киргизов китайцам было номинальным и потому киргизы попали под власть усилившегося Кокандского ханства, просуществовавшего с 1709 по 1867 годы. Кокандский хан Ирдана переходит от союза с киргизскими феодалами к политике насильственного их подчинения. В 1762 году кокандцы захватили Ош, опустошили киргизские земли в окрестностях Узгена и распространил своё влияние на горные приферганские районы.

Тогда же, в 1770 году, первые подробные сведения о киргизах сообщил в своей книге путешественник Филипп Ефремов, побывавший в Оше. Там он поднимался на Сулейман гору, а на Алае ознакомился с жизнью и бытом алайских киргизов.

В условиях экспансии Кокандским ханством, киргизы стали искать покровительства России. В 1785 году в Омск прибыло киргизское посольство. Однако русская дипломатия, связанная с Кокандом торговым договором, несмотря на просьбы киргизов о подданстве, проявила пассивность, что развязывало руки завоевательной политике Кокандского ханства. В 1821 Мадали—хан неожиданно захватил Кетмень — Тёбе, а затем в течение 1822 – 42 годах Чуйскую долину, Центральный Тянь—Шань и всю территорию, прилегающую к озеру Иссык—Куль. По ходу продвижения кокандских войск ими воздвигались укрепления и оставлялись гарнизоны: на Памиро—Алае — Таш—Коргон, Дараот—Коргон, Сопу—Коргон и Кызыл—Коргон; в Чуйской долине — Кара—Балта, Ак—Суу, Пишпек, Токмак; в Иссык—кульской котловине — Конур—Олён, Барскон, Котмалды, Каракол; на Тянь—Шане — Нарын, в верховьях реки Нарын — Джумгал и Куртка.

На оккупированной территории жили киргизы, узбеки, таджики, кипчаки и часть казахов, жестко эксплуатировавшиеся местными феодалами и ханской властью. В этот период стал усиленно распространяться ислам. Первое время киргизы платили кокандскому хану в основном три вида податей: *тюндюк-зекет* — по овце с юрты, *алал-зекет* — по одной голове с 40 голов скота и *харадж* — земельный налог. Кроме того, время от времени взимался военный налог по одной дилде — золотой монете или 3-х баранов с юрты, а так же обязательный набор мужского населения в ханскую армию.

Киргизы неоднократно поднимались на борьбу против деспотизма кокандских ханов: в 1832 вспыхнуло восстание нарынских, в 1843 — иссыккульских, в 1845 — ошских киргизов, в 1857 — таласских киргизов и аулиэтинских казахов.

В середине XIX века политика России к Туркестану начинает меняться. В 1854 году генерал — губернатор Западной Сибири Г. Гасфорд, «во исполнение высочайшего повеления», предложил киргизским манапам Иссык—Куля прислать в Омск своих представителей «для принятия присяги на верноподданство России».

Бугунские манапы избрали своим представителем Кычибека Шералина, близкого родственника верховного бугунского манапа Бурунбая. Кычибек не раз уже бывал в качестве посла в Омске, имел чин капитана русской армии и был награждён золотой медалью. От других приглашенных родоправителей — солто и сарыбагыш — послы не прибыли.

Процедура присяги была обставили пышно в сибирском духе и восточными традициями. 17 января 1855 года под сводами губернского омского дворца Кычибек Шералин, с Кораном в руках, принёс присягу на верность России. Таким образом, но к сожалению чисто формально (кокандскую зависимость ни кто не отменял), было положено начало принятию киргизов в Российское подданство. Верховному правителю племени Бугу Боронбаю присваивают звание полковника русской армии и посылают богатые подарки. В течение 12 лет — с 1855 по 1867 годы — все киргизские племена

Северного Киргизстана, измотанные внутренними междоусобицами и подчинённые Кокандскому ханству формально принимают российское подданство.

4

Не дождавшись от России действий по освобождению киргизов от оккупации Кокандским ханством, Южные киргизы (Памиро—Алай), в отличие от Северных (Иссык—Куль, Тянь—Шань), не будучи российскими подданными, в 1873 году выступили против Кокандского хана Худояра и взяли Узген, Уч—Коргон, Ош, Сузак, и Булак—Баши. К восставшим присоединились оседлые узбекские народности и около 3000 кокандских сарбазов (воинов). Осенью 1873 года восставшие приняли решение стать подданными России, но, российские власти не пошли на это и более того, поддержали не повстанцев, а Худояр — хана, и тогда, гнев восставших обернулся против русских.

Для подавления главных очагов восстания царским правительством была организована карательная экспедиция в междуречье Нарына и Карадарьи. Экспедиционным корпусом командовал генерал-майор Скобелев. Восставшие, оказавшие вначале упорное сопротивление, вскоре стали быстро отступать к городу Ош, затем через Кара—Су к Узгену. 10 сентября 1875 года Ош был занят русскими войсками. Последовал разгром отрядов Пулат-хана, Абдылдабека, муллы Ашира и других киргизских и узбекских крупных феодалов.

Опасаясь нового народного восстания, царское правительство приняло решение ликвидировать Кокандское ханство. 19 февраля 1876 года был издан официальный указ царя о присоединении Кокандского ханства (следовательно, и подвластных ему южных киргизов) к России, и об образовании в составе Туркестанского генерал-губернаторства Ферганской области. В результате этого административного преобразования южная часть Киргизии вошла в состав России. Первым военным губернатором области стал М. Скобелев.

Однако горные районы южной Киргизии и в частности Алай, оставались непокорёнными. Абдулбек, Оморбек, Маматбек, Асанбек — сыновья погибшего в Коканде Алымбека-датхи и их матери Алайской царицы Курманжан Датка начали борьбу против вступивших в их владения войск. Скобелев, заняв выходы с гор в Ферганскую долину, летучими отрядами двинулся из города Ош по направлению к Гульче, к Алайскому хребту, где сосредоточились киргизы. В обход были направлены две колонны — майора ИONOва и полковника Витгенштейна. Восставших начали теснить, но сопротивление киргизов продолжалось до тех пор, пока 29 июля 1876 года Витгенштейн с помощью Шабдан-батыра не взял в плен Курманжан Датка.

Зная большое влияние царицы на своих соплеменников, князь Витгенштейн проводил Курманжан в штаб Скобелева в Маргилан не как пленницу, а с почётом. Здесь её так же ожидала встреча, соответствовавшая её положению. Скобелев отдал должное её мудрому правлению и собственноручно надел на царицу парчовый халат. В Азии такой халат был наградой равной ордену. Затем попросил передать сыновьям предложение о мире — «пусть возвращается в айлы со своими джигитами — наступает пора мирной жизни». Курманжан Датка обещала, но в ответ потребовала не преследовать восставших и освободить пленных. Обе стороны — Скобелев и Курманжан сдержала слово и на десятилетия, вплоть до восстания киргизов на севере Киргизии в 1916 году, на территории Киргизстана воцарился мир.

На данном историческом этапе время выдвинуло две ярких киргизских исторических личности: Шабдана Джантаева или Шабдан-батыра как его зовут в народе и Курманжан Датка. В сложный исторический период правления Кокандского ханства, а затем России, они взяли на себя ответственность и с присущей им мудростью и дипломатическими

способностями спасли народ от ассимиляции и гибели. Эти личности заслуживают того, чтобы познакомиться с ними подробней.

Курманжан Маматбай кызы родилась в аиле Оро в Алайских горах, в семье киргизов — кочевников из клана Монгуш. В 1832 году стала женой богатого алайского феодала Алимбека. Родила шесть сыновей. После гибели мужа в Коканде, в 1862 году правление перешло к пятидесятилетней Курманжан. Она не только пользовалась уважением алайцев, но и опиралась на преданное ей войско в составе 10 тысяч джигитов. Волевым решением воспротивилась кокандскому хану Худояру обложить налогом алайских киргизов и заставила признать её в качестве нового правителя Алая с присвоением ей почётного титула «Датка». Хан, известный своей надменностью, был вынужден встречать Курманжан Датка как самого знатного бека. Впервые в Средней Азии и на всём мусульманском Востоке в честь женщины был устроен официальный приём. Признал алайскую правительницу и эмир Бухары Музафар.

После соглашения со М. Скобелевым, Курманжан Датка официально объявила о присоединении земель алайских киргизов к Российской империи. За это российское правительство присвоило её чин полковника. После присоединения к России, на территории Алая было образовано пять волостей, четыре из которых: Кичи—Алайская, Гульчинская, Наукатская и Узгенская — согласно условию перешли под управление её сыновей. Пятый сын — Абдулбек не послушался матери, отправился в Мекку и по дороге умер.

В дальнейшем Курманжан Датка взяла курс на установление дружественных отношений с российскими властями. Российские политические и военные деятели, лично знавшие Курманжан: Лев Костенко, Михаил Ионов, Константин Кауфман — отмечали её житейскую мудрость и необычайное уважение среди соотечественников. С полковником Михаилом Ефремовичем Ионовым — первым начальником Ошского уезда, Курманжан Датка на протяжении многих лет сохраняла дружеские отношения, вела длительную переписку, обменивалась подарками и фотографиями.

Во время памирских походов русской армии в войне с Афганистаном, она отдала приказ своим людям доставлять провиант в отряд полковника Михаила Иопова. Предусмотрительно вела себя во время восстаний на территории бывшего кокандского ханства, предпочитая занимать пророссийскую или же нейтральную позицию.

С 1881 года Курманжан Датка стала получать правительственную пенсию, а Император Николай II пожаловал ей специальный царский подарок — золотые дамские часы с изображением государственного герба империи с цепочкой и брошью, украшенные бриллиантами и розами.

В июне–июле 1906 года, за полгода до смерти Курманжан Датка, в ходе Азиатско–китайской экспедиции, через Алайскую долину проезжал русский путешественник и будущий маршал Финляндии Карл Густав Эмиль Маннергейм. В своих походных дневниках Маннергейм оставил воспоминания об алайских киргизах и, конечно, о встрече с самой «Алайской царицей». Маннергейм был поражен тем, как просто 96-летняя мусульманка согласилась сфотографироваться, да ещё и верхом на лошади.

В 2004 году на проспекте Эркеник (проспект Дзержинского) в дубовом сквере в Бишкеке Курманжан Датка воздвигнут памятник. Её именем названы улицы в Бишкеке и Оше.

Второй исторической личностью того времени является Шабдан батыр, сын Джантая, внук Карабека — крупный сарыбагшский манап, один из потомков знаменитого Атаке — батыра. С ранних лет отец готовил Шабдана на роль своего преемника, воспитывая его в согласии с моральными принципами степных кочевника, к коим относились преданность людям, усердие, честь, военная храбрость.

В 1850 году Пишпекский бек Атабек отправил его в качестве заложника ко двору Кокандского хана Маллябека. Одновременно с ним в ханской орде служили, ставшими, впоследствии, известными фигурами в киргизском обществе, баргинец Алымбек,

солтинец Байсеит, бугинец Кадыр и другие. Таким путём правители хана пытались решить двоякую задачу: держать в повиновении киргизских кочевников и подготовить на будущее верных и послушных себе родоначальников.

В 1860 Шабдан в составе войска Канаат-хана участвовал в Узун — Агачском сражении против русской армии — в этом бою кокандцы потерпели поражение, Шабдан впервые увидел превосходство русской армии. Эта битва практически положила конец правлению кокандских феодалов в северной части Киргизии.

Оставаясь при ханском дворе, весной 1862 года Шабдан принял участие в обороне Ташкента от мятежников. Его храбрость, смелость и решительность при боевых действиях были замечены, и Кокандский хан назначил Шабдана комендантом г. Азрети—Султан (г. Туркестан). Но после того, как отец Жантай Карабеков встал на сторону русских, Шабдан принял российское подданство и стал добросовестно служить русским властям.

Со своими джигитами он помогал начальнику токмакского уезда Г. С. Загряжскому утверждать русское административное управление в Центральном Тянь—Шане. В 1877 году принимал участие в военных действиях против Коканда — в операции против Пулат — хана он командовал «летучим отрядом» в корпусе М. Скобелева

В 1878 году в составе отряда Семиречинского казачьего войска под командованием барона Штакельберга, Шабдан со своими джигитами участвовал в экспедиции против Кокандского ханства со стороны Нарынского укрепления в направлении Намангана.

За храбрость, проявленную в этом деле, был награждён знаком военного ордена 4 й степени, а впоследствии серебряной медалью в память покорения Кокандского ханства. В том же 1878 году Шабдан со своими джигитами нёс разведочную службу в отряде войскового старшины Гринвальда. За этот поход Шабдан был награждён большой золотой медалью на Анненской ленте.

В 1883 году Шабдан был представителем от киргизского населения на коронации Александра III, где ему было присвоено звание войскового старшины, аналогичный чину полковника, пожалована серебряная медаль, а в память о скончавшемся Александре II золотые часы.

Он занимался благотворительной деятельностью так, обратившись с письмом к генералу М. Скобелеву, Шабдан — батыр обеспечил свободу более ста киргизам и казахам, приговорённым к смерти за протест против переселения русских в Среднюю Азию и Семиречье. Занимался и социальными проблемами — открыл и полностью финансировал частное медресе в Кемине, отправлял киргизских детей учиться русской грамматике в г. Верный.

За заслуги в мирное время Шабдан был награждён памятной медалью походов в Средней Азии, а за благотворительность был отмечен знаком общества Красного креста. Как войсковому старшине, на похоронах Шабдану—батыру были оказаны воинские почести Пишпекским военным оркестром и ружейным залпом отряда казаков. Шабдан—батыру возведены памятники на его родине в Кеминской долине и в столице Киргизии городе Бишкеке.

5

Оценивая исторический процесс присоединения Киргизстана к России, длившийся два десятилетия (с 1855 по 1876 гг.), можно сказать, что он был не только продолжительным, но и трудным, противоречивым — как мирным, так и военным — насильственным. Безусловно, все эти события имели решающее значение для судеб киргизского народа. Прекратились разорительные междоусобные феодальные войны, разжигаемые феодальной верхушкой, было уничтожено рабство.

Для России новые земли должны были стать дополнительным источником дешевого сырья и рынком сбыта продукции набравшей обороты промышленности. К тому же туда предполагалось переселить малоземельных крестьян России. Переселение русских хлебопашцев в Киргизию началось в конце XIX века.

В Приферганье, Чуйской и Таласской долинах, Иссык–кульской котловине Киргизии лежали целинные, плодородные земли, но без орошения они были бесплодны. Для строительства оросительных каналов требовались инженерные знания и огромный труд. В 1910 году Царское правительство выделило средства на создание оросительной системы в долине реки Чу.

Коренное население Киргизии не знало земледелия. Лишь небольшая часть земель возделывалась ими в Ферганской, Чуйской, Таласской долине и Иссык — Кульской котловине. Сеяли преимущественно просо и ячмень, меньше — пшеницу.

Специально созданное Переселенческое управление разработало систему льгот: прощение переселенцам всех недоимок, низкие цены на железнодорожный билет, освобождение от налогов на пять лет, беспроцентные ссуды от 100 до 400 рублей на крестьянский двор и т. д. Крестьяне с детьми, скотом, с домашним скарбом на телегах месяцами в зной и холод двигались на восток.

Чтобы избежать недовольства местного населения, правительство действовало весьма осмотрительно. Как правило, для переселенцев подыскивали неосвоенные, неорошаемые земли — пустующие либо лежащие на окраинах скотоводческих кочевий.

С крупными землевладельцами власти заключали договоры и покупали у них землю. Платили, в числе прочего, и за так называемые неиспользуемые участки. Перекосы в земельных отношениях, конечно были. Это происходило, прежде всего, из — за алчности бесконтрольных манапов, которые сдавали в аренду, а иногда и продавали богатым переселенцам родоплеменные земли.

Русские переселенцы первой волны освобождались не только от податей, но и от воинской повинности. Кроме того, им выдавали материальную помощь для обзаведения хозяйством — бесплатный инвентарь, рабочий скот и прочее. Например, в селе Покровское (ныне Куршаб Ошской области) каждому хозяйству причитались две лошади, бричка, корова, 100 пудов хлеба, плуг и борона.

Выходцы из России обосновывались на новых землях селами. Строили дома, прокладывали вдоль улиц поливные арыки, высаживали деревья — тополь, карагач, акацию или плодовые. В центре села обычно располагалась площадь, на которой в первую очередь возводили каменную церковь. Затем — школу, а в некоторых крупных поселениях и женские приходские училища. Открывались амбулаторные фельдшерские пункты, персонал которых состоял из врача и одного–двух помощников. Там обслуживались и коренные жители. В переселенческих селах имелись базары или торговые ряды, различные магазины, лавки, мельницы, пекарни, кузницы, ремесленные мастерские. Были свои портные, сапожники, печники, бондари. Некоторая продукция была популярна и у местного населения.

На распаханной целине русские выращивали хлопчатник, пшеницу, кукурузу, кормовые культуры. В личном хозяйстве преобладали огородничество и садоводство: сажали картофель, морковь, свеклу, капусту, лук, огурцы, помидоры и прочие овощи. Помимо привычных для жителей Центральной России яблонь, вишен, слив и ягодных кустарников, на юге Киргизии и в Чуйской долине в садах новоселов росли абрикосы, персики, груши, черешня, виноград. Крестьяне занимались пчеловодством, держали коров и свиней, разводили птицу.

В каждом переселенческом селе выбирались староста и его заместитель, их деятельность контролировалась русской администрацией и участковым приставом. Несколько сельских обществ объединялись в волость. На волостных съездах избиралось волостное управление, которое утверждалось военным губернатором. В судебно–

административном отношении поселки подчинялись начальникам уездов, однако за небольшие проступки виновных мог наказать выборный староста.

С установлением первых контактов, земледельцы местных национальностей стали присматриваться к новым для них сельскохозяйственным орудиям — железному плугу, сенокосилке, бороне. Настоящий переворот в заготовке кормов произвела коса. Под влиянием русских у коренного населения происходили изменения не только в хозяйственной деятельности, но и в самом образе жизни — распространялись ранее малоизвестные знания в области строительства, медицины, агрономии, ветеринарии.

В 1870 году в Токмаке открылась первая в Киргизии приходская школа, 1879 году в Пишпеке (центр одноименного уезда) — приходское училище, а в 1887 году приняла учеников первая в Киргизии Ошская русско-туземная школа, в 1888-м — Пржевальская сельскохозяйственная школа, в 1894-м — сельскохозяйственная школа в Пишпеке.

В 1912 году открылась Пишпекская мужская гимназия — первое среднее учебное заведение в Киргизии. В 1913 году работали уже четыре городские больницы (в Пишпеке, Токмаке, Пржевальске и Оше).

В 1908–1911 годах были проложены узкоколейные железные дороги между станциями Скобелево (Фергана) и Кызыл—Кия, Драгомирово и Сулюкта. В 1908 году построена железнодорожная ветка Андижан — Джалал—Абад, а в 1915-м Джалал—Абад соединили рельсами с Гурунчмазаром.

Одновременно, жизнь среди киргизов в немалой степени повлияла и на «русских азиатов». Даже те, кто так и не научился говорить по-киргизски, незаметно для себя пропитались, если можно так выразиться, «киргизским духом», переняли немало местных традиций. Так постепенно закладывались основы мирного сосуществования двух, таких разных, народов.

Важную роль в судьбе киргизского народа сыграла Октябрьская революция. Чтобы упрочить советскую власть в Средней Азии, большевики решили создать первое советское государственное образование — Туркестанскую АССР, которая и была провозглашена на 5-м Всетуркестанском съезде Советов 30 апреля 1918 года. Тогда же в ее состав вошла и Киргизия.

В марте 1921 года X съезд РКП(б) записал в резолюции по национальному вопросу: *«Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Россию...»*.

Движимые интернациональным долгом и коммунистической идеологией, в ущерб социально-экономическому состоянию РСФСР и русскому народу, эта задача была выполнена. Передовые представители русской интеллигенции несли в Среднюю Азию развитую культуру русского народа. Взять хотя бы открытие Туркестанского народного университета, которое состоялось 21 апреля 1918 года в Доме свободы — бывшем особняке хлопкозаводчика Вадьянова. И уже через два года в Ташкент прибыл знаменитый «профессорский эшелон» — военно-санитарный поезд № 159, на котором около полутора месяцев добирались от Москвы до Туркестана ученые и педагоги с семьями. В тот год в Ташкент пришли еще пять эшелонов с лабораторным оборудованием, пятьюдесятью тысячами книг, гербариями редких растений. Но главное, появились новые преподаватели — сорок три профессора. Со временем университет стал не просто вузом, а крупнейшим научным центром. Трудно даже представить тот огромный вклад, который коллектив университета внес в социальное, культурное и экономическое развитие народов Центральной Азии.

ГЛАВА II. ВОССТАНИЕ КИРГИЗОВ В 1916 году. ХРОНИКА СОБЫТИЙ

«История — свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего».

Сервантес Сааведра Мигель де. (1547–1616) — всемирно известный испанский писатель

В последние пять лет, в преддверии 100 летнего юбилея со времени восстания киргизов в 1916 году, в Бишкеке, на публичной арене, эти события подаются как восстание киргизского народа против царского режима. При этом подавление восстания интерпретируется как геноцид киргизского народа. В связи с этим Жогорку Кенеш — парламент Киргизии, своим постановлением утвердил один из августовских дней «Днем памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 году».

В августе 2009 года в Киргизии почтили память погибших в результате подавления вооруженного восстания. В Бишкеке, в национальной библиотеке собрались представители научной и творческой интеллигенции, правительства и парламента, общественности и СМИ. Мемориальная церемонии прошла на востоке республики, в Боомском ущелье — путь на озеро Иссык—Куль, там был открыт памятник жертвам восстания. Была даже предпринята попытка обсуждения в парламенте обращения к России с требованием признать геноцид киргизского народа и официально извиниться.

Со стороны властей звучали призывы к творческой интеллигенции героизировать события 1916 года. При этом, во время всех подобных мероприятий, умышленно умалчиваются истинные цели и причины восстания и безвинные жертвы среди мирных русских переселенцев — крестьян. А между тем, 90% жертв в Туркестане, а это более 5000 человек убитых, раненых и пропавших без вести приходится на беззащитных, в условиях войны 1914 года русских в Киргизии, в основном в Чуйской долине и Иссык—Кульской котловине. Таким образом, постулат: «История — ложь победителей», в очередной раз нашел своё подтверждение. Впрочем, каких побед кроме независимости от «колонизаторов» достигла Киргизия в экономике, социальной сфере, науке, культуре, искусстве, литературе, кино, спорте?

Для нас, «русских азиатов» — тех, кто родился, жил или продолжает жить в Киргизии эта горная республика — малая родина и поэтому нам всегда будет не всё равно, что происходит там. Наши предки, отцы и мы сами заплатили слишком дорогую цену ради того, чтобы превратить феодальную страну кочевников в современное государство.

Поскольку ажиотаж вокруг событий 1916 года инициируют, прежде всего, киргизские национал — шовинисты, преследующие корыстные политические цели, то оставаться безучастным к событиям столетней давности мне не позволяет ни долг памяти, ни долг истины. Памяти перед первыми переселенцами—крестьянами, которым местная элита вероломно, из корыстных побуждений, устроила в 1916 году «Варфоломеевскую ночь». Памяти перед десятками тысяч русских ученых, врачей, педагогов, инженеров, строителей, рабочих, крестьян, перед близкими и родственниками, друзьями и коллегами, отдавшими Киргизии в процессе созидательного труда, лучшие годы и даже саму жизнь.

Итак, в 2016 году в Киргизии будут проводить мероприятия, посвященные событиям столетней давности. Как отмечать трагический юбилей будут в Кыргызстане? Как юбилей отразится на судьбе русских в горной республике и взаимоотношениям между Россией и Кыргызстаном? Возможен ли научно — исторический и политико — исторический консенсус? Вопросы закономерные и лучше озаботиться ими заблаговременно. Задача добросовестных историков и публицистов — беспристрастное изложение известных

фактов, руководствуясь «Золотым правилом» сентенции Тацита «без гнева и пристрастия». Задача непредвзято осмыслить мрачные события 1916 года, чтобы не повторять их вновь и сорвать лицемерную маску с тех, кто безответственно спекулирует на этом в своих неблагоприятных целях.

1

Российские подданные в Средней Азии и Казахстане получили от присоединения к Российской Империи, в общем, все что хотели. Однако уже скоро выяснилось, что новая власть — это тоже гнет, пусть и не столь безжалостный, как тирания былых времен. Многое вызывало недовольство, повсюду властвовали местные чиновники — мздоимцы, покровительствовавшие местным элитам — баям, манапам, да и у русских чиновников было рыльце в пушку. К примеру, практиковались *чыгымы* — *непредвиденные* законом сборы денег по поводу и без повода, как местной, так и русской администрацией и другие злоупотребления. В результате, кроме небольших групповых выступлений были и восстания: Ферганское 1885 года, Ташкентское 1892 года, Андижанское 1898 года.

Более всего сказывалась разница культур. История подтверждает, что разные культуры и цивилизации не могут существовать бесконфликтно. Русские переселенцы — простые безграмотные крестьяне, не были знакомы с культурным наследием мусульманского Туркестана: киргизским — Токтогул, Тоголок Молдо, эпос «Манас»; таджикским — Рудаки, Бедиль, Восифи, Айни; узбекским — Навои, Увайси, Надир, Мукуми, Фуркат, Авиценна, Улугбек; туркменским — Махмуткули, Сеиди, Зелили, Кемине; казахским — Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев и др. И если это незнание было простительно простым, неграмотным людям с обеих сторон, то было непростительно грамотным офицерам и чиновникам администрации, несмотря на то, что они встретились в Туркестане с отсталостью и застоєм во многих сферах.

Следствием этого явилось пренебрежение местными традициями и обычаями со стороны переселенцев, забывалась или просто отбрасывалась русская пословица: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Теперь-то русские в России в полной мере ощущают на себе справедливость этой пословицы от нагрянувших на ее просторы народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Все идет к тому, что число мигрантов, на фоне вымирания русских, стремительно приближается к критическому количеству, и это неизбежно приведет к тотальной агрессии со стороны последних.

И всё — таки, объективные историки отмечают: острых причин для восстания в 1916 году не было, поскольку на тот момент, совместное проживание и отношения русских и киргизов были мирными и взаимовыгодными, а в военное время трудно было всем, и русским и киргизам.

Что касается земельного вопроса, то земли с избытком хватало всем и кочевникам и земледельцам, за исключением отдельных случаев особенно в казахском Семиречье. Тогда, на огромном пространстве Средней Азии и Казахстана, по разным оценкам, население составляло 8–10 млн. человек. Сегодня только в Узбекистане 25 млн. жителей и никто не жалуется на перенаселение и нехватку земли. А вот киргизским баям и манапам не хватало, но не земли, а власти и совести.

Привожу свидетельство Ярослава Ивановича Королькова от 01. 10. 1916 года генерал-майора в отставке, 73-х лет, проживавшего в г. Пржевальске: *«На киргизов вообще — казаки и каракиргизы (т. е. в современной интерпретации казахи и киргизы) я привык смотреть, как на народ добродушный, незлобивый, гостеприимный, с большим уважением относящийся к начальству, вплоть до джигита уездного управления. Мною сделано верхом лишь по горам Семиречья более 130 тыс. вёрст. Всюду меня принимали хорошо. Всюду я находил ночлег и всегдашнюю готовность поделиться имеющей пищей.*

Никогда я не ездил по горам вооруженным. Моя шапка всегда была надета на сопровождающем меня джигите. Мне не приходилось слышать серьёзных жалоб ни со стороны русских крестьян на киргизов, ни со стороны последних на русских. У меня всё время, что я живу здесь в отставке, служили работниками киргизы. Служили они не хуже русских.

Киргизы не очень гнались за землёй. У них было так много её. Они охотно отдавали свои земли в аренду. Последнему, ясным подтверждением служат многие долгосрочные договоры, до 30 лет аренды, которыми пользуются не только русское население».

Далее он сетовал на легковерие простых киргизов поддавшихся на агитацию со стороны заговорщиков и откровенных бандитов, свидетельствует о своём участии в обороне города Пржевальска, жертвах в его окрестностях.

Не берусь ручаться за оболваненную националистами молодёжь, но и сегодня, спустя 100 лет, я, русский, родившийся и проживший в Киргизии 45 лет, готов подписаться под каждым словом Я. И. Королькова, характеризующего позитивный менталитет киргизов. С раннего детства, среди моих друзей были киргизы, есть они и сейчас. Менталитет основной массы киргизов не изменился. А все наши беды от бездарных политиков и авантюристов, предающих интересы страны и народа.

Надо отдать должное, в советское время тема восстания 1916 года, во имя «дружбы народов» в средствах массовой информации не муссировалась. Наше поколение, в этом вопросе, как сейчас говорят, было не в теме.

Да что там СМИ! Мой дед Михаил Фролович Широков — семиреченский казак, как я уже отмечал, служил в 1915 году в городе Копал (Казахстан). Наверняка он участвовал в событиях 1916 года. Но никогда, до моего двадцатилетнего возраста, пока он был жив, я не слышал от него ни одного слова о тех событиях. Видимо слишком глубоко в памяти деда отложились репрессии ЧК по уничтожению семиреченских казаков заодно и «кулаков» за подавление восстания киргизов «против царского режима» где ему каким-то образом удалось уцелеть.

Вот показательная тональность доклада председателя Семиреченской ЧеКа: *«В настоящее время подавление кулацко-колонизаторского элемента проводится Семиреченской областной чрезвычайной комиссией путём применения самых беспощадных репрессий».*

Советская власть практически уничтожила «Русское семиречье», а вместе с ним было вычеркнуто из отечественной истории такое уникальное явление, как Семиреченское казачество. Кем же он был на самом деле семиречинский казак и «кулак» — враг советской власти? На поверку это особый тип русского хозяина, который, несмотря ни на какие трудности и лишения, на далёкой и глухой окраине, какой являлось Семиречье, смог самостоятельно создать прочное и зажиточное хозяйство еще задолго до 1917 года, самым своим существованием он обеспечивал прочный тыл и надёжную опору российскому государству.

Восстание в Киргизии, в основном в Пишпекском (Чуйская долина) и Пржевальском (Прииссыкулье) уездах, стало трагедией, как для русских — погромы русских сел с жертвами среди мирного населения, так и для киргизов — подавление восстания за удар в спину в условиях военного времени.

Половина киргизского народа не участвовала в восстании вообще. Многие, не питая вражды к русским, участвовала номинально из опасения быть перебитыми своими активными сородичами, а также из-за угроз со стороны манапов угнать их скот и сжечь юрты. А в горы и Китай народ бежал из опасения мести со стороны русских из-за преступлений своих соплеменников. Нежелание рядовой киргизской массы участвовать в восстании, позднее подтверждали и сами вожаки.

Первое расследование событий 1916 года было предпринято российским Временным правительством. Это было вполне объективное расследование, достаточно обратиться к

«Документам и фактам восстания 1916 г. в Киргизстане» под редакцией Л. В. Лесной опубликованным Государственным социально-экономическим издательством в 1937 году. В контексте хронологии и фактов, события 1916 года не отрицаются и Т. Р. Рыскуловым в его книге «Восстание туземцев в Туркестане в 1916 году», изданной в 1927 году. Разве что поданы эти события с точки зрения советской историографии, как восстание против царизма. (Для справки: Т. Р. Рыскулов позднее был репрессирован большевиками).

Сборник документов «Восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане» под редакцией А. В. Пяковского, изданного АН СССР в 1960 году так же подтверждает хронологию и факты, однако отредактирован в тенденциозном стиле. Везде опущены описания зверств, которые совершали восставшие киргизы, при этом ответные жестокости, совершенные русскими над киргизами, аккуратно опубликованы безо всяких купюр.

2

Если обратиться к хронологии волнений охвативших Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую области, то они начались 4 июля 1916 года после расстрела бунтарей в Ходженте. В Киргизии активная фаза восстания началась в начале августа 1916 года и длилась по октябрь 1916 года включительно.

Поводом к восстанию послужил Указ царского правительства № 1526 от 20 июня 1916 года «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ».

В переводе на простой язык это был Указ о наборе на тыловые работы туземных рабочих в возрасте от 19 до 43 лет. Указ был издан не продуманно и в спешке, при этом не было учтено, что в Туркестане народ воинской повинности не отбывал никогда, и в массовом порядке никогда не призывался к тыловым работам. В нём не были чётко прописаны порядок и правила призыва, чем и воспользовались заговорщики восстания.

Министерство иностранных дел было против призыва народностей Туркестана, опасаясь негативных последствий в сложное время. Однако военное министерство, без согласования с Туркестанским генерал-губернаторством и Государственной думой, оформило призыв на тыловые работы императорским Указом, который имел силу закона. В принципе, Указ был вызван необходимостью — Россия в это время вела войну с кайзеровской Германией. Однако это мероприятие среди мусульманского населения, конечно же, требовало соответствующей организационной подготовки (разъяснений, объективности, льгот и т. п.).

Второго июля в Ташкенте состоялось заседание особого совещания военных губернаторов Среднеазиатского края по вопросу привлечения туземцев для тыловых работ. На нем обсуждались организационные вопросы реализации Указа, и прозвучала озабоченность, что время мобилизации было выбрано необдуманно и крайне неблагоприятно для аграрного района, каким являлся Туркестан. Указ был издан в разгар сельскохозяйственных работ, угрожая срывом уборки урожая, что, в конечном итоге, и произошло.

Восьмого июля Указ был опубликован с дополнительными разъяснениями, о том, что в Туркестане призываться будут лица от 19 до 31 года, что они будут работать за плату и на казенном довольствии. От призыва освобождались: муллы, учащиеся средних и высших учебных заведений и окончившие оные, фельдшеры, переводчики и писари при

волостных управлениях, должностные выборные лица волостных управлений, служащие на гос. службе и т. д.

Составление списков призываемых было возложено на туземные власти — местных волостных управителей: аульных старшин, их писарей и аксакалов (стариков) избранных по степному Положению от 25 марта 1891 года. Как это всегда бывает, начались злоупотребления. Волостные управители стали освобождать от призыва своих родственников, а за взятки сыновей баев и манапов. Вместо них вносили в списки бедняков даже не призывного возраста, по несколько человек из одной семьи. Кроме того, полуграмотные переводчики, никогда не слыхавшие таких выражений, как «реквизиция», «оборонительные сооружения на театре военных действий», «военные сообщения» и т. д., переводили их на местные языки неправильно и туманно. Как известно, нет ничего такого, что нельзя было бы извратить плохим пересказом. По их толкованию выходило, что киргизы берутся в «солдаты» и будут отправлены прямо на позиции без обучения военному делу.

Таким образом, о высочайшей воле население осведомлялось, в лучшем случае, через таких же невежественных людей, как они сами, а в худшем случае через людей злоумышленно распространявших ложные слухи. А слухи были таковы: что будут забирать всех мужчин от 19 до 43 лет, что призываемых насильно будут обращать в христианство, что заставят рыть окопы под обстрелом, что мусульман будут кормить свининой, что запрещено Кораном и так далее. Но были и более провокационные слухи, например, что это не набор на тыловые работы, а скрытый призыв на фронт для того, чтобы истребить коренное население, а на опустевшие земли переселить русских. Для этого на передовой призываемых будут направлять в атаку впереди наступающих, чтобы было меньше потерь в русских войсках. Немалую роль сыграла и агитация, проводимая среди населения казиями (мусульманские судьи), ишанами (духовники, наставники в мусульманской вере) и муллами, позиционировавшими себя, как борцами за народное дело. Всё это так усилило недоверие к Указу, что уже трудно было, кого бы то ни было убедить в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны.

И вот уже десятого июля состоялось собрание представителей казахов и киргизов Меркенской, Чиликской, Тургайгырской, Сыртогайской, Конкбургской, Кожмамбетовской и Буленгинской волостей Джаркентского уезда, где было вынесено решение: не подчиняться царскому Указу о мобилизации на тыловые работы.

Двадцать третьего июля прозвучало открытое заявление киргизской элиты уездному управлению Пишпекского уезда о нежелании подчиниться царскому Указу о мобилизации. Однако местная власть в спешном порядке всё же продолжала приводить в исполнение высочайшее повеление.

Совокупность всех этих и иных отрицательных факторов создало такое негативное настроение толпы, которое выразилось в разных эксцессах. На начальном этапе эксцессы были направлены, главным образом, против своих, местных волостных управителей, при этом в лучшем случае списки изымались и уничтожались, в худшем изъятие сопровождалось избиением должностных лиц. А вот у влиятельных киргизов (баев, манапов) Чуйской долины, Иссык-кульской, Нарынской и Таласской волостей, зрела совсем иная мысль: спровоцировать и возглавить восстание, исходя из соображения, что наступил удобный момент уничтожить русскую власть и создать на севере страны Киргизское феодальное ханство. И это было не чем иным, как подлым предательством российских подданных по отношению к Российской империи в трудный момент военного времени.

Что из себя представляли манапы? До присоединения к России у киргизов существовал феодально — родовой строй. Родами управляли местные феодалы — манапы. Фактически вся земля с пастбищами и прочими угодьями была поделена между ними. Они же являлись крупнейшими владельцами стад баранов, крупного рогатого скота, лошадей. Под

властью манапов находилось всё киргизское население. Так, например, у крупного манапа племени *бугу* Боромбая насчитывалось до 1000 юрт подвластного ему населения. У манапов племени *сарыбагыш* Уметалы 1500 юрт, у Чангыра 1000 юрт, у Джантая до 700 юрт, и т. д.

Забегая вперед, следует отметить, что в отличие от киргизов, эксцессы казахов не содержали в себе признаков восстания в целях отделения от России. Не было и жестокого, варварского обращения с русскими, казахи ограничились неповиновением и выступлениями против своих волостных управителей. Хотя дольше всех действовали, а впоследствии присоединились к большевикам повстанцы в тургайских степях во главе с Амангельды Имановым и Алиби Джангильдином. Приходишь к мысли, что произошло это не без позитивного влияния на свой народ великих казахских просветителей — Чокана Валиханова, Абая и других.

Впрочем, и среди киргизов были просвещенные и просто мудрые люди, которые говорили о бесперспективности восстания, о военной мощи царского правительства. И вообще, относительно восстания среди мусульманской части населения Туркестана не было единства. Прогрессивное исламское движение «джадидизм» (от арабского «усул-и-джат»), помимо просвещения стремилось к модернизации всей жизни мусульман и понимало к чему может привести противоборство с царской властью. Даже главный редактор журнала традиционалистов «Ислах» Абдулла Саех, называвший джадидов предателями и пособниками власти, поддержал царский Указ и осудил восстание.

Многие из организаторов восстания оказались жертвами пропаганды о том, что Россия ослаблена войной и что отсутствует достаточное количество войск для противостояния восставшим. На самом деле это во многом соответствовало действительности — Россия находилась в состоянии войны, и в русских семьях, на территориях, охваченных смутой, мужчин почти не осталось, дома в основном были женщины, старики и дети.

Плохо разбиравшиеся в истинных причинах, обманутые, отсталые массы, объединённые родоплеменной зависимостью были в полном подчинении бай — манапской верхушки и потому легко были втянуты в национальную рознь. Для большего авторитета в Загорном участке Пишпекского уезда под титулом «Кочкорского» был провозглашен ханом Канаат Абукин, на Иссык—Куле в племени бугу — Батырхан Нагоев, в Чуйской долине — братья Шабдановы и т. д.

Как говорится: «В семье не без урода». Жители села Казанско—Богородское Иван Долматов и Дормидон Федосов призывали киргизов препятствовать составлению списков призываемых туземцев. А с началом восстания русские крестьяне—бедняки, полагая, что восстание направлено против царских властей переходили на сторону восставших. Среди них М. Д. Власенко — георгиевский кавалер трёх степеней, командовавший отрядом восставших киргизов, С. Коваленко, Ф. Павлов, братья Тимофей и Афанасий Лобзовы и некоторые другие.

17 июля Туркестанский Военный округ был объявлен на военном положении. Для подавления восстания были посланы ограниченные войска и оружие. Отряды двинулись с трех сторон: из Семипалатинска на Верный была направлена 240-я Сибирская дружина, из Ташкента на Токмак три колонны войск и из Андижана на Пржевальск и Нарын выступили 3 роты пехоты, конная разведка и сотня казаков. На Каркаре к началу мятежа находилась рота дружины под командой ротмистра Кравченко, а вскоре подоспела сотня казаков из Джаркента. Эти силы в дальнейшем приняли участие в восстановлении порядка в районе Иссык—Куля и Текеса. Одновременно, все способное носить оружие русское население, в городах и селах, было организовано в десятки, сотни и дружины под командой лиц, которые были избраны самим населением. Часть дружины была посажена на лошадей. Во всех городах и селениях была организована дальняя и ближняя охрана, как днем, так и ночью, чтобы не допустить внезапных нападений. Населенные пункты, насколько это было возможно, укреплялись. Среди местного населения распространялись воззвания, призывающие мирных киргизов возвратиться на свои стойбища, а

бунтовщиков призывали прекратить беспорядки и выдать главарей и зачинщиков. Однако этих мер, на первом этапе, оказалось недостаточно.

3

В Киргизии, первыми 6 августа, роковую черту переступили и перешли к активной фазе восстания киргизы Атекинской и Батбаевской волостей Пишпекского уезда. А дальше, как снежный ком: 7 августа восстали киргизы Токмакской и Сарыбагишевской волостей, 9 августа — Каркечинская, Джумбальская, Курманжотская, Кочкорская и Абеильдинская волости. При этом было совершено вооруженное нападение на почтовую станцию Джил—Арык в Боомском ущелье, мятежники прервали телеграфное сообщение между Пишпекком и Пржевальском.

Почетный мулла племени сарыбагышей, а по его примеру и другие муллы провозглашали: *«Не бойтесь умирать, эта смерть священная, таких людей ожидает рай»*. Одновременно проводился ритуальный обряд «*бату*», при котором резали животных, устраивали пиршество и приносились коллективные клятвы не давать рабочих в армию. В то же время, главари племени сары-багыш, для обеспечения успеха своего выступления, разослали послания и гонцов во все киргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов, при этом, они не только вели агитацию, но и применяли к колеблющимся, жесткие меры воздействия.

Девятого же августа при входе в Боомское ущелье одной из групп сарыбагышев удалось перебить русский конвой и захватить транспорт с оружием, следовавший в Пржевальск для вооружения формировавшегося там отряда запаса (170 винтовок, 40 тыс. патронов и почта с деньгами на сумму 87500 рублей). Захват такого количества оружия существенно воодушевил мятежников. В этот день киргизы Сарыбагишевской волости напали на казачью станицу Самсоновскую, а киргизы Атекинской волости — на село Новороссийское в долине Чон—Кемина.

Вначале киргизы ограничивались тем, что выгнав жителей, завладевали их имуществом и скотом, сжигали дома, а убивали лишь тех, кто сопротивлялся, то есть практически ограничивались барымтой. Впоследствии стали убивать всех застигнутых врасплох, не исключая и детей. Мулла Сури Конушпаев в своих показаниях рассказывал: *«Атекинцы угнали скот крестьян села Новороссийского. Когда к атекинцам присоединилась молодежь Сарыбагишевской области — стали поджигать село. От этого селения осталось несколько домов, где собрались все жители и защищались, кто, чем мог. Имущество селения разграбили. Затем основная масса киргизов отправилась грабить и жечь станицу Самсоновскую, заодно сожгли лесопильный завод в Кебени. Возглавлял мятежников Султан Далбаев и его приспешники — Макуш Шабданов и Белек Салтанаев»*.

Конная орда в полторы тысячи человек разграбила и сожгла селение Белоцарское и перебила всех жителей. Такая же судьба постигла и селения расположенные по реке Чу около Токмака: Быстрорецкое, Орловское, Новороссийское и другие.

В западной части Чуйской долины 10 августа возникли беспорядки в районе селения Беловодское, а так же в соседних волостях: Тлеубердинской, Кегельдинской, Джамасартовской, Карабалтинской. И там были жертвы среди русских крестьян, но эти выступления были быстро подавлены.

На тот момент во всей Чуйской долине — в Пишпекском уезде с четырьмя волостями: Беловодской, Токмакской, Зачуйской и Загорной — было всего 50 конных пишпекской караульной команды и четыре приставских конвоя с 10–12 стражниками. А всего во всем уезде войск было около 100 человек.

Таким образом, 10 августа восстание охватило всю территорию, занятую кочевьями киргизов Чуйской долины и Иссык–кульской котловины. Восставшие заняли почтовые тракты из Пишпека на Верный, Пржевальск и от Рыбачьего в Нарын.

Вот как описал очевидец разгромленный курорт Иссык—Ата: *«Грустная картина. Выбиты все окна, имущество разграблено или уничтожено. В церкви уничтожена утварь и иконы. Библиотека уничтожена полностью. Мятежники разбили, поломали, порвали все что могли. Самовары, посуду, часть железных вещей увезли с собой».*

На поведение киргизов сказались и особенности менталитета кочевников, давняя традиция нападения и угона скота у соседа за обиду, уже известная нам «барымта». Впрочем, в дальнейшем к «барымте» относили грабеж торговых караванов и набеги на соседние народы и племена. В сложившихся условиях возможность пограбить незащищенное русское население была настолько соблазнительной, что многие киргизы только и ждали благоприятного момента. Когда такой момент наступил, потомки «Манаса Великодушного» начали грабить, разрушать и жечь русские поселки, жестоко расправляться с русскими крестьянами–переселенцами. Мужчин убивали, причем, при плохом вооружении восставших, убивали дубинами. Были случаи издевательств перед казнью. Женщины и девушки подвергались насилию, а детей брали как потенциальных рабов в качестве пастухов.

В то же время, по соседству, в Казахстане, на почтовой станции Отар, казахи, которыми руководил Рыскельды Раимбеков, не примкнули к восставшим, а наоборот, помогли защитить станцию от нападавших. Были факты, когда и киргизы охраняли от грабежа имущество русских, давали возможность женщинам и детям скрыться во время погромов. А Кара—Булакская волость на юге Пишпекского уезда выступила против своих же киргизов и отбила нападение на станицу Самсоновскую.

Самый большой по количеству участников восстания в Пишпекском уезде Чуйской долины был Токмакский участок, в котором только две волости, Николаевская и Карабулакская, не присоединились к восставшим. Киргизы отбивали у мирного населения скот, осуществляли массовые набеги на села, грабили и поджигали дома, убивали и брали в плен русских людей. Десятого августа из Пишпека для организации обороны в Токмак выехал с отрядом подполковник Рымшевич, а уже тринадцатого августа город Токмак, расположенный в 60 км от Пишпека, был осажден громадным скопищем киргизов соседних волостей: Шамсинской, Байсеитовской и др.

На помощь Токмаку из Верного, был отправлен отряд подъесаула Бакуревича, который, пройдя русские поселки Кастекской группы, перешел в Чуйскую долину для защиты Токмака и ближайших селений. В Токмаке была сформирована дружина из чинов запаса, которая отправилась на помощь предгорным селам, так как к тому времени подверглись нападению: Быстровка, Белый Пикет, Орловка, Юрьевка, Покровка, Ивановка, Ново—Александровское, Дмитриевка, Краснореченское и другие.

Отряд Рымшевича вывел в Токмак жителей сел Белый Пикет, Орловка и Быстровка расположенных до 45 км от Токмака в сторону Боомского ущелья. Орловку и Юрьевку спасти не удалось, к тому времени они были уже разграблены и сожжены. Затем Рымшевич с 25 конными выехал на помощь станице Самсоновской. У отрогов Малого Кемина Рымшевич встретил отряд из 200 всадников. Интенсивным огнем мятежников оттеснили в горы. У станицы Самсоновской к отряду Рымшевича присоединился еще один отряд из полусотни казаков, посланный из Верного под командованием сотника Величкина. Объединенными силами мятежников оттеснили от станицы Самсоновской и селения Михайловского в горы.

В разгромленной мелиоративной станции Васильева были освобождены жены с детьми инженера Бондарева и техников, 12 человек служащих были обнаружены убитыми. В очередной перестрелке погибли сотник Величкин и прапорщик Киселев. В связи с осложнением под Токмаком, Рымшевич вернулся обратно в Токмак.

К тому времени, против Токмака, мятежники сосредоточили главные силы — более 5 тысяч повстанцев. Руководил осадой манап Алагуш Джантаев. Вскоре к осажденным прибыл парламентар — Суван Джантаев с ультиматумом за подписью новоявленного хана Шабданова и других руководителей восстания с требованием сдаться. Требование было отвергнуто, осада продолжалась. Периодически конница повстанцев с криками «Ур-р! Ур-р» — «Бей! Бей!» пыталась прорвать оборону, однако неся потери, откатывалась назад.

Кстати о Шабдановых. Из четырёх братьев, на тот момент покойного манапа Сарыбагишевской волости и войскового старшины милиции Шабдана, двое — Макуш и Хасамутдин были активными участниками восстания, а Амаль и Кемаль были противниками и отговаривали своих братьев.

В ночь с 20-го на 21 августа хорунжий Александров со своей сотней и ротой прапорщика Махонина совершили из Самсоновской успешный рейд на село Новороссийское. Село, которое двенадцать дней отбивавшееся от мятежников, было разблокировано. Все жители, 1337 человек, включая женщин и детей, были выведены в Самсоновскую, одновременно из Верного, для оказания медицинской помощи раненым, туда был командирован врач Беляев.

Двадцать первого августа на помощь Токмаку из Ташкента подошел отряд Гейцига. Восставшие не знали о вооружении подошедшего отряда и в очередной раз бросились в атаку. Их передовым рядам позволили продвинуться вплотную к оборонявшимся, а затем, расстреляли перекрестным пулеметным и ружейным огнем.

С приходом отряда Гейцига русские войска перешли от обороны к наступлению. Потеряв большое количество убитыми и ранеными, мятежники, преследуемые отрядами Гейцига и Неклюдова, уходят на юг, в горы, часть на Иссык—Куль, а большая часть в сторону озера Сон—Куль. Двадцать второго августа осада Токмака была снята.

За время осады Токмака, повстанцами было убито 6 человек русской администрации: чиновник Меньшиков, волостной писарь Александров, а так же Сахнов, Важенин, Камов, Гаврилов и полицейские — Стразенин и Плуженков. Убито 73 мирных жителя, 65 человек пропало без вести. Сожжено 600 домов, разграблено 365 заимок, уничтожено 12 000 десятин посевов.

Но были и неудачи. Из документов: *«29 августа из села Новотроицкое в г. Аулие — Ата выступила команда ополченцев — 74 человека. Заночевали в 30 верстах к югу от Новотроицкого, в Камыш-сарая. Ночью подверглись внезапному нападению киргизов. Из 74 человек было замучено и брошено в колодцы 22 человека, 12 оказались в плену и освобождены, остальные пропали без вести, видимо, убиты, так как некоторые трупы обнаруживаются в песках».*

20 сентября в Пишпек прибыл 7-й Оренбургский казачий полк, в результате повстанцы лишились превосходства в силах и восстание пошло на убыль. Отряд под командованием полковника Городецкого занял перевалы: Иссыкатынский, Кегеты, Шамси и Кызыл—Су, а отряд подполковника Алатырцева — побережье Иссык—Куля. Восставшие были заперты в горах.

4

В период восстания тяжелее всего пришлось русским жителям Пржевальского уезда. Расположенный в Иссык—кульской котловине и предгорьях — это другой, обособленный от Чуйской долины 60-километровым Боомским ущельем регион. Толчком к восстанию послужило письмо одного из сыновей новоявленного хана Шабданова к заговорщикам с ложной информацией о том, будто бы самые крупные города Чуйской долины Пишпек и Токмак захвачены повстанцами.

Главари мятежа, которые буквально накануне высказывали заверения властям в полной преданности, коварно и предательски подняли мятеж неожиданный для администрации и русского населения. По берегам Иссык—Куля банды бунтовщиков, вооруженные пиками, вилами и, отчасти, огнестрельным оружием набрасывались на незащищенные села, хутора, заимки, почтовые станции. Набеги повсюду сопровождались грабежами, пожарами, зверскими убийствами и уводом в плен женщин и девушек.

Первыми жертвами мятежников стало село Григорьевка на берегу озера и села Столыпино и Белоцарское по долинам реки Кочкорки и Джумгала. Мужское население Белоцарского почти все было перебито, а женщины увидены в плен. А далее разграблению подверглись 11 поселков и 16 хуторов по южному берегу, 8 поселков по северному берегу, 9 поселков и 11 хуторов по тракту на Каркару.

Вот как в сентябре 1916 г. описывала события того времени газета «Семиречинская жизнь»: *«Мятеж киргизов в уезде начался 9 августа на село Григорьевку, а 10-го распространился до Преображенского. 11 августа восстали дунгане Мариинской области, перебившие большинство крестьян селения Иваницкое; был убит Пржевальский участковый врач Левин. Перед этим, чтобы усыпить бдительность администрации, дунгане дали согласие на отправку своих представителей на тыловые работы, а сами решили отправить свои семьи в Китай с тем, чтобы после уборки опия бежать к ним.*

В свете последних событий спешно укреплялся Пржевальск. Налицо было всего 42 человека караульной команды и 86 ружей у населения. В город ежедневно прибывали ограбленные и раненые крестьяне из окрестных селений.

12 августа, в два часа дня, отряд ополченцев под началом урядника Овчинникова выдвинулся в село Мариинское с целью вывести людей из новой сельскохозяйственной школы (в школе обучали навыкам ведения сельского хозяйства, в том числе детей киргизов) там скрывались сотрудники школы, часть жителей села Высокое и окрестных хуторов. Около села отряд вступил в перестрелку, рассеял шайку дунган и киргизов, но было уже поздно. Оказалось, что утром киргизы напали на школу, сожгли строения и убили 92 человека мужчин, женщин детей, многие были зверски замучены, половина из них изуродовано до неузнаваемости. 60 человек были тяжело ранены. Был убит управляющий школой А. А. Псалмовец, учителя — С. Я. Яхонтов и А. Х. Лагудин. Десятник при постройке школьных зданий Ф. В. Гордеин, эконоом О. И. Дворников и четыре ученика. Несколько учеников, женщин, девушек и детей были уведены в плен.

Русские сельские жители, невооруженные и неподготовленные, вынуждены были бежать, оставив дома и имущество. На дорогах их грабили, насиловали, убивали. Жители сел Барскаун, Покровское, Светлой поляны, Тарханы, Гоголевки, Иваницкое, Высокое и Липинское бежали в Пржевальск. Вся дорога была покрыта трупами.

В Барскауне было убито 150 мужчин, взято в плен 200 женщин, в Гоголевке убито 230 человек, в плену 86, в Иваницком убито 245 мужчин и 30 женщин, взято в плен более 200 женщин, в Кольцовке было перебито 378 человек, взято в плен 306 человек. Село было сожжено дотла. Киргизы, и особенно дунгане, проявляли к незащищенным русским поразительную жестокость, подвергая мучениям, прежде чем убить».

Кто такие дунгане? Дунгане — земледельцы, выходцы из Китая, исповедуют ислам.

В Средней Азии появились в начале 80-х годов XIX в. Произошло это в результате бегства дунган в пределы гуманной Российской империи после подавления их восстания в Китае. Так они «отблагодарили» русских за свое спасение и приют. Однако, всё не так просто, были и другие примеры поведения дунган. По донесению властей: *«В сражении под Ивановкой (в Чуйской долине) прекрасно вела себя в бою сотня дунган—добровольцев».*

Опьяненные безнаказанностью и легкой наживой, в Прииссыккулье, как уже отмечалось, мятежники нанесли самый большой урон мирному русскому населению во всем Туркестанском крае. И это было сделано с активным участием племени Бугу, того самого неблагодарного племени, которое в 1854 году в междоусобной войне с племенем Сары—багыш потерпело поражение, потеряло свои исконные земли и было оттеснено из

Иссык—Куля в горы, за перевал Санташ в сторону Китая. Однако, как мы помним, в 1857 году, дипломатическими усилиями знаменитого русского путешественника Петра Семенова, территория Восточного Иссык—Куля и верховий Нарына без единого выстрела вновь была возвращена Буранбаю — предводителю бугунцев.

Подоспевшие из Верного военные отряды 12–14 августа вывели людей Нарынкольско—Чарынского участка к городу Пржевальску, став свидетелями разграбленных и сожженных поселков, среди которых были: Таврическое, Новокиевское, Ново—Афонское, Владиславское, Красноярское, Мещанское, казачий выселок Охотничий и другие. Вот только одно из свидетельств о тех трагических событиях — иссык-кульского пчеловода А. Смолина: *«Я был в городе. Жена и дети на пасеке. В это время на пасеку приехали два киргиза. Один пошел искать мед, другой предупредил жену: «Ты, бабиче (женщина), убегай отсюда скорее, а то тебя убьют! Вечером жена собрала детей и вместе с семьей пчеловода Серцова бежали. Около Лизогубовки их встретили киргизы. Серцову отрубили голову, его мальчика, лет 10, застрелили, а двух дочерей увели в плен. Хотели отрубить голову моему сынишке, затем раздумали, избили его и жену дубинами. Девочек отобрали и увезли, судьба их не известна. На тринадцатый день жена и сын добрались в Пржевальск избитые, израненные, оборванные».* В Пржевальском уезде из всех русских селений целыми остались только три, наиболее крупные и расположенные недалеко от города Пржевальска.

При погроме русских сел были разрушены, разграблены и сожжены все церкви. Был уничтожен Иссык—Кульский Свято—Троицкий мужской монастырь, один из трех, имевшихся в Туркестане. Двумя другими были Свято—Никольский женский монастырь под Ташкентом и Серафимо—Иверский женский монастырь в Верном.

Иссык-кульский монастырь (так и не восстановленный) был самым крупным и по количеству братии, и по духовному значению. 1 мая 1881 года было освящено место в долине Курменты на берегу залива, в 12 верстах от села Преображенского. В монастыре подвизалось около 80 монахов и послушников. При обители существовал приют, в котором воспитывалось 36 мальчиков-сирот, для них была устроена школа, где преподавали образованные иноки. Обитель не нуждалась в пожертвованиях со стороны, а сама осуществляла благотворительную деятельность, вела обширное хозяйство. Монастырь имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор с тремя сотнями голов скота, богатые рыбные ловли, две пасеки с 225 ульями. Кроме того, братия выращивала пшеницу, рожь и овощи.

Разгром монастыря и гибель монахов в 1916 году свидетельствует не о «неуспешности» этой обители, а, напротив, о способности к высшему христианскому подвигу — мученичеству за веру. Монах Ираклий остался единственным свидетелем происшедших в монастыре событий: *«Киргизы приехали утром, принялись стучать в двери саблями. К тому времени большая часть монахов ушла в горы или в соседние селения. Монахи преклонного возраста остались. На меня напал страх, — рассказывал отец Ираклий, — видимо, мне не время было умирать. Я побежал на колокольню и подлез под тес, накрытый листьями железа. Киргизы выбили двери, зашли в монастырь, стали требовать драгоценности. Драгоценностей не было, тогда они побили иконы, забрали церковную утварь — чаши, подносы, кресты. Потом во дворе началась казнь. Я лежал под крышей, и мне было видно все. Смотрел, как монахам саблями отрубали носы, уши, руки, ноги. Сделают человека как самовар, он кровью исходит. Потом одного старца повесили за ноги вниз головой и начали снимать с него кожу. Сняли кожу, дали кожу ему в рот и кричат: «Держи!». Он висит вниз головой, держит кожу. Все окровавлено, все, как куски мяса. На площади никого, всех порубили. Под вечер, к заходу солнца, смотрю, киргизы сели на лошадей и уехали.*

К тому времени я умирал от жажды и отлежал руки и ноги. Я вывалился из убежища, упал на пол, катался по полу и кое-как пришел в себя. Через некоторое время появились

люди из селений и ушедшие монахи. К утру все раненые поумирали. Похоронили всех в братской могиле».

Следующие свидетельства: «Сожжены со всем имуществом богатые храмы Сазоновки и Покровского, колокола расплавились. Сазоновцы в 1915 году купили иконостас в 6000 рублей. Нет сил, описывать страдания и мучения русских людей. Были случаи, когда детей киргизы разрывали на части, разбивали о камни, сбрасывали с обрывов. Все женщины, девушки и даже 12 летние девочки изнасилованы, заражены сифилисом, многие забеременели, нет сил, чтобы их утешить. Разорён богатый и прекрасный уезд». Эти случаи говорят еще и о том, что монастырь, церкви и моленные дома разрушались целенаправленно и с особой жестокостью».

Воспоминания отца Евстафия Малаховского, настоятеля Покровского храма в селе Покровское в тридцати километрах от Пржевальска на южном берегу озера Иссык—Куль: «Киргизы, воспользовавшись тем, что Россия была втянута в мировую войну, и, оправдываясь тем, что государственная власть стала призывать их к тыловой службе, подняли восстание, несмотря на то, что Россия за эти годы значительно улучшила их положение. В трудный для страны час, мирной и созидательной жизни, они предпочли безграничный разгул страстей и жестокий грабёж. Десятого — одиннадцатого августа, одновременно (значит, у них был заговор) киргизы напали на беззащитные русские селения всего уезда — убивали жителей и жгли дома. Угоняли скот, который был на пастбище (село Покровское потеряло около 15 тысяч голов скота), убивали работавших на полях; в селе Преображенском, по словам местного священника, убито около 200 человек. Пощады русским не было. Стали появляться лица, которым с Божьей помощью удалось избежать насильственной смерти. Некоторые из них были жестоко изранены. Ужасом веяло от их рассказов. Времена злой татарщины воскресли в моей памяти, но всё, что когда-то читалось об этих временах, бледнело пред действительностью».

Далее, отец Евстафий рассказал о том, как они выбирались в Пржевальск:

«В напряженном состоянии духа проехали 15 вёрст до села Иваницкого. Вдруг обоз остановился — спереди послышались крики. Значит, подстерегли... Стали слышны рыдания женщин и молитва... Благодарение Создателю — свои! Оказалось, что израненные и полуживые жители, заслышав шум обоза, буквально выползли на дорогу. Их разместили на телегах, в селе больше не осталось ни одной живой души. Обоз наш тронулся дальше... вот уже до города вёрст семь. На пути стало попадаться много изуродованных трупов русских людей, как взрослых, так и детей. Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя пожалуй уступят... Достаточно того, что на дороге попадались трупы десятилетних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями. Взрослых, укладывали в ряды и топтали лошадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого».

А вот как один из свидетелей описывал героизм жителей села Столыпино в районе Кочкорки: «Киргизы окружили село, напали на работающих людей в поле и многих убили. Мирные жители и 8 солдат, находящихся в селе, решили защищаться. Два дня они отбивались от бандитов до прихода небольшого военного отряда из Нарына (в 120 км от Кочкорки). Отряд решил пробиваться в сторону Токмака вместе с населением поселка. Предстояло преодолеть свыше 100 километров на запад в Чуйскую долину, из них 60 километров по Боомскому ущелью. Более 500 человек — казаки на своих лошадях, дети и женщины на бричках, остальные пешком, вечером двинулись в путь. Ночь прошла без нападений, а утром киргизы обстреляли беженцев, появились первые потери. Преследование и нападение продолжалось всю дорогу, в том числе и в Боомском ущелье. Казаки, ценой собственных потерь и потерь среди беженцев, отбивали нападения. Так называемый «Интендантский мост» через реку Чу в Боомском ущелье оказался сожженным. Под обстрелом через реку переправлялись на лошадях, большинство бричек

было опрокинута водой, тонули женщины и дети. По пути все почтовые станции и караван-сараи были ограблены и сожжены, люди убиты.

По осыпям и крутым склонам киргизы сбрасывали на дорогу камни, чтобы задержать отряд, приходилось расчищать дорогу под непрерывным обстрелом. На выезде из ущелья произошло сражение и вновь с большими потерями. Из 60 бричек осталось восемь. Остальные или были потоплены в реке Чу при переправе, или брошены по дороге. Обувь на людях пришла в негодность — поэтому бежали босые, у многих лилась кровь из ног. В Кара—Булак (Михайловское) добрались едва половина беженцев».

5

К началу сентября во всех уездах, за исключением Пржевальского и Пишпекского, наступило заметное успокоение: началась уборка полей и мобилизационная поставка лошадей в армию, которая протекала успешно. Пржевальские и загорные Пишпекские киргизы продолжали оказывать сопротивление войсковым, однако в середине октября, под давлением военных отрядов бежали через перевалы в Кашгарский район Китая, а киргизы северного берега Иссык—Куля и киргизы рода атбан Нарынкольско—Чарынского участка, по Текесу — в Кульджинский район Китая.

Отступая в Китай, восставшие продолжали жечь не только мосты, но и дома, которые встречались на пути, уводя с собой пленных. Так, отряд полковника Боброва, наступавший на Джумгал, отбил у отступавших 9 мужчин, 123 женщины и девушки и 159 детей. Отряд Бычкова отбил и доставил в село Преображенское на Иссык—Куле 4 мужчин, 60 женщин и девушек и 50 детей.

Большинство из 1105 пропавших затем без вести, в основном женщин и детей, были уведены восставшими в Китай. Многие из них, как лишняя обуза в трудном пути, в условиях рано наступивших снегопадов и морозов, были брошены в горах на погибель или убиты.

Русский консул в Синьцзяне потребовал от даотая (главы провинции) принять меры к освобождению русских пленных, но китайские власти пошли своеобразным путем. Разрешая киргизским беженцам перейти границу, китайские власти в свою очередь требовали, чтобы среди них не было русских. В ответ киргизы снова отделялись от пленных любым способом, вплоть до убийства.

Таким образом, не Боомское ущелье усыпано костями восставших киргизов, как лицемерно утверждалось в 2009 году при открытии памятника жертвам 1916 года, а дорога в Китай усыпана русскими костями на труднопроходимых горных перевалах Тянь—Шаня, покрытых уже в октябре глубоким снегом. Впрочем, киргизскими костями эта дорога тоже была усыпана, но на обратном пути, когда простые беженцы стали не нужны на границе своим манапам и тем более Китаю. Ведь положение 120 тысяч беженцев на границе с Китаем, потерявших при паническом бегстве почти все свое имущество оказалось отчаянным. Фактически, благополучно перейти границы Китая удалось только тем, кто мог заплатить пограничникам богатую мзду. В частности, Шабдановы заплатившие 35 тысяч рублей плюс взятку опиумом и другие манапы, беспрепятственно перешли границу со своими стадами.

И тогда, большинство, тех кто не чувствовал за собой вины, перессорившись с активными участниками восстания, вынуждены были возвращаться обратно. Обратный путь проходил в ужасных условиях. Пришлось возвращаться в условиях, когда перевалы были полностью закрыты. В пути беглецы потеряли оставшуюся часть скота, который погиб за отсутствием корма. Теперь, ограбленные на чужбине, киргизы умирали в горах и не только от холода, но и от голода. А в это время руководители мятежа безбедно устроились в Китае под покровительством властей.

Таким образом, главари мятежа во время бегства (чон уркун — большой исход), обрекли на массовую гибель не только русских пленных, в основном женщин и детей, но и свой народ. Однако, такая трактовка событий не выгодна нынешним авантюристам в Киргизии, поскольку тогда весь национал — шовинистический сыр — бор теряет смысл.

Царское правительство пыталось преследовать восставших в Китае. В Синьцзян посылается отряд во главе с Бычковым, чтобы выловить руководителей и активистов восстания. Но особых результатов достигнуто не было. Главные руководители восстания откупились от китайских властей, и оно их не выдало. Удалось вернуть всего 65 русских пленных и арестовать 12 восставших.

Подавление царским правительством мятежа 1916 года, спровоцированного в глубоком тылу российской империи недальновидной и властолюбивой киргизской элитой, не было направлено против киргизов как этнической группы, как это утверждают национал — шовинисты сегодня. Оно было направлено на спасение мирных русских жителей и против главарей и активных участников мятежа.

При этом, киргизские беспорядки, как уже было сказано, в основном ограничились Чуйской долиной и Прииссыккульем. Большинство остального населения оставалось лояльным и беспрекословно выполняло все требования администрации: выделяло лошадей, юрты и продовольствие для нужд армии.

В конце 1917 года член Туркестанского комитета Временного правительства О. А. Шкапский занимался урегулированием отношений русского, киргизского и дунганского населения в Пишпекском и Пржевальском уездах. По поручению Временного правительства он передал председателю Киргизского комитета Джайнакову 100 тысяч рублей для помощи голодающим беженцам — киргизам.

К 1 ноября был закончен предварительный подсчет количества жертв восстания по Туркестанскому краю: воинских чинов было убито 97, раненых 86, пропавших без вести 76, кроме того, убито 2 чиновника администрации, и 12 чиновников разных ведомств. Среди мирного русского населения убито 2325 человек, пропавших без вести 1384 человека, а раненых и изувеченных было столько, что их ни кто не считал. Большая часть жертв пришлась на Пржевальский уезд — погибло 2179 человек и 1300 пропали без вести. По приблизительным подсчетам, восставшие сожгли и разрушили более 2600 дворов, число пострадавших семей составило около 8000.

Теперь о жестокости подавления восстания. За всю многовековую историю России ни одно стихийное восстание не увенчалось успехом. Не оправдывая действия царских властей, отметим, что во все времена, во всем мире, не было «милосердного» подавления восстаний против существующей власти. Вспомним древность в изложении Пушкина: *«Как ныне собирается вещей Олег отмстит неразумным хазарам...»*, вспомним восстание Спартака в Древнем Риме, восстание Пугачева в России XVIII века, восстание сипаев в Индии, Андижанское восстание 1898 года. Примеры можно продолжить. В 1916 году, когда первая мировая война была в разгаре, как должны были действовать власти в ответ на предательский удар в спину? Ведь с точки зрения факта и юридической оценки — был спровоцирован антиправительственный мятеж с отягощающими обстоятельствами (военное время), что квалифицируется, как государственная измена.

К сожалению, во время подавления восстания имела место жестокость иного толка — это самосуды. Можно понять русских людей потерявших близких и родных, кров над головой и хозяйство, но оправдать самосуды нельзя, поскольку слепая ярость приводила к гибели невинных. Подобные эксцессы произошли в Беловодске Пишпекского уезда, в селе Ак—Су Пржевальского уезда, в селе Преображенском того же уезда и других местах. Однако, уже в октябре 1916 года военное ведомство разослало циркуляр: *«В настоящее время военные действия в пределах Семиреченской области закончены, а поэтому все эксцессы, невольно допускаемые в период подавления мятежа, будут преследоваться уголовной ответственностью»*.

Подводя итог вышеизложенным событиям, еще раз отметим: причина восстания — стремление авантюрной элиты и её главарей создать независимое феодальное ханство на севере Киргизии.

Поводом для восстания послужил призыв рабочих на тыловые работы, сфабрикованный на местах как набор местных жителей для участия в войне в качестве пушечного мяса; за некоторым исключением надуманный земельный вопрос; повинности на нужды войны; взяточничество, поборы и вымогательства местных чиновников; иллюзорная надежда аванюристов на поддержку Англии, Турции, Германии, на выступление Персии и Афганистана; надежда на бунт значительного количества военнопленных в Туркестане.

Кстати Англия всегда «мутила воду» в Средней Азии. Колонизовав Индию с помощью Ост—Индийской компании в XVII веке она делала всё, чтобы не допустить туда Россию. Для этого с одной стороны она превращала Афганистан в буферную зону, а с другой, предоставляла оружие и финансы среднеазиатским ханствам для противодействия России.

Главари восстания прекрасно сознавали, что власть их держится только благодаря невежеству и темноте народа, которые в общей своей массе, помимо гор и своего аула, ничего не видел. С призывом на работы у этих людей неизбежно, как результат более тесного общения с русским населением и расширением кругозора, могли зародиться хотя бы элементарные представления о праве, что в дальнейшем привело бы к концу господства манапов. Богатые киргизы, занимавшиеся торговлей и земледелием, не хотели волнений и были склонны удовлетворить требования призыва рабочих, так как помимо материального ущерба, который был неизбежен для них в случае мятежа, они, как более осведомленные, видели бессмысленность и губительные последствия от неповиновения властям. Но этот класс лиц, как немногочисленный и слабо организованный, хотя и пользовался некоторым влиянием в массе киргизского населения, не в состоянии был противодействовать главарям — манапам.

Выродившуюся к тому времени киргизскую элиту обличает и следующее обстоятельство. Как известно, северные киргизы, чтобы сохранить себя, в своё время, стараниями мудрых родоплеменных манапов, добровольно вошли в состав Российской Империи. В отличие от них, туркмены, особенно текинцы, геоклены и йомуды, оказывали организованное и масштабное сопротивление, которое носило массовый народный характер. Имперские войска понесли значительные потери при штурме Геок—Тепе (400 только убитыми). Однако, при разнице обстоятельств вхождения в Империю результат для родоплеменных вождей туркмен и киргиз оказался примерно одинаков — прекратившие сопротивление туркмены, тот же руководитель обороны Геок—Тепе Тыкма—сардар, был зачислен на русскую службу майором, как и киргиз Шабдан Джантаев. То есть, те и другие национальные вожди присягнули новому Верховному владыке и клялись на Коране быть верными подданными. Туркмены таковыми, в массе своей и остались, что подтверждает героическая служба Текинского конного полка в годы 1-й мировой войны и мужество личной охраны (из текинцев) последнего главнокомандующего Имперской армии Лавра Корнилова.

К сожалению, среди киргизской элиты того времени не оказалось личностей по авторитету равной Курманжан Датка и Шабдана Джантаева (Шабдан Батыра), которые понимали значение мира на киргизской земле под защитой российской Империи и могли бы предотвратить трагедию.

6

В последние годы киргизские национал — шовинисты преподносят события 1916 года не с точки зрения фактов, документов и свидетельств жертв мятежа, а с подачи некого Бройдо Григория Исааковича (1885–1956) — русофоба и патологического ненавистника

царизма. Кто же он, этот «пройда» по имени Бройдо? Настоящая его фамилия Герш Ицкович Вильберквейт. Родился в Вильно, окончил юридический факультет Петербургского университета. Имел в Москве доходный дом.

В 1901 году член «Бунда» (Еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), с 1903 года член РСДРП, в 1905 году в Ташкентской организации вел агитационную работу среди солдат и редактировал «Солдатскую газету». С 1916 года — в русской армии, за распространение ложной информации, оправдывающей восставших киргизов, был определен солдатом в Казалинск в штрафную роту 1-го Сибирского полка, откуда дезертировал после свержения монархии. В 1917 году председатель Ташкентского Совета, с 1918 член РКП(б).

За свою карьеру, этот «алюминиевый солдатик» партии большевиков, занимал более тридцати различных должностей. В Ташкенте в ноябре 1919 года, заведовал отделом внешних сношений Комиссии ВЦИК по делам Туркестана. Из-за разногласий с большинством ее членов в мае 1920 года отправлен в Москву с формулировкой «политический авантюрист». Снова всплыл, был зав. партийным отделом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, ректором Коммунистического университета трудящихся Востока, заведующим издательством ЦК ВКП(б), первым секретарем ЦК КП(б) Таджикистана, при этом, способствовал голодомору в республике, насаждая посев монокультуры — хлопчатника и запрещая посев пшеницы и риса. Занимал должность заместителя народного комиссара просвещения РСФСР. Угомонился Герш Бройдо в 1941 году, когда был арестован, осужден к 10 годам лишения свободы и выслан на поселение в Казахстан.

Первые итоги восстания 1916 года были подведены в ноябре того же года, а авантюрист Герш Бройдо уже 3 сентября сформулировал свою «теорию провокации царского режима», которую продолжал муслировать в советское время: *«Киргизское восстание, — писал он, — было одним из средства царских палачей, уже в 16 году искавших земли, чтобы заткнуть глотку революционирующемуся крестьянину. Вырезать киргизов, спугнуть их в Китай и захватить новые земельные фонды — вот что ожидало царское правительство в результате своей провокационной работы».*

Вот так, не больше и не меньше! Оказывается, это не юрист Ленин и его единомышленники, в том числе юрист-руссофоб Герш Бройдо революционизировали со студенческой скамьи, а крестьяне России. Это крестьяне от безделья совершали покушения на монархов, царских губернаторов, убили Столыпина. Это крестьяне, а не «бесы» в 1917 году, слетелись со всего мира в Петроград, совершили переворот и всем кагалом вошли в состав первого большевистского Ленинского правительства.

Это крестьяне спровоцировали гражданскую войну и расстреляли царскую семью, с помощью наёмников — иноверцев и инородцев: латышских стрелков, чехов, китайцев, венгров пролили реки русской крови.

Это крестьяне отнесли миллионы образованных, работающих, добродетельных, христолюбивых людей к эксплуататорским классам или реакционным слоям с целью поголовного уничтожения. Только в Крыму в 1920 году пообещав амнистию пленным, «крестьяне» Розалия Землячка (Залкинд) и Бела Кун расстреляли и утопили в море более 70 тысяч пленных русских офицеров, а заодно представителей дворянства и интеллигенции, бывших гимназистов. Кстати Ленин был осведомлён о происходящем, а кроме того, как последователь Карла Маркса (Мордаhey Леви), используя его тезис «Религия — опиум для народа», испытывал особую ненависть к служителям православной церкви.

Это крестьяне учинили резню казаков в Крыму, на Кубани, Ставрополье, в Семиречье и в Даурии, изымали церковные ценности под видом помощи голодающим, уничтожали православные храмы и духовенство. И конечно же, крестьяне организовали и возглавляли Соловки, Беломорканал, ГУЛАГи.

На самом деле «бесы» всегда рассматривали крестьянство, как тёмную, невежественную массу, способную «разжечь Вандею», но принципиально не способную усвоить идеи марксизма. Ленин и его последователи Г. Зиновьев, Ю. Ларин, Е. Ярославский и другие интернационалисты считали русское крестьянство главным противником советского строя. А Сталин, путём раскулачивания и коллективизации, «через колено», сломал хребет российскому крестьянству. Окончательную точку крестьянству, как классу, поставили нынешние либералы — потомки лево радикалов и интернационалистов.

Что касается вождей, то либералы, в исторических оценках, всегда руководствуются двойными стандартами по принципу «свой — чужой». Ленин — со своими единомышленниками от Троцкого и Дзержинского до Герша Бройдо — гений и великий вождь. Сталин, который «переиграл» сторонников Ленина — кровавый диктатор.

Национал — шовинисты в Киргизии и либерал — проститутки в России наследники Герша Бройда подзуживающие их неугомонны в своих фантазиях. Как было отмечено ранее, началось это уже в советское время. В Сборнике документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» под редакцией А. В. Пяковского, изданном АН СССР в 1960 году утверждается: *«Восстание 1916 года носило прогрессивный народно — освободительный характер, но было подавлено с невероятной жестокостью. Многие тысячи восставших крестьян (это о кочевниках) были расстреляны без всякого суда и следствия карательными отрядами, орудовавшими по всей Средней Азии и Казахстану, одновременно сжигались кишлаки и аулы, не щадили ни женщин, ни детей, уничтожались посевы, отбирались у местного населения земли, домашнее имущество и т. д. Царским властям помогали душить освободительное движение местные буржуазные националисты — джадиды и алашевцы. Сотни тысяч крестьян из Киргизии, Казахстана и Туркмении, спасаясь от расправы царских властей, бежали через границу — в Китай и Персию. Они вернулись обратно уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции».*

Что на это сказать — каждое слово ложь и холуйство перед властью, возможность без проблем защищать диссертации! Но не только это. Как сказал поэт: *«Нам не дано предугадать, как наше слово обернётся»*, в данном случае Пяковский и иже с ним знали — «зубы дракона» надолго сохраняют способность проклянуться.

А вот перлы новейшего времени: *«Ошибочным является распространенное мнение о том, что киргизы к этому времени все еще были кочевниками. Еще до прихода русских киргизы занимались земледелием параллельно со скотоводством. Так, например, к началу XX в. в Пишпекском уезде 93% хозяйств, а в Пржевальском уезде 94% занимались земледелием. Вскоре они теряют свои земли, которые конфискуются переселенческим управлением».*

Ну, прямо не про горную страну и кочевников, а про Согдиану! О каких хозяйствах идет речь? Киргизы, в силу социально — психологического менталитета кочевников всегда, и даже в советское время, в совхозах и колхозах в основном занимались животноводством, тому я сам свидетель. На Западе Чуйской долины, даже в 70 годы были не освоенные целинные и залежные земли. Мой друг Виктор Черкасов был директором одного из вновь создаваемых тогда совхозов на Западе Чуйской долины, и я был у него в гостях — земли там было немерено.

Помню, в детстве, прочитал книгу киргизского автора «Золотая чаша Байтемира», вот что отложилось: *«Киргиз, если и воткнет деревце возле кибитки, то лишь для того, чтобы через несколько лет срезать его для камчи (рукоять конской плетки)».*

Другой пример современного лицемерия: *«Хотелось бы отметить, что жестокости, приписываемые киргизам по отношению к переселенцам, во многом преувеличены. Несмотря на резню, царившую вокруг, киргизы не уничтожали женщин и детей крестьян-переселенцев, а брали их в плен».*

На это, остаётся разве что пролить слезы умиления по поводу гуманизма и идиллии во время восстания, в результате чего чудом оставшиеся в живых женщины и девушки, пленные и не только, сплошь были беременны и заражены сифилисом стараниями своих «благодетелей», в то время как их деды, отцы и мужья были «великодушно» вырезаны или воевали на фронтах Первой мировой войны.

Или: *«Монахи разрушенного в 1916 году мужского монастыря на Иссык—Куле, стреляли в киргизов и до восстания»*. Очередная примитивная ложь! Пора бы знать — монахам брать оружие в руки запрещает Устав.

Далее: *«Начавшись в форме стихийных волнений, протесты постепенно стали перерастать в довольно организованное, сплочённое и целенаправленное движение большинства масс, возглавляемых представителями тех патриотических сил, которых взрастила революция 1905 – 1907 годов — идеи пролетариев и крестьянства России о демократическом переустройстве общества, экспроприации экспроприаторов, за равные права и социальные гарантии»*.

Да! Такое нагородить может только больное воображение: тёмные, безграмотные, кочевники из феодальных племён только и занимались тем, что возвращались к событиям 1916 года примером русских пролетариев на баррикадах Красной Пресни 1905 – 1907 гг.!

И последнее: *«Цель, которую поставили перед собой лидеры народного движения была достигнута, планы на тыловые работы сорваны»*. Да, вместо планируемых в Туркестане на тыловые работы 250 тыс. человек, властям удалось мобилизовать 120 тыс. человек. Но цель — создать на севере Киргизии феодальное ханство не была достигнута. Жертвы были напрасны.

А теперь напрашивается вопрос — к чему всё это словоблудие ура-патриотов? А к тому, чтобы оправдать и «героизировать» эти бессмысленные события, оправдать своих соплеменников — руководителей восстания, амбиции которых стоили жизни тысячам киргизов и русских переселенцев. Оправдать себя, так и не выросших из штанишек родоплеменного мышления и интересов, разделяющего мир на «своих» и «чужих». Это всегда лежало в основе военного стиля жизни киргизских племён. Ментальность «мы» реально распространялась только на членов своего рода-племени. Попытки экстраполяции племенных ценностей на надплеменные образования не давали длительных позитивных результатов. При малейшем дискомфортном состоянии вступали в действие инверсионные механизмы мышления, «родичи» становились «чужими», «друзья» — «врагами», консенсус сменялся конфликтом отличавшимся, как правило, чудовищной жестокостью. Набеги, захват скота и пленных у других племён — «барымта» — были делом обычным и даже почитались как акты героизма, силы, удали.

Напомню последствия такой схватки описал П. Сменов Тянь — Шанский, наткнувшийся во время экспедиции в горах на «мёртвое поле» вмёрзших в лед трупов — жертв нападения сарыбагыш на обедневшие роды кыдык и джельден.

Тенденции кровнородственного изоляционализма киргизов проявлялись и в советское время, особенно при переходе к оседлости, образования айлов и кыштактов, коллективизации сельского хозяйства, формировании местного руководства. Групповая борьба за власть на основе родоплеменного деления разгорелась в период выборов и формирования руководящих органов. Её участники беспочвенно обвиняли друг друга в «правом» и «левом» оппортунизме, троцкизме, буржуазном национализме, антисоветизме и т. п., облегчая задачу репрессивной машины 1937–1938 гг. В результате был репрессирован отец Чингиза Айтматова и другие достойные люди.

То же самое, происходит и в постсоветской Киргизии. В результате родоплеменных разборок идёт непрекращающаяся борьба за власть. В итоге Президентов свергают каждые пять лет (Аскара Акаева 14.08.2005 г., Курманбека Бакиева 07.04.2010 г.). Пользуясь временным безвластьем, идёт грабеж столицы республики Бишкек и второго по величине города Ош, а заодно сведение кровавых счетов с людьми не титульной национальности. Разве это не «барымта» в современной интерпретации?

В 20–30-е годы большевики чтобы привлечь на свою сторону коренное население, стали творить очередную историческую несправедливость — называли русских карателями, а восставших, — борцами с царизмом. Против тех, кто усмирять мятеж, начались репрессии: аресты, сведение счетов, реквизиция земли и имущества, выселение и расстрелы. При этом, чтобы придать восстанию классовый характер утверждали, что восстание носило «общенародный характер», а вот в ряде волостей руководство восстанием якобы было перехвачено феодальными элементами во главе с крупными манапами и родовыми вождями: сыновьями Мокуша Шабданова, Батырханом Нагоевым, Каанатом Абукиным, Султаном Долбаевым и другими.

По лицемерной трактовке большевиков, расправу и жестокости с русским населением совершали только представители манапско — клерикальной верхушки, которые мечтали об отделении от России и создании самостоятельного феодального ханства. Поэтому, руководствуясь тем же «классовым» подходом и духом «пролетарского интернационализма» большевики оправдали восстание 1916 года. Таким образом, Советская историография подобно любому другому аспекту действительности, использовалась для формирования советского общества и была превращена в руках государства в марионетку, искажавшую историю.

А что происходит в последнее время? Все те же признаки политической конъюнктуры! В порядке подготовки к юбилею в 1916 году, национал — шовинистами, ура — патриотами и другой нечистоплотной публикой опубликовано много фальшивых, тенденциозных и провокационных материалов о восстании киргизов 1916 года. Для большей достоверности делаются ссылки на издания 30-х годов, авторы которых якобы сами участвовали в восстании. В качестве примера, можно привести так называемую лекцию некого Б. Исакеева и материал Б. МаксUTOва «Великое восстание кыргызов 1916 года» где они талдычат одно и то же: *«Россия хотела истребить кыргызов...»* и героизирует эти события — всё списано под копирку у Герша Бройды.

Можно было бы и не обращать внимание на ересь тех, кто действует по киргизской поговорке *«В своём ауле у собаки хвост трубой»*, однако беспокоит то обстоятельство, что подобные публикации направлены на разжигание межнациональной розни, что юбилей будет носить антирусский характер с не предсказуемыми последствиями для наших соотечественников в Киргизии.

Кто они организаторы юбилея и их приспешники? Других времен неблагодарные сарыбагыши и бугунцы — самые активные участники бессмысленного восстания? Или это та часть киргизской интеллигенции, проникнутая ядом радикального национализма и руслофобии. В любом случае, это политики — временщики и провокаторы, которым не терпится погреть на этом руки.

Хватит ли способностей у нынешней прогрессивной киргизской общественности переломить ситуацию и подойти к событиям 1916 года с позиции здравого смысла — вот в чём вопрос. Социально–политическое положение современной Киргизии можно было бы отнести к «детской болезни» киргизов в условиях несформировавшейся нации (наличие более двадцати тесных родоплеменных связей и отсутствие гражданского общества), но от этого не легче другим, прежде всего русским, живущим в Киргизии, а так же прослойке мудрых, цивилизованных киргизов, которым действительно дорога судьба своего народа и своей страны.

Часть киргизской элиты, как и 100 лет назад, из личного эгоизма и ложных амбиций не чувствуют в каком мире они живут и не различают истинных друзей и союзников.

Видный русский историк Василий Ключевский по этому поводу сказал: *«История не учительница, а надзирательница и наставница жизни: она ни чему не учит, а только наказывает за незнание уроков»*. Так может быть хватит «наступать на одни и те же грабли?».

ГЛАВА III. РУССКИЕ В советской СРЕДНЕЙ АЗИИ

«Благодатны дни юности. Старость любит возвращаться к ним сквозь туман времени»

Джордж Байрон (1788–1824) — английский поэт — романтик.

Малая Родина... Ее, как и родителей, не выбирают. Я родился в Средней Азии, на юге Киргизии, в небольшом городе Кара—Су. В полной мере проникнуться малой Родиной можно лишь в том случае, если там прошла хотя бы часть сознательной жизни, скажем — детство и юность. Но малая Родина это не только дань скоротечному, беспечному детству и юности. Это окружающая природа, люди, условия жизни, все то, что формирует личность человека. Кара—Су оставался моей малой Родиной до тех пор, пока не пришлось покинуть Киргизию — замечательный горный край, в одночасье превратившийся в ближнее зарубежье. Теперь, в России, малая Родина выросла до масштабов всей Киргизии.

Моё детство прошло в горах Памиро—Алая, на Юге Киргизии и Таласской долине, юность на Тянь—Шане и берегу Иссык—Куля, студенческие годы в городе Алма—Ате — бывшей столице Казахстана, зрелые годы в столице республики городе Фрунзе.

Мой отец, уроженец Саратовской области приехал в Киргизию — г. Ош в 1937 году — ему было 24 года. Он, как и тысячи других русских из России, а это учёные, строители, инженеры, врачи, учителя, попал в Киргизию поднимать экономику республики, грамотность и культуру местного населения. Специалист связи: почтовая связь, радио, телефон, телеграф, были его сферой и всё это, было если не зачаточном, то далеко в недоразвитом состоянии. Даже во Фрунзе — столице Киргизии, первая телефонная станция на 1500 номеров была пущена в эксплуатацию только в 1938 году. Все остальные города и населённые пункты республики делали в этом отношении первые робкие шаги. Поэтому, отец хоть и человек гражданский, находится, как на военной службе — работал там, где было необходимо.

Он всегда казался мне человеком строгим и суровым, возможно это объяснялось тем, что в семье было четверо детей и это в те годы требовало от него больших усилий по её содержанию. Мы росли в условиях выживания и возможно по этой причине, нас в семье не приучали к моделированию своего будущего, перед нами не ставили высокую жизненную планку к примеру, готовиться к поступлению в престижные вузы — мы просто плыли по течению. Как следствие, из чувства неполноценности крупные города страны были как бы не для нас. Поэтому, окончив школу, я и мои одноклассники, в большинстве своём поступали в ближайшие учебные заведения городов Ош, Фрунзе в лучшем случае Ташкент, Алма—Ата.

Моя исповедь не может быть полной если не коснуться семьи более подробно. Главной проблемой моего детства были сложные отношения между мной и мачехой, которая появилась после смерти мамы. Наверно это типично когда в семье кроме пасынка

появились трое своих детей. Мало того, что мачеха по определению не была для меня родным источником бытия и была, по моему мнению предвзята по отношению ко мне, так к тому же, не понятно зачем, дистанцировалась от меня заставляя называть её на «вы». Подобная обстановка имела место с 9 до 14 летнего моего возраста. Отец, чтобы вразумить меня, иногда брался за ремень, но это только усугубляло положение. Я стал сбегать из дома, ночевал на чердаках в кругу молодых хулиганов из неблагополучных семей, многие из которых в дальнейшем криминализировались и имели проблемы с законом. В этот период, наличие железной дороги могло бы превратить меня в беспризорники, но она была в 360 километрах от Нарына где всё и происходило.

Меня угнетало и то, что имя моей мамы в семье никогда не упоминалось, а отец до самой смерти так ни разу и не заговорил о ней со мной, лишив каких либо подробностей нашей с ней недолгой совместной жизни. Более того, в свои семьдесят лет, по запросу, я получил копии архивных документов отца. Однако в этих документах, при всей строгости того времени, не оказалось упоминания о его первом браке и моём рождении.

Как и мои два брата с сестрой мы росли без прошлого в том смысле, что мало знали о родственниках и уж тем более о своих предках. А ведь быть без чувства живой связи с дедами и прадедами — это значит не иметь себе точек опоры в истории. Увы, таково было время — наследие большевизма, которое принуждало людей отказаться от своих корней: истории, религии, предков. Множество русских душ было искалечено этим. По мере взросления, начиная с 8 го класса, наши отношения с мачехой пришли в норму — ушли в прошлое обиды, несправедливость, предвзятость и я стал почитать её как мать. Надо отдать должное, когда после школы я начал работать, а средний брат поступил в техникум, она с сестрой и младшим братом на руках, имея семь классов образования, сумела окончить 10 классов вечерней школы, затем курсы и долгое время, до пенсии, работала в Карасуйском райисполкоме бухгалтером.

Для меня отец приоткрылся пятьдесят лет спустя после его кончины по прочтению писем из «архива» мачехи после её ухода в мир иной. Это были письма отца из Ташкентского госпиталя — там он лежал с онкологией приговорённый к смерти. В письмах были простые человеческие размышления, доброе отношение к детям, ко мне лично.

После школы, по принципу Бруновского движения меня понесло по жизни, сталкивая с её реалиями. К тому времени, в своей основе, я сформировался вполне зрелой личностью с достаточно твёрдым характером. И вообще, начиная с восьмого класса Карасуйской школы, меня в основном окружали и окружают достойные люди — умные, благородные, а некоторые и «светлые». Теперь многих из них нет, но я с благодарностью храню их в душе.

Мама, Широкова Евгения Михайловна, ушла из жизни в 1942 году, произошло это на Памиро—Алае в пос. Дароот—Коргон (*мамочка там похоронена в детские годы мои*). Она моя вечная память и душевная боль сына, рано утратившего любовь и заботу родной мамы. Но её незримое присутствие и благотворное влияние я ощущаю на себе всю жизнь — «во мне ты мама пока я есть».

К её памяти я обращаюсь отрывком из стихотворения поэтессы Марии Волковой «МАТЬ»:

*Ощущенье сладкого покоя,
Безопасности и теплоты
Каждый раз овладевало мною,
Если надо мной склонялась ты.
Мы с тобой недолго были вместе,
Но живу еще твоим теплом,
Хоть никто меня не перекрестит,
Как бывало в детстве, перед сном.*

Отец из жизни ушел безвременно в сорок пять лет. В сорок пять лет я переехал из Киргизии в Россию. А до этого...

Алайская долина, 1945 год

Алайская долина — межгорная впадина в пределах Памиро—Алайской горной системы — расположена на высоте более 2000 метров над уровнем моря, с суровыми зимами и коротким летом. Там находится Чоналайский хребет с одним из двух семитысячников на бывшем пространстве Советского Союза — пик Ленина (7134 м).

Для всякой биографии детство — трогательная, милая и быстротечная пора. На Алае складывались мои первые осознанные представления об окружающем мире. Этот мир — прежде всего горы. Мы живем в небольшом поселке Дараут—Курган — всего две русские семьи. Где-то неподалёку пограничная застава, ведь через границу и перевалы Памиро—Алайского хребта можно попасть в Китай и Афганистан, кроме того, всего в 15–18 километрах граница с Индией. Мой отец и его коллега обеспечивают радиосвязь этого региона с «большой землей», а возможно и еще чем-то.

Самое яркое впечатление — май 1945 года. Из чёрной тарелки на стене — это радио, то и дело объявляют о победе Советского Союза над фашистской Германией. Я стою на железной кровати, держусь за спинку, прыгаю и что-то ору от радости!

Затем в памяти — импровизированная трибуна на пустыре, красные флаги. Вокруг толпится народ, приглашенный на митинг со всех окрестных кишлаков.

Праздничное настроение — закончилась война! Радость передается и нам, четырёх — пятилетним детям. Стайками девочки—киргизки с охапками диких тюльпанов и маков, некоторые — в нарядных тубетейках. Пограничники уже на месте. Вооруженные карабинами, они представляют для нас главный интерес — мы крутимся возле них. Начинается митинг, а затем — долгожданный салют — залпы в честь Дня Победы!

Яркий солнечный день. Горная долина недавно освободилась от оков зимы и, тут же, покрылась нежной зеленью вперемежку с алыми маками и красно—желтыми тюльпанами. Голубое небо, вершины окрестных гор сияют серебром. Главное ощущение от праздника — выжили! Выжили все: люди, горы, небо, солнце, выжили и победили! Впрочем, выжили не все. За три года до дня победы, здесь, в горах Алая, ушла из жизни моя мама. А победили, в моём понятии другие те, кто воевал с фашистами, а мы просто жили...

В детстве все хорошо. И даже во время войны — если тебя не бомбят, если ты не в оккупации, а если родители рядом, то ты будешь как—никак сыт, одет и обут. Так что мне повезло. Каково было старшим? Знаю, что им было трудно, как и всем — и на фронте и в тылу. Помню, на полке, в стеклянной банке, хранились кресало, клочок ваты и кусок белого кварца. Значит, спички в доме были не всегда. Наблюдал, как добывают огонь, пользуясь кресалом. В левую руку брали кварц и вату, а в правую кресало — обломок напильника. Затем чиркали металлом по камню, искры попадали на вату, вата начинала дымиться, тлеющее пятнышко раздували — вот вам и огонь!

Еще одно воспоминание — во дворе варили мыло. Из чего именно не знаю, но вонь стояла невероятная! Затем горячую жидкость разливали в противни для охлаждения. Застывшая масса и была мылом, ее резали на куски и делили между соседями.

С пропитанием было сложно. На подсобном участке в этой высокогорной зоне вырастала разве что картошка. Но с охотой в те времена было все в порядке. Наши отцы охотились на уток, кекликов — горных куропаток, на уларов — горных индеек, а зимой — на архаров, горных баранов. Шкура архара, густая, белесая, имела в каждом доме.

У архара, как я отметил выше, есть еще и европейское название — «горный баран Марко Поло», в честь венецианского путешественника, первым его описавшим. Вес архара — самца достигает 200 килограммов. У него огромные красивые, загнутые назад рога. Он и теперь желанный трофей для охотников Европы. Если во времена моего детства, по рассказам отца, стада архаров насчитывали десятки и сотни голов, то сейчас на телеканале «Охота и рыбалка» можно увидеть документальный фильм о многодневном преследовании пары архаров. Красная Книга не за горами!

В горных речках ловили форель, рыбу темно-серебристого цвета с красными пунктирами по бокам. В памяти первая встреча с яками — огромными, лохматыми и свирепыми на вид животными. Як — это мясо, молоко с высоким содержанием жира и средство передвижения. Если провести образное сравнение, як в горных условиях — это вездеход, а лошадь — легковой автомобиль. В носовую перегородку яку вдевали кольцо, к кольцу привязывали веревку. Наездник, сидя верхом, с помощью этой веревки управлял своим «транспортом».

Отзвуки революционных событий в Памиро—Алайских горах, природу этого края и быт киргизов очень верно и необычайно увлекательно описал в приключенческом романе «Джура» замечательный московский писатель Георгий Тушкан. Книга вышла в 1940 году, выдержала у нас около десяти отдельных изданий и переведена на многие языки. «Советский Фенимор Купер» — называло Георгия Тушкана английское издательство в предисловии к «Джуре». Эту книгу, с большим удовольствием я перечитывал и в зрелом возрасте.

Но вернемся в мое детство. Наш двор, по моим представлениям, был огромен. По периметру его располагались какие-то хозяйственные постройки, несколько жилых домов, а главное — конюшня и сеновал. Там, в основном, мы и проводили время. Русских было несколько ребятшек почти одного возраста. Во всех играх участвовали наши ровесники-киргизы. Так мы осваивали киргизскую речь, а они — русскую. Иногда возникали мелкие ссоры, и тогда киргизские дети, стоя в безопасном удалении на плоской крыше какой-нибудь кибитки, хором дразнили нас: «*Чайнек, пиала — орус дувана!*», что переводится приблизительно так: «*Чайник, пиала — русский дурачок*». Мы тоже не оставались в долгу, но не помню уже, каким стишком отвечали.

Я упомянул плоские крыши. Никогда не забуду, как мы, словно воробьи, сбивались на какой-нибудь крыше и грелись под первыми теплыми лучами весеннего солнца. Там же молодые девушки-киргизки, сидя на коврике, играли на темир-комузе. Вообще-то комуз — трехструнный киргизский национальный инструмент, близкая родня домбры и отдаленный родственник гитары. Темир-комуз, то есть железный комуз, — это *варган*, один из древнейших музыкальных инструментов. Маленькую вытянутую металлическую дугу с прикрепленным к ней стальным язычком прижимают к зубам и заставляют язычок вибрировать, ударяя по нему пальцем.

Возникает своеобразный звук, которым управляют с помощью дыхания и изменением объема полости рта, создавая удивительно богатые мелодии для столь простого инструмента. Играют на темир-комузе, как правило, женщины.

Приходилось быть свидетелем тому, как те же девушки, пристроив голову подруги себе на колени, выискивали в волосах вшей и давили их ногтями. Вшей было столько, что ногти покрывались кровью. Зрелище не из приятных, но мы смотрели на это спокойно — педикулез был обычным явлением.

Общественной бани в Дараут—Кургане не было. Нелюбимая процедура мытья, когда мыло почему-то всегда лезет в глаза, проводилась дома в оцинкованном металлическом корыте. В этом же корыте стирали белье. Вспомогательным приспособлением служила стиральная доска, прослужившая женщинам верой и правдой до пятидесятых годов. А там, наконец, появились первые стиральные машины с ручным отжимом белья через резиновые валики.

Большинство строений в Дараут—Кургане были саманными. Технология строительства таких кибиток была такова: в глине делался замес с соломой, то есть разрыхленную землю сверху посыпали мелкорубленной соломой и заливали водой. Через день—два несколько раз перелопачивали, подливая воду, и так до тех пор, пока замес не превращался в пластичную массу. Из массы лепили комки формой и размером со среднюю дыню. Эти «дыни» высушивали на солнце, получался — саман. Из таких деталей, уложенных в два ряда и скрепленных саманным раствором, выкладывали на каменном фундаменте стены. Их тоже обмазывали раствором.

Из самана, но в один ряд и без обмазки, сооружали дувалы — глиняные ограждения между соседями. Крышу саманного дома, или кибитки, перекрывали жердями, сверху укладывали слой соломы, который в несколько слоев заливали опять таки саманным раствором. Такая кровля выдерживала дожди и снег до следующего лета. Через год крышу надо было обновлять.

Кибитки можно было встретить по всей Средней Азии. Но самое широкое распространение они имели в Ферганской долине, где климат суше и жарче. Полы в таких жилищах могли быть земляными или деревянными. Наша семья, как и многие другие в то время, некоторое время жила в кибитке с полами из коровяка, то есть смеси коровьего навоза с глиной. Навоз служил для связки и имел стойкий специфический запах. Для сохранности такой пол застилали ковриками.

Второй, более прогрессивный метод изготовления самана: это когда замесом заполняли деревянные формы с ячейками размером с крупный нестандартный кирпич. Форму, чаще из двух ячеек, волоком оттащивали на ровную площадку и опрокидывали, оставляя саман сушиться на солнце. Из такого кирпича—сырца можно было выложить уже вполне добротные стены. Цемент, рубероид, а затем и шифер появились значительно позже.

Сколько восторга вызывали у нас — детишек, краснозвездные самолеты, которые иногда пролетали над Дараут—Курганом. Они, казалось, не летели, а медленно плыли в небе. Куда пилоты держали курс? Кто знает, возможно в Тегеран и в одном из самолётов находился И. В. Сталин. Мы прыгали от радости и орал хором: *«Самолет, самолет, ты возьми меня в полет!»*.

Однажды, на пути к пограничной заставе, несколько необыкновенных машин сделали остановку в нашем поселке. Люди столпились вокруг автомобилей, и повсюду слышалось восторженное: «Студебеккеры... Американские...» Грузовики, окрашенные в темно-зеленый цвет, поражали размерами и мощностью. Нам, детям, позволили посидеть в кузове, где все было удивительным — высокие деревянные борта, скамейки вдоль них... До сих пор, оторванные от «большой земли», мы видели лишь гужевой транспорт и редкие «полуторки».

Да что там автомобиль, для ребенка даже на телегу залезть — и то большое событие. Однажды всей нашей детской ораве позволили покататься на арбе — телеге с высокими бортами для перевозки сена и соломы... Арба была запряжена парой лошадей, на дно для мягкости была постелена солома. Молодой киргиз решил прокатить нас с ветерком. Радости было много! На обратном пути, на уклоне и крутом повороте при съезде с дороги во двор — арба перевернулась. Нас потащило под арбой. Мы дружно взвыли от страха, но, к счастью, возница ловко спрыгнул с арбы и быстро остановил лошадей. Все отделались царапинами и небольшими ушибами. До свадьбы заживет!

Иногда к нам в гости, в сопровождении кавалеристов, заезжал командир заставы, как в песне — «на горячем боевом коне». Не спешиваясь, он выбирал момент, подхватывал меня подмышки и сажал впереди себя, а затем, удерживая коня, рвавшегося пуститься вскачь, катал рысью по двору.

Зимой единственным нашим развлечением были санки, благо горки любой крутизны были рядом. Полозья моих санок отец сделал из длинных ножек сломанного венского стула. Я сразу стал чемпионом — мои санки катились дальше других.

Детская память надолго сохранила необыкновенные голубые цветы, которые росли во мху в пойме реки Кызыл-су. Как оказалось позднее, это были дикие гиацинты. С ними, незабываемыми, судьба свела меня через тридцать с лишним лет в ущелье Чон—Урюкты на Иссык—Куле, в пойме небольшого горного ручья. Я сразу узнал старых знакомых, встал на колени и с волнением вдыхал аромат далекого детства.

Южная Киргизия, 1946 год

Мы переезжаем. Чтобы спуститься из высокогорной Алайской долины в Ферганскую, достаточно было проехать 260 километров на «полуторке» — день езды. В Ферганской долине два областных центра — Ош и Джалал—Абад.

Зимы, как таковой, здесь не бывает. Если иногда и выпадал мягкий пушистый снег — он быстро таял. Лето жаркое, но жара не столь изнурительна, как в Туркмении, и особенно в Каршинской степи Узбекистана, куда меня в семидесятых годах на неделю занесло в командировку (+48 градусов в тени — это хуже, чем –50 на севере, где мне тоже довелось поработать).

Итак, мы выехали из Дараут—Кургана утром, а уже вечером были в районном центре городе Кара—Су Ошской области. Оказалось, что здесь я родился, а затем, младенцем, с родителями попал на Алай. Буквальный перевод названия Кара—Су — «Черная Вода». На самом деле вода в реке не черная, а мутная, поскольку протекала между отвесными глинистыми берегами. Формально река являлась естественной границей между Узбекистаном и Киргизией. В выходной день все устремлялись на базар, который был на киргизском и узбекском берегу через мост. Базар создавал неимоверную толчею, а с другой стороны приподнятое, даже праздничное настроение. Гремела музыка, девушки и женщины украшали голову красивыми тюбетейками и надевали разноцветные шелковые платья, мальчишки показывали свою храбрость и ныряли с высокого парапета моста в реку. На узбекском берегу, рядом с чайханой, под воздействием течения воды медленно крутился *чигирь* — *огромное* как у старых пароходов колесо с парой цилиндрических кружек, закреплённых на каждой лопасти. Чигирь, зачёрпывая воду, переливал её в желоб и отводил воду в бассейн и далее по арыку на полив. Позднее реку одели в бетон, а с развалом Союза, граница между Киргизией и Узбекистаном оказалась «на замке». Берега реки ограждены колючей проволокой и охраняются пограничниками.

В мои годы основными жителями Ферганской долины юга Киргизии были узбеки и русские. Киргизы жили на Алае и в предгорной зоне. Для узбекского населения в радиовещательной сетке киргизского радио предусматривалась радиотрансляция из Ташкента — в основном сводки новостей и музыкальные передачи.

В конце XIX века, с ростом добычи угля в Южной Киргизии, в Сулюкту и Кызыл—Кия из Поволжья переселилась большая диаспора рабочих—татар. Начиная с 1937 года и позже, во время войны, в Киргизии стали появляться депортированные корейцы, немцы, крымские татары, турки—месхетинцы, выходцы Северного Кавказа — чеченцы и балкарцы.

В Кара—Су я впервые увидел железную дорогу и паровоз — могучий механизм, под которым дрожала земля. Паровоз исторгал клубы пара и дыма, пронзительно свистел. Из кабины, как всегда, выглядывал чумазый машинист в форменной фуражке. Всё было необыкновенно и здорово! Сейчас железная дорога Карасу — Ташкент перекрыта из-за недоброжелательства между бывшими двумя «братскими» советскими республиками. А тогда, каждый день, к почтовому вагону поезда направлялась подвода, запряженная лошадью.

Добрый пожилой узбек — «водитель кобылы» — часто брал меня с собой. Однажды, во дворе почты, где мы жили, лошадка стояла у коновязи и мирно жевала сено. Вокруг не было никого, и я решил покататься на ней по двору, хотя до этого никогда не ездил верхом самостоятельно. Я влез на коновязь, устройство сходное с гимнастическим бревном, отвязал лошадь и взобрался на нее. Почувствовав свободу, кобылка пошла со двора, не обращая внимания на жалкие потуги пятилетнего мальчишки управлять ею. Стало понятно — события развиваются не по сценарию, прыгнуть на ходу не решался — было боязно. В конечном итоге лошадь привезла меня к дому где жил ее хозяин и только там я спустился с неё и дал дёру.

Неподалеку от нас, в таких же, кибитках, компактно проживала чеченская диаспора. В Кара—Су чеченцы попали в 1944 году в результате известных событий сталинской депортации. Всем было трудно в те годы, но вдвойне тяжело — тем, кто оказался на чужбине. Поэтому чеченцы выживали, как могли, правдами и неправдами. Помогала необыкновенная сплоченность. В то время все совершеннолетние узбеки на поясе носили ножи, как атрибут национальной культуры. И до нас, детей, то и дело доходили слухи о поножовщине между чеченцами и узбеками за «место под солнцем».

Чеченские сверстники были моими друзьями. Как-то, по совету моих полуголодных друзей, я повадился незаметно уносить из дома деньги. При этом, как было рекомендовано, отдавал предпочтение тридцаткам (помню, они были розового цвета).

Преступно разбогатев, мы гурьбой шли на привокзальный базарчик, покупали лепешки и катык — кисломолочный продукт вроде кефира, но вкуснее, — садились в кружок и пировали. Вскоре я был изобличен, и моя криминально-благотворительная деятельность была решительно пресечена родителями.

Жили мы недалеко от вокзала и все свое время проводили на станции или привокзальной площади. Я был свидетелем того, как старшие братья моих чеченских приятелей совершали налет на товарняк. Поезд трогался, они поднимались в товарняк с крепежным лесом для шахт, сбрасывали несколько бревен, прыгивали, пока поезда не набрал хода, и быстро уносили добычу в укромное место. Таким же образом набирали уголь в мешки. Часть угля шла на собственные нужды, часть на продажу.

Однажды, пользуясь доверчивостью чайханщика, старшие братья посадили в мешок младшего из нашей компании и предложили в чайхане «уголь». Чайханщик указал укромное место — куда его ссыпать и расплатился. Вскоре, весь в угольной пыли, вызвав бурный восторг, к нам вернулся соучастник обмана.

На вокзале всегда бурлила жизнь, и происходило что-то интересное. Помню, подходит пассажирский поезд, крыши вагонов, как в фильмах о гражданской войне, заняты людьми с мешками и рюкзаками. Все высыпают на перрон, одни бегут за кипятком, другие торопятся раздобыть еду. Кстати, бесплатный кипяток в те времена обязательно был на каждой станции. Вдоль вагонов сустились предприимчивые узбечата с ведрами холодной воды (вода продавалась кружками), кукурузными лепешками, отварной кукурузой, фруктами. Только там мне довелось видеть коробейников. На ремне через шею они носили коробка, напоминающие чемоданы без крышек, с разложенными для штучной продажи папиросами, какими-то сладостями, в том числе петушками на палочке, и еще бог знает чем. По перрону сновали карманники, кто-то за кем-то гнался, милиционеры дули в свистки, царили толчея, шум и гвалт. Речь звучала на самых разных языках, что было привычно и естественно.

Через два года очередной переезд, и мы — в областном городе Ош в двадцати пяти километрах от Кара—Су. Кстати, во французской провинции Гасконь тоже есть город Ош — родина самого известного гасконца в мире — шевалье д'Артаньяна. Естественно, главная его достопримечательность — позеленевшая от времени статуя отважного мушкетера. Она стоит посредине каменной лестницы, что спускается от собора святой Марии к реке Жер. Гордая осанка, прямой взгляд, рука на эфесе шпаги, широкополая

шляпа набекрень, перевязь, ботфорты и длинный плащ. Именно таким видят себя в приключенческих снах мальчишки всего мира — вот уже полтора века. И будут видеть еще не одно столетие. Что касается меня, то даже сейчас, на склоне лет, я испытываю удовлетворение от того, что в юности я держал в руках шпагу, пусть и спортивную, и участвовал в турнирах.

Наш Ош — второй по величине город Киргизии тоже знаменит — он один из древнейших городов в Средней Азии — впервые упоминается в арабских источниках IX века. Легенды связывают его основание с именем Александра Македонского и даже пророка Соломона (Сулеймана). В город вклинивается и круто обрывается над ним Сулейман гора — главная достопримечательность города. Считается, что именно здесь пророк Сулейман обращался к богу — на камнях остались отпечатки его лба и колен.

Большая часть горы входит сейчас в состав Национального музея-заповедника «Великий шелковый путь» и включает в себя мавзолей Асаф ибн-Бурхия, развалины бани XI–XII века, мечети Тахти Сулейман и Джами Рават Абдуллахан X–XI веков.

С вершины горы открывается замечательный вид на город. Мы с мальчишками часто поднимались на нее. В то время наверху находился небольшой беленький домик религиозного назначения, подобие православной часовенки.

Город на две части делит река Ак—Бура. Ак — в переводе «белый». И действительно, перекатываясь по гранитным валунам, вода в ней была чистой и прозрачной. Летом, в маловодье, мы, мальчишки шарили руками под камнями и ловили бычков — небольшого размера сомят.

К числу главных достопримечательностей города можно отнести и колоритный Ошский базар — один из самых больших и знаменитых в Средней Азии. В моей памяти впечатления о нём разного возраста: детские, школьные, студенческие и инженера — судьба неоднократно сводила меня с этим городом.

В воскресенье на базар устремлялся весь город. Это, как я уже говорил, был еженедельный праздник души, как для торговцев, так и для покупателей. Гремела музыка, двигались бесконечные толпы людей, продавцы зазывали к товару то на узбекском, то на русском языке: «Подходи, народ, свой огород, половина сахар, половина мед!». Продвигаясь вдоль торговых рядов, пробовать можно было все: виноград, в том числе знаменитый «дамский пальчик», инжир, дыню или арбуз, абрикосы и груши. Во время покупки следовало доброжелательно и весело торговаться. Скидка делалась всегда! Совершенно отсутствовало жмотство, свойственное рынкам Центральной России, в том числе и с азербайджанскими торгашами, отчего я на них стараюсь не ходить.

И какой же рынок без чайханы! На рынке их было предостаточно. Возле чайханы стоит стойкий аромат узбекской самсы и лепешек, обсыпанных специями и выпеченных в жарком тандыре — узбекской печи. Сейчас, в России, с появлением мигрантов продают лепёшки, самсу, плов, манты, но они, в духе времени, когда можно мошенничать и не имеют ничего общего с настоящей азиатской выпечкой и блюдами — сплошная грубая подделка.

Возле чайханы, завидев тебя, гурьбой подбегают дети семи — десяти лет и наперебой предлагают свежие, горячие лепешки — их стопка, обернутая светлым полотном, чудом удерживается на детской руке. В огромном казане — человек на пятьдесят, а может, и больше — варится плов. Повар помешивает содержимое деревянной лопатой. Рядом, в чайхане, голый по пояс усатый здоровяк трудится над заготовкой для лагмана — специальной длинной лапшой. Действия напоминают гимнастику с эспандером. Обими руками он растягивает кусок теста, затем складывает жгут вдвое и растягивает снова, складывает вчетверо и опять растягивает — и так до тех пор, пока геометрическая прогрессия не превратит тесто в тонкие нити. Это и есть основной компонент вкусного восточного блюда — лагман. В чайхане тебя всегда ждут. Лепешка, самса, кисть винограда, заварной чайник зеленого чая — чтобы перекусить. Шурпа, плов, лагман, самса и обязательно чай — чтобы пообедать.

В Оше мы поселились в небольшом доме на двух хозяев: общий коридор — направо две наши проходные комнатки, налево такие же у соседей. С соседским мальчишкой, чуть старше меня мы иногда играли в «пёрышки» — чернильными перьями, у него их была целая банка. Дом стоял на тихой улочке, во дворе был небольшой сад, по границе участка проходил канал. Помню, как мы пытались плавать по нему в старых ваннах или на самодельных плотках. Все заканчивалось тем, что мы неизбежно оказывались в воде, благо воды в канале было по пояс.

В саду росла груша — «лесная красавица». Её плоды были огромные, сочные, медовые. Детское, и оттого очень острое восприятие вкуса у меня связано именно с Ошом. Во-первых, это вкус тех груш, во-вторых — вкус ломтя белого хлеба, выданного мне однажды по карточке в гастрономе. Хлеб был ноздреватый, пышный, запашистый. Такого хлеба, который я отщипывал по пути домой, я не ел больше никогда в жизни.

А необыкновенный вкус мороженого! Его продавали с передвижного лотка, в котором находилась емкость, заполненная мороженым, обложенная льдом. В левой руке продавщица держала цилиндрическую форму, закладывала в нее круглую вафельку, затем набивала форму мороженым, сверху прикрывала еще одной вафелькой и выдавливала порцию. Неповторимость вкуса, неповторимость детства...

По утрам я часто просыпался от пронзительного крика за окном: «Катык, катык!». Это молодые узбечки, проходя по улице, зазывали покупателей на квашеное топленое молоко. Катык они несли на голове в больших эмалированных тазах, покрытых белым чистым полотном. Если из двора выходил хозяин, женщина ловко ставила таз на землю, доставала фарфоровую пиалу и деревянной ложкой накладывала катык. Пиала служила мерой. Как правило, со временем каждый покупатель отдавал предпочтение одной из торговых, это гарантировало качество и определенную скидку. Для нас катык с хлебом часто служил завтраком. Рядом, на перекрестке, был небольшой базарчик. Там до обеда шла торговля зеленью, катыком, сливочным маслом, фруктами. Комки масла размером с котлету, завернутые в виноградные листья — прообраз современного масла в пачках — выставлялись в эмалированных тазах с холодной водой.

На этом рынке я впервые увидел женщину в парандже. Паранджа — это легкий халат, который накидывался на голову и плечи, впереди которого с головы до пояса нависала волосная сетка шириной сантиметров семьдесят, через которую не было видно лица. До революции, согласно мусульманским канонам, женщине запрещено было выходить на улицу с открытым лицом. Эта традиция в Средней Азии соблюдалась среди оседлых народов, к коим относились и узбеки Ферганской долины. Советская власть отнесла паранджу к пережиткам феодализма. В первые годы Советской власти многие женщины, осмелившиеся нарушить вековые устои гибли от рук религиозных фанатиков. Со временем этот обычай искоренили. Однако некоторые пожилые узбечки даже в 1947 году продолжали выходить на люди в парандже.

Кстати, у кочевников — киргизов, казахов — женщины не носили паранджу. Мусульманами они, конечно, были, но кочевой образ жизни, отсутствие мечетей, способствовали формальному отправлению религиозных обязанностей. Так было и в советское время. Это сейчас турки напомнили киргизам кто они есть. Пока Россия озабочена заботой о киргизской электроэнергетике и оказанием гуманитарной помощи — Турция, даже в отдалённых кишлаках, понастроила мечети.

На берегу Ак—Буры, неподалеку от нас, располагался парк с летним и зимним кинотеатрами и открытой эстрадой. За годы войны он пришел в запустение. Вдоль одной из главных аллей на постаментах были установлены бюсты Пушкина, Лермонтова, Крылова и других классиков русской литературы. Так что мое первое знакомство с ними состоялось в Ошском парке. В глубине парка мы наткнулись на памятник пограничнику с собакой — возможно, знаменитому Карацупе, пробираться к нему надо было как в джунглях, но тем романтичнее выглядела скульптура.

Как-то в город приехал цирк с артистами—лилипутами. Представление шло на открытой эстраде парка. Люди были довольны программой и мастерством артистов, а меня не покидало тягостное ощущение. Мне было жалко лилипутов, казалось, что только злой Бармалей мог заставить этих людей выходить на сцену, что веселье и улыбки — не настоящие. Конечно, это было не так, но с тех пор преодолеть предубеждение я так и не смог и больше никогда не ходил на выступления лилипутов.

От реки Ак—Бура к парку был отведен наибольшей канал. Однажды, я видел, как несколько молодых людей перекрыли воду из Ак—Буры в канал. Когда вода из канала сошла, в углублениях скопилась рыба. Вместе с водой ее ведрами выплескивали на песок. Рыбы было так много, что девушка из этой компании едва успевала собирать её в свободные вёдра.

В те послевоенные годы молодежь объединялась в группы по месту жительства и, почему-то, враждовала между собой. Причем, свойственно это было только русским. Стычки «улица на улицу» или «край на край» происходили регулярно. Провожать на чужую территорию девушку было небезопасно. Там могли подловить и надавать, как мы говорили «мандюлей». Помню одну из таких стычек. Пацаны прячась за дувалы, забрасывали друг друга камнями. Некоторые из «наших» в качестве щитов использовали крышки баков и кастрюль. Мы — мелюзга, подносили старшим «боеприпасы» — камни небольшого размера.

Послевоенный Ош моего детства. Там я пошел в первый класс. Как ни странно, подробностей этого знакового события не помню. В памяти осталась мрачная одноэтажная школа, ощущение дискомфорта и несвободы. А еще память сохранила небольшой и странный фрагмент бытия. Я, семилетний мальчишка, задумчиво стою под навесом старого здания областной почты, где работал отец и переживаю дождь. Стою и наблюдаю, как монотонные капли дождя ненадолго превращаются в пузыри, затем лопаются и превращаются в ручеек. Стою, смотрю и мне почему-то очень грустно. Этот эпизод остался в памяти на всю жизнь и каждый раз, вспоминая, мне опять становится грустно. Знать бы, о чем мог думать тогда мальчишка. Что могло так опечалить его душу?

Однако сейчас, спустя 65 лет, есть повод вернуться в настоящее связанное с городом Ош. В начале июня 2012 года мой земляк из Кара—Су — Жамшит Абдилов — кандидат медицинских наук, работавший в Москве в одном из медицинских центров поинтересовался, знаком ли я с Сергеевым Виталием Прокопьевичем — бывшим главным врачом Ошской областной больницы. Если нет, то он рекомендовал это сделать, тем более, что тот, по его информации, живёт на пенсии в Калуге.

Для начала я вошел в интернет и заочно познакомился с этой замечательной и незаурядной личностью по одной из публикаций его бывших коллег. А вот найти Виталия Прокопьевича в Калуге оказалось не просто. В отделе кадров областного Министерства здравоохранения о таком пенсионере, кандидате медицинских наук, народном враче СССР и Киргизской ССР, награждённом орденом Ленина и Трудового Красного знамени за заслуги перед медициной информации не было.

Всё оказалось в духе времени! Большевики всё отвергли и начали писать историю с 1917 года, а нынешние либералы соответственно с благословенного для них 1991 года.

Адрес Сергеева Виталия Прокопьевича, Жамшит нашел через своих бывших коллег... в Ошской областной больнице. Оказалось, что этот человек предельно скромный и безразличный для чиновников живёт в посёлке Мстихино в окрестностях Калуги. На тот момент, по приглашению своих бывших коллег, он в очередной раз был в Оше. После возвращения Виталия Прокопьевича из Оша, я встретился с этим замечательным человеком. Живёт он в скромной панельной «двушке». При встрече мы смотрели фотографии, вспоминали прошлое, говорили о настоящем.

Виталий Прокопьевич родился 18 января 1931 года в Таджикистане, на границе с Афганистаном. Его родителей занесло туда по распределению из России. Жили они в глинобитной кибитке с плоской глиняной крышей. В связи с рождением ребёнка, местная

власть, выдала родителям 15 литров керосина. Этот факт был зафиксирован в справке о рождении и хранится у Виталия Прокопьевича и поныне.

В 1935 году семья попала во Фрунзе — столицу Киргизии. Там он окончил школу и Киргизский государственный медицинский институт. Во время учёбы занимался гимнастикой. Кандидат в мастера спорта был чемпионом города и республики. В составе сборной Киргизии неоднократно участвовал во Всесоюзных соревнованиях.

После окончания института в 1955 году, вместе с женой, тоже врачом, начал работу сельским хирургом на Юге Киргизии в райцентре Узген, километрах в 50 от Кара—Су, с преобладающим, в то время, узбекским населением. Виталий Прокопьевич вспоминает: *«Узген произвёл на меня незабываемое впечатление своей жарой, шааками и арбами с двумя огромными колёсами, толпами людей в тёплых халатах летом, женщин с закрытыми паранджой лицами. В столице такого не было. Вначале жили в кибитке с камышовой крышей и земляным полом. Мыться ходили в узбекскую баню с чанами для воды, подогретыми полами и терпким запахом кислого молока. Местные женщины им мыли голову».*

Вскоре он стал главным врачом Узгенской райбольницы, а с 1964 года — главным врачом Ошской областной больницы. В 1970 году, по его инициативе, было принято решение построить в Оше многопрофильную больницу. Строительство началось, и В. П. Сергеев засучил рукава. Были тут субботники коллектива и горожан. Через несколько лет больница на 800 коек приняла пациентов. Одновременно с помощью шефов В. П. Сергеев возвёл объекты культурно-бытового назначения: молодёжное общежитие на 260 мест, детсад с плавательным бассейном на 280 мест, 90 квартирный жилой дом, дом быта, столовую, кафе, спортзал и дискотеку.

В заслугу Виталию Прокопьевичу ставят работу с кадрами. За тридцать лет работы главврачом при его активном и непосредственном участии прошли подготовку и повысили свои знания 1300 врачей и 21 тысяча средних медработников, врачами областной больницы защищены 9 диссертаций.

За успехи в работе, руководимый им коллектив семь раз награждался дипломами и переходящим Красными знаменами Минздрава Киргизии, СССР и ВЦСПС, дипломами и наградами ВДНХ СССР, наградами республики. На базе областной больницы проводились республиканские и всесоюзные съезды и конференции.

Виталия Прокопьевича давно беспокоил тот факт, что в пятницу, большая часть больных, а это были мусульмане, покидала больницу и пропуская процедуры ... шла в городскую мечеть на пятничную молитву. Пришла мысль построить свою мечеть!

От слов к делу перешли быстро: коллектив активно участвовал в строительстве, в том числе, по выходным дням. Открытие мечети состоялось в предвечерие мусульманского праздника Нооруз. Теперь каждую пятничную молитву прихожане мечети начинали со здравницы в честь главврача Виталия Сергеева — кавалера почётного звания «Народный врач СССР», удостоенного 20.12. 1981 года.

Город Ош ему пришлось покинуть в 1994 году по ряду личных причин и приехать с женой в Калужскую область к сыну, прошедшему врачом чеченскую войну. Купить жильё у бессребреника Сергеева возможности не было. В Калуге работу предлагали, но ни кто не обещал квартиру. Обивать пороги и кланить квартиру, ссылаясь на свои заслуги — было не для Виталия Прокопьевича и тогда, он пошел работать в Домостроительный комбинат, чтобы квартиру заработать.

В настоящее время, Виталий Прокопьевич почётный гражданин города Ош, награждён правительственными наградами Республики Кыргызстан. В Оше создан благотворительный фонд его имени, а на здании больницы, в его честь, установлена мемориальная доска.

Сейчас ему 84 года. Теперь, при каждом удобном случае, мы встречаемся, он считает меня другом и это, для меня большая честь. Здоровья и благополучия Вам дорогой Виталий Прокопьевич!

Однако позволю себе вновь вернуться в детство. Через год отца переводят в Араван, районный центр Ошской области, расположенный по берегам небольшой реки Араван—Сай. Река была рядом со зданием почты, на втором этаже со двора — наша квартира, две небольшие комнаты. Дорога со стороны Оша шла через деревянный мост, мимо здания почты, затем мимо прибрежной чайханы и магазинов, делала петлю по крутому берегу реки и поднималась вверх. Там лежали развалины какого-то капитального здания. Эти развалины называли «кремль» — почему, это для меня осталось загадкой. Затем, дорога шла мимо еще одной чайханы, мимо парка и одноэтажной школы, в которой я учился во втором и третьем классах.

Араван — необыкновенно светлое воспоминание, в котором выражение «босоное детство» имело не условный, а буквальный смысл. Сколько помню, с марта и по самый октябрь, мы целыми днями проводили на улице босиком. Вместо обуви — загрубевшая подошва ног и сбитые пальцы до крови, которые редко успевали заживать. Некоторые дети из многодетных семей даже в школу в младших классах приходили босиком. Бедность. Конечно, им помогали — брали на учёт и выдавали обувь, так что к зиме все были более или менее обуты.

В отсутствие пионерского лагеря мы, мальчишки младших классов маленького городка проводили лето на речке Араван—Сай с тёплой и прозрачной водой. Развлекались тем, что вывалившись в песке, беспечно и весело скакали по берегу голышами, невольно обращая на себя внимание прохожих на деревянном мосту. А было и такое — один из нас писал, направляя струю по дуге, а остальные на четвереньках проскакивали под ней. Ослабевав, струя попадала на неудачника, и это вызывало всеобщее веселье!

К третьему — четвёртому классу, я и мои друзья, во многом отличались от нынешних «тепличных» детей. Мы на спор могли забраться на вершину самого высокого пирамидального тополя, чтобы достать яйца из воробьиного гнезда. Умели удить рыбу, лазали по садам за абрикосами, виноградом и персиками, унося добычу за пазухой. Колючая кожица персиков потом долго напоминала о себе — чесались грудь и пузо.

Помню наше увлечение катанием металлических колёс, которые ассоциировались с автомобилями. Обод велосипедного колеса, без спиц — лёгкий и бесшумный, управлялся гладкой палочкой и был «легковушкой». Более тяжелые металлические колёса, меньшего диаметра, катили ручкой из проволоки, загнутой на конце. Эти колёса издавали звон и грохот. Ну, чем не «полуторка»! Иногда, со своими «легковушками и грузовиками», наша орава, как оглашенная, носилась по пыльным южным улицам распугивая прохожих.

Современные дети и родители понятия не имеют, что такое «цыпки». Цыпки — следствие нашего «босоногого детства», когда подъём ног покрывался тёмной, шершавой коркой с мелкими трещинами. Вечером, не вымыв ноги, ты норовишь юркнуть в постель, но родителей не проведёшь — таз с тёплой водой уже наготове. Во время мытья начиналась пытка. Вода, попадая в трещины на коже, вызывала острую боль, заставляя скулить, как щенка на привязи. Кожу, смазывали какой-то мазью, но она мало помогала — завтра с утра снова жаркое солнце, дорожная пыль, речка.

В памяти моя учительница. Когда я слышу «Школьный вальс» Исаака Дунаевского, со словами «учительница первая моя», то всегда с благодарностью вспоминаю ее. Жаль, что не помню, как её звали. Она возилась с нами как клуша с цыплятами. Два года учебы в Араване и ее стараниями — две фотографии нашего класса. В то время организовать съемку, да еще на природе, было не так просто. Достаточно сказать, что следующее мое коллективное школьное фото — выпускной десятый класс.

При всей благодатности природы приферганья фруктов вдоволь не было и здесь. Из-за засилья хлопка, — арбузы, дыни, виноград, персики, абрикосы, гранаты, инжир, миндаль, курага, изюм, орехи были дорогими. В Центральной России, в то время, особенно в провинции о них и вовсе имели смутное представление. А ведь при разумной политике не

только жителей Средней Азии но и всю страну можно было снабжать не только хлопком, но и южными фруктами.

Мы, мальчишки, добывали лакомства сами — лазили по садам за виноградом, абрикосами, персиками. Кое-где ветви с созревшими персиками или абрикосами свисали из-за дувалов на улицу, у нас они считались ничейными. Что касается урюка, то здесь не было проблем, он рос повсюду, как и тутовник с алычой. Плоды тутовника были трех-четырёх сантиметров длиной и в диаметре до сантиметра. Белый тутовник был сладким на вкус, малиновый — кисло-сладким. Перезревая, плоды в изобилии осыпались на землю. Но мы «аристократически» лакомились ими, сидя на дереве. Выше по течению реки, на другом берегу, случайно, но весьма кстати, нами была обнаружена плантация гранатов. Самыми труднодоступными для нас были грецкие орехи. Деревья, как правило, были огромными и развесистыми — «видит око, да зуб неймёт!».

По каким-то причинам у нас в детстве не были в чести воробьи, и мы частенько разоряли их гнезда. Мы их называли «жидами». Слово «жид» совсем не привязывалось к еврейской национальности, как это у Гоголя или как это воспринималось бы сейчас. Для нас оно могло иметь два значения — воробьи, позднее я узнал, что это пришло к нам с юга Украины и Молдавии, а во-вторых, этим словом обзывали жадных людей — «Жид — за копеечку дрожит!».

Однажды на спор с мальчишками я полез на высокий пирамидальный тополь за воробьиными яйцами. Гнездо было на вершине в развилке тонкого хрупкого ствола. Рискую жизнью, достал из гнезда необходимые доказательства — яйца. Для сохранности и доказательства мы клали их в рот. Смутно помню, как спустился на землю — от напряжения дрожали руки и ноги.

Это первый, но не единственный опасный случай, который утвердил меня во мнении, что у каждого человека есть Ангел-хранитель до поры до времени спасающий нашу жизнь от последствий неразумных поступков. Почему все же происходит трагический сбой? Думаю, виноваты мы сами — не умеем слушать предостережений внутреннего голоса, не можем вовремя остановиться, неоправданно суетимся и рискуем.

Помню, в Доме культуры отмечали Международный день 8 Марта. Колхозницы — передовые сборщицы хлопка, одна за другой поднимались на сцену, принимали поздравления и со счастливыми лицами спускались в зал с отрезами материи и почетными грамотами. Кстати о 8-м марта. Гендерные, в том числе женские праздники существуют во всех мировых культурах. Но этот праздник, инициированный Кларой Цеткин и навязанный в СССР, у меня рано стал вызывать сомнение. То ли это праздник революционных валькирий, то ли приурочен к Пуриму — одному из главных иудейских праздников. Впрочем, такими же смысловыми изъятиями страдали праздники: 23 февраля и 1 мая.

В третьем классе нас впервые вывели на ознакомительный сбор хлопка. Там же впервые был свидетелем козлодрания — древней конной игры кочевников «Улак тартыш». Это действо обычно проводится по праздникам на ипподроме при большом стечении зрителей. В Араване ипподрома не было. Памятное для меня действо разворачивалось на пыльных улицах городка, по которым с дикими воплями носились разгоряченные всадники. Жители были готовы к этому и, чтобы не попасть под копыта лошадей, наблюдали за происходящим из-за дувалов.

Проходила эта народная забава так: собиралось неограниченное число конных всадников. На землю клали тушу телёнка или козлёнка, затем по сигналу каждый старался поднять тушу и прорваться с ней в определенное место. При этом все стремились отобрать тушу друг у друга и не допустить всадника к обусловленному месту. Туша падала на землю, но поднять её разрешалось не слезая с коня, в то время, как соперники всячески мешали этому. Конная толчея, крики, тучи пыли сопровождали эту «корриду». Азарт охватывал всех — и конников и зрителей. Тот, кому удавалось доставить тушу

телёнка к финишу становился героем дня. Ему доставались туша и денежное вознаграждение.

У моего дружка мать работала в школе механизаторов поварихой. Пользуясь этим, мы довольно часто катались в кузове полуторки во время обучения курсантов вождению. Вдобавок нам всегда была гарантирована тарелка затирухи, по — узбекски «атала». Затируха — это еда трудного времени, заменитель макарон и крупы. Готовили ее из муки, превращая тесто в небольшие катышки, из которых варили кашу. На молоке и со сливочным маслом она была бы возможно неплоха, но в то время, в нее добавляли в лучшем случае подсолнечное масло. Каждый день, в обед, слышался удар железяки о подвешенный кусок рельса: узбеки–курсанты, молодые и голодные, приглашались на «фирменное блюдо». Тут и там слышались веселые насмешливые возгласы, приветствующие неизменную затируху: «Аталагя юр! Аталагя юр!».

Школа механизаторов помещалась рядом. На ее площадке скопилось много старой разукomплектованной техники, среди которой мы часто бродили, разглядывая механизмы и ища себе развлечения. Помню огромный гусеничный трактор с надписью на радиаторе: «ЧТЗ» (Челябинский тракторный завод). Остались в памяти тракторы на металлических колесах с шипами, те, что можно увидеть в старом фильме «Трактористы». Даже в конце сороковых годов механизаторы все еще заставляли эту технику трудиться на полях.

Таласская долина, 1949 год

И снова переезд. На этот раз в областной центр — город Талас, где продолжалось босоное детство. Чтобы доехать до нового места жительства, мы в Оше сели в поезд, доехали до Джамбула, выгрузились и на вокзале стали дожидаться автомашины — до Таласа предстояло проехать еще почти сто километров в горы. Во время обеда на открытой площадке привокзального ресторана отец заказал бутылку шампанского, а детям мороженое. Это была первая и на долгое время последняя на моей памяти бутылка шампанского, которую принесли в серебристом ведре со льдом. Став взрослым, и бывая иногда в ресторанах и кафе, я не раз вспоминал ту бутылку шампанского в ведёрке со льдом. Увы, жизнь и нравы настолько упростились, что шампанское, вопреки принятому правилу, подавали комнатной температуры.

В отличие от жаркой Ферганской долины, климат в Таласской долине умеренный. Расположена она в пойме реки Талас на высоте 1200 метров над уровнем моря. Талас расположен на левом берегу одноименной реки, пойма которой покрыта лесом. Вода в реке Талас была чистой, прозрачной и обильна рыбой.

Город Талас — бывшая Дмитриевка, был основан в 1877 году русскими и украинскими переселенцами. Вокруг него находились и другие населенные пункты, построенные первой волной перебравшихся в Киргизию выходцев из России: Покровка (1881), Александровка (1887), Ключевка, Иваново—Алексеевка и т. д.

В 1882 году в Таласской долине осели немецкие колонисты, приехавшие из Ставрополя и Поволжья. Они основали несколько селений, в том числе четыре близко расположенных поселка, которые позднее объединились в село Ленинполь.

В Таласе, в четвёртом классе, я впервые и на всю жизнь стал читателем библиотеки. Библиотека находилась в сквере, в центре города. Помню, как только записался, сразу же решил прочесть книгу «Спартак», очень уж привлекала меня эта героическая личность, однако изложение книги оказалось настолько трудным, что пришлось отложить её на более поздний срок. Романтика всегда была спутницей нашего поколения и потому мы зачитывались Майн Ридом, Фенимором Купером, Александром Дюма с его мушкетёрами, «Хижиной дяди Тома» Марка Твена. Даже рассказ Чехова «Мальчики» с его «Мантигимо

— Ястребиный коготь» остался в душе, как дань нашим романтическим предшественникам.

Здесь же, в четвёртом классе, приобрёл первый опыт «симуляции» от уроков — проболтался с мальчишками на речке. На следующий день пришлось пожалеть об этом: именно в тот день в классе торжественно вручали значки Красного Креста и Полумесяца, мне значка не досталось. К слову, в мои школьные годы сленг «симулировать» означал «сбегать с уроков», и за десять лет учебы мы проделывали это бесчисленное множество раз.

В городе имелись стадион и озеро. Там, на озере, я и научился плавать. Стоило преодолеть страх и переплыть его в ширину, а затем в длину — и все встало на место.

В Таласе за почтой ездили не в телеге, как в Кара—Су, а в «полуторке». Почту из Фрунзе доставлял «кукурузник» — одномоторный самолет Ан-2. Интересно было наблюдать, как самолет заводили. Летчик садился в кабину, к винту подходил работник аэропорта. Он брался рукой за винт и командовал: «Контакт!». Летчик отвечал: «Есть контакт!». Следовал резкий поворот винта по часовой стрелке, двигатель схватывался и набирал обороты.

В то время, в черте города, недалеко от нашего дома, располагался колхоз, а на берегу реки стояла деревянная конюшня. Нескольким парням было доверено помогать конюху в уходе за лошадьми — чистить стойла от навоза, выводить коней на водопой, выполнять другую работу. В награду им разрешалось устраивать скачки на лошадях, что и являлось главным побудительным мотивом этого общественного труда. Нас они тоже иногда допускали в конюшню. Запах стойла, сбруи, красота лошадей всё это очень привлекало. Один старшеклассник из числа помощников конюха был моим соседом. Он позволял мне проехаться верхом на лошади. И вот настал момент, когда я впервые в жизни, рядом с ним, промчался на лошади вскачь. Ветер бил в лицо — чувство от скачки было необыкновенным!

Однажды по городу прошел слух, что парни изнасиловали на конюшне девушку. Что значит «изнасиловали» — пацаны шепотом передавали друг другу. И действительно, вскоре мы увидели, как милиция ведет нескольких парней по улице под конвоем. Моего старшего друга среди них не было. Неизвестно, что случилось на самом деле, но вслед за конвоем, вместе с родственниками арестованных, шла потерпевшая и почему-то виновато всхлипывала.

В Таласе многие пацаны чуть старше меня приобщались к курению. Начинали с «бычков» — недокуренных папирос, так как денег на папиросы не было. «Бычки» собирали на улице, они делились на «жирные» и «худые». К «жирным» относились наполовину недокуренные папиросы. У них отрывали ту часть, которой касались губы предыдущего курильщика, и докуривали. Из «худых» шелушили табак, высыпали в обрывок газеты и сворачивали «самокрутку». Согнутая под углом удлиненная «самокрутка» называлась «козьей ножкой». Самыми ценными были окурки папирос «Казбек» — сигареты тогда не выпускались. Существовало еще такое понятие, как «чинарик». «Стрельнуть чинарик» — означало просьбу докурить чью-то папиросу.

Многие взрослые, особенно пожилые, курили «самокрутки» используя собственную или покупную махорку «самосад» и клочок газеты. «Самокрутку» обычно вставляли в мундштук. «Самосад» носили в кисете — небольшом полотняном мешочке.

Самым любимым местом для нас был кинотеатр «Манас». Манас — эпический герой-богатырь, объединивший киргизов. В фойе кинотеатра висела картина, изображающая битву героя с врагами. Киргизский эпос «Манас» насчитывает более полумиллиона стихотворных строк и превосходит по объему все известные эпосы мира: в 20 раз — «Илиаду» и «Одиссею», в 5 раз — «Шахнаме», в 2,5 раза — индийскую «Махабхарату». Будучи сокровищницей народной мысли, эпос учит этическим нормам поведения. Любимые герои и образы: Манас, его жена Каныкей, Бакай, Алмамбет, Семетей, Кюльчоро, Айчурек, Сейтек и другие — бессмертны прежде всего потому, что обладают

такими высокими моральными качествами, такими как беспредельная любовь к родине, честность, храбрость, ненависть к захватчикам, предателям. Киргизский народ вправе гордиться богатством и многообразием устного поэтического творчества, вершиной которого является «Манас».

Почему, рассказывая о Таласе, я подробно остановился на героическом эпосе? В 20 километрах от города, у подножия горы Манастын—Чокосу, на берегу горной речки Кен—Кол находится памятник—кюмбез (мавзолей) героя. По преданию, много веков назад, после гибели в очередном сражении он был похоронен именно здесь.

Талас знаменит еще и тем, что на этой земле, в селе Шекер родился известный писатель Чингиз Айтматов. Благодаря его книгам весь мир узнал о небольшой горной стране — Киргизии и её народе.

В выходные дни в кинотеатре «Манас» для детей демонстрировались сборники мультфильмов, и мы толпой валили на эти сеансы. Наши мультфильмы воспитывали доброту, справедливость, любовь к животному миру. К сожалению, многие современные мультфильмы, особенно западные, откровенно направлены на деформацию детской психики.

Необыкновенным событием, даже для нас, был фильм «Кубанские казаки». Актеры этого фильма стали популярными навсегда, а песни из фильма вошли в жизнь каждой семьи. Вообще, пели тогда много и по любому поводу. Самое скромное застолье превращалось в самодеятельный концерт — люди были проще и душевней. Особой популярностью пользовались русские и украинские народные песни и песни военных лет.

Запомнились старшеклассники — на уроке военного дела они шли строем и пели: «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома жена» — вместо «дома дела». Нам казалось, что это очень оригинально!

Еще один фильм, который остался в памяти назывался «Счастливого плавания». Фильм о юнге, служившем во время войны на торпедном катере, награжденном медалью за мужество, а затем попавшим в нахимовское училище. В ней есть замечательная песня, превратившаяся в «Марш нахимовцев». Воздействие этой картины на меня было сравнимо с влиянием фильма «Офицеры» на более позднее поколение. Я мечтал стать морским офицером, к сожалению, по слабости зрения, моя мечта не осуществилась.

В послевоенные годы киргизов в Таласе почти не было, их кишлаки располагались в предгорьях. Основным населением были — русские, украинцы и немцы. Многие русские были эвакуированы в начале войны из Москвы, Ленинграда и других крупных городов России. Учителя, врачи, люди творческих профессий, часть из них остались в Таласе и республике навсегда.

Из тогдашних жителей города запомнился высокий старик — явно репатриант, в длинном сером плаще и большой серой шляпе, из-под которой выбивались густые седые волосы. Ходил он энергичным, размашистым шагом, выставляя свою трость вперед, и выделялся независимым видом и какой-то внутренней интеллигентностью, вызывая у нас, мальчишек, невольное уважение. Интересно, кто он был?

В Таласе было много потомков первых русских переселенцев тех, кто в свое время основал село Дмитриевка. Типичная архитектура их жилищ: бревенчатый дом—пятистенник с крылечком и двумя лавочками, где мы, ребята, собирались по вечерам, забор с массивными воротами и калиткой, с коваными навесами и щеколдами.

За воротами, во дворе, — коровник, свинарник, курятник и другие хозяйственные постройки. К хозяйственному двору примыкал приусадебный земельный участок с садом и огородом. Подобные «архитектурные комплексы» — своеобразные памятники первым русским переселенцам, даже в городах, можно было встретить до 70-х годов.

Надолго в Таласе задержаться нашей семье не удалось. Я очень сожалел об этом, в Таласе мне нравилось все — климат, природа, первые друзья. Добрая память и приятные воспоминания о том времени остались на всю жизнь. Через тридцать три года, в 1983-м, я вновь попал в Талас по служебным делам. Это был обустроенный современный город, вот

только русских и немцев там почти не осталось, как впрочем, и старых «архитектурных комплексов».

Тянь—Шань, г. Нарын, 1951 год

В середине зимы 1951 года отца переводят в г. Нарын — областной центр Тянь—Шаньской области. Из Фрунзе, в открытом кузове «захара» — так тогда называли грузовик ЗИС-5, по Боомскому ущелью держим путь на западную оконечность озера Иссык—Куль в город Рыбачье. Сто восемьдесят километров грунтовой дороги от Фрунзе до Рыбачьего это половина нашего пути. В Рыбачьем пообедали, отдохнули и мимо озера тронулись к Тянь—Шаньским горам.

Под надрывный вой двигателя ползем на вершину перевала Долон. Высота более 3000 метров над уровнем моря. Дорога петляет серпантином, так что идущий ниже нас автомобиль кажется букашкой, медленно карабкающейся по нитке дороги. То ли от нехватки кислорода, то ли по слабости здоровья, периодически мне становилось плохо, подступает слабость и тошнота. Несколько раз пришлось останавливать машину, чтобы немного пройти пешком.

По словам шоферов, спуск с перевала Долон в сторону Нарына составляет шестьдесят километров — одна надежда на тормоза. Не счесть шоферских жизней, которые принесены в жертву Долону. Кстати, позднее, после горных Тянь—Шаньских дорог, меня очень удивляло, как же надо постараться, чтобы совершать аварии на равнине!

Но вот, наконец—то, поздно вечером мы в Нарыне. Нас ждали две небольших комнаты в старом рубленом домишке, примыкавшем к областному радиоузлу и жарко натопленная печь.

Нарын расположен на высоте 2000 метров над уровнем моря — высокогорье, тот же Алай, в узком ущелье, по которому с востока на запад протекает одноименная полноводная горная река. В городе было всего две параллельных улицы: центральная улица Ленина и Красноармейская. Северный склон горного хребта был покрыт тяньшаньской елью, зарослями рябины и кустарниками. Зимой солнце заходило за хребет в три часа дня — наступали сумерки.

Река Нарын, вырвавшись в Ферганскую долину, приобретает всем известное название Сырдарья. Судьба Сырдарьи славная и трагическая одновременно. Славная потому, что Александр Македонский в Таджикистане, в районе Ходжента поил в Сырдарье своих лошадей, а трагическая — потому, что люди в Ферганской долине, разобрав воду на полив хлопчатника, лишили Сыр—дарью и Аму—дарью природной миссии питать Аральское море и оно погибло.

В двух десятках километров вниз по течению реки Нарын лежит просторная долина — казалось бы удобное место для города. Однако город заложили на прямом пути из Китая в Иссык—Кульскую котловину, затем по Боомскому ущелью в Чуйскую и далее в Ферганскую долинам. Это был один из маршрутов Великого шелкового пути. Здесь располагались глинобитная кокандская крепость, затем пограничная часть. Что касается исторических памятников, то в городе их не было — кочевники после себя не оставляют каменных палат.

В 50-е годы в Нарыне было приблизительно 15–20 тысяч жителей, половина из них русские, эвакуированные во время войны из России. Средних школ было две — русская и киргизская. Выходили две областных газеты — соответственно на киргизском и русском языках. Взаимоотношения наших родителей, как и всех русских с киргизами были простыми и дружескими. Передо мной фотография коллектива областных связистов, который с 1951 по 1955 год в Нарыне возглавлял мой отец. Обветренные лица простых

тружеников, большинство киргизы, — частые гости в нашем доме, почти все в почтовой форме.

В один из первых дней пребывания в Нарыне я решил покататься по незнакомому городу на коньках. Это чуть было не закончилось для меня печально. Выезжаю на своих «ласточках», которые мне купили еще в Таласе, и вдруг, в тихом переулке на меня неожиданно набрасываются два пацана — ровесника, с очевидной целью завладеть коньками. Как оказалось, подобные разбойные налеты, особенно на незнакомцев с другого края в городе были делом обыкновенным.

Я стал отчаянно сопротивляться. И хотя один конек им удалось срезать с ноги перочинным ножом, я вцепился в него мертвой хваткой, вырвался, махнул через какой-то забор, а там и свой двор оказался рядом. Во время этой потасовки высокий мальчишка постарше на коньках, как потом оказалось, руководитель акции, со стороны наблюдал за происходящим. Он видимо по достоинству оценил мое активное сопротивление и с тех пор меня никто не трогал, а позднее мы стали друзьями. Звали его Генка Драчёв. Жаль, что в дальнейшем следы его затерлись — у нас есть с ним что вспомнить.

В Нарыне в ходу было три вида коньков: «дутьиши», как позже выяснилось — хоккейные коньки, «ласточки» и «снегурки». Престижные «дутьиши» были редкостью, да и кататься на них было неудобно — лезвие слишком тонкое для утрамбованного снега улиц и тротуаров, а катка в городе не заливали. В этих условиях «ласточки» были наиболее практичными. У «снегурок» закругленные концы обычно обрубали — чтобы можно было отталкиваться носками, то есть превращали их в некое подобие «ласточек». Мы понятия не имели о коньках с ботинками. Обычно, сыromятными ремнями коньки привязывались к валенкам. В то время основным транспортным средством, особенно в сельской местности, была лошадь. Жители близлежащих кишлаков приезжали в город по тем или иным делам и оставляли лошадей у коновязи — похожим на спортивное бревно, как мы сейчас оставляем автомобили на стоянке. Мы пользовались этим и в отсутствие хозяина срезали сыromятные уздечки для крепления коньков.

На западной окраине города находился ипподром. Он не был обустроен, но летом там регулярно проводились конские скачки, которым предшествовал «Улак тартыш» — соперничество на лошадях, за право овладеть тушей козлёнка или телёнка и получение это приз. Об этом я упоминал ранее. Запомнилось состязание иноходцев в стиле «джорго салыш» на 5–10 км. Его можно сравнить со спортивной ходьбой в лёгкой атлетике. Киргизская лошадь не должна была идти рысью или вскачь, а должна своеобразным образом семенить. Тех, кто нарушал это правило с целью получения преимущества, соперники тут же наказывали — безжалостно хлестали конника камчём (плёткой) по спине и даже по физиономии.

Гражданский, обустроенный, с трибунами ипподром находился во Фрунзе. Муж моей тётки Анастасии Михайловны — Владимир Ануфриевич, простой и добрый человек, был жокеем и фанатичным болельщиком футбола. После института, когда я жил и работал во Фрунзе, он уже был на пенсии и часто рассказывал интересные факты из своей жизни.

Вечером, в Нарыне, освещалась только часть центральной улицы Ленина, на столбе был установлен репродуктор большой мощности. По выходным по улице гуляли люди, гремела музыка, у кинотеатра толпился народ, а мы, двадцать–тридцать пацанов, мотались на коньках по улице туда и обратно.

Днем. После уроков, развлекались тем, что проволочными крючками цеплялись за задний борт проходящих грузовиков. Некоторые водители резко тормозили, пытаясь нас поймать, но преимущество всегда было на нашей стороне. Особенно любили мы дорогу в сторону райцентра Ат—Баши («Лошадиная голова»), в сторону границы с Китаем. Несколько километров этой дороги, по ущелью, шел затяжной подъем. Попутный автомобиль, за который мы цеплялись крючками, комфортно поднимал нас вверх, а

оттуда мы неслись вниз «коньковым ходом» по укатанной дороге безо всяких усилий. Редкое автомобильное движение было гарантией нашей безопасности.

Вскоре, под руководством отца, началось строительство двухэтажного, восьми квартирного, щитового, жилого дома в центре города, напротив кинотеатра «Манас». Помню, на этой стройке, во внеурочное время, мы мальчишки, пяти — шестиклассники, подражая мушкетёрам, «дрались» на самодельных шпагах. Когда дом был сдан в эксплуатацию, мы поселились в нём на втором этаже, но прожили там не долго. Семья была многодетной, и это побудило родителей переехать в частный сектор на окраине западной части города: в служебный домик из двух комнат, временки, сарая и примыкавшего к ним огорода. У нас появилась корова, а где корова там и поросята.

Я, как и многие мои сверстники, увлёкся разведением кроликов и голубей. Голубей разводили для души — современным детям этого не понять!

Помню однажды с мальчишками мы ходили смотреть на снежного барса. Зверь был пойман киргизом-охотником и находился у него во дворе. Царь Тянь—Шанских гор обреченно лежал на боку, связанный арканом (волосяной веревкой). Мне стало его жалко. До сих пор помню его печальные глаза, которые он щурил на любопытных.

Летом мы гурьбой ходили в горы, в живописные ущелья, собирали черную смородину, кислинку, костянику. А чаще просто так под кроны тянь-шаньских елей и зарослей рябины, к хрустальным, холодным ручьям с водой от которой ломило зубы.

А вот купаться было негде. Нарын берет исток в горных ледниках, это река бурная, холодная и опасная. В одном из более-менее подходящих мест мы пытались купаться но, проплыв по течению метров пятьдесят, выскакивали на прибрежные камни как пингвины — ощущение было такое, будто тело от ледяной воды покрывалось маленькими жгучими пузырьками. На окраине пограничной части имелся искусственный водоем для купания лошадей. Летом вода там прогревалась и поэтому мы упорно стремились туда, но нас то и дело прогоняли. Было похоже, что одни офицеры сочувствовали нам и закрывали глаза, а другие усматривая нарушение, направляли к нам наряд солдат от которых мы скрывались бегством через глиняный дувал.

На память приходят строки Владимира Высоцкого — «Было дело, и цены снижали...». А мы выросли в то время. Но какими мы были тогда? С удовольствием отмечу: совесть для нас имела первостепенное значение! А в условиях бедной жизни, высокой нравственности и патриотизма, у нас не было почвы для плесени под названием — цинизм и вещизм. «Варяг» и песни военных лет, не стесняясь, мы пели просто так, при каждом удобном случае. Чуть позже душу волновали вальс «На сопках Манчжурии», марш «Прощание славянки», полонез Огинского «Прощание с Родиной».

Зимой в школу мальчишки ходили в телогрейках, из обуви грубые ботинки или кирзовые сапоги. Голенища сапог на два — три пальца подворачивали вниз. Застёгивать телогрейку и опускать уши у зимней шапки, даже в мороз, было не принято — признак слабости! В Нарыне, где зимой морозы за тридцать градусов обычное дело, я как-то подморозил правое ухо и оно, к любопытству одноклассников превратилось в «вареник». Весной и осенью, как правило, мальчишки были в тёмных брюках и светлых рубашках. Пионерский галстук одевали неохотно, он мешал нашей неуёмной активности. Ближе к комсомольским годам галстук лежал в портфеле, чтобы одеть его по необходимости — на школьную линейку или пионерское собрание.

В старших классах появилась мода на вельветовые куртки. Куртка прилично выглядела и была удобной. Шили её местные портные на заказ. Она была на молнии. Нагрудные карманы (и это был особый шик) тоже застёгивались на молнию.

Девочки ходили в школу в форме — коричневых платьях и чёрных фартуках, в праздники надевали белые фартуки. Платья носили с белыми воротничками и манжетами, в косы вплетали ленты и завязывали бантиками. Несмотря на однообразие формы «своих» девочек мы отличали без труда.

У нас не было Дворца пионеров, или, как сейчас, «Дома творчества юных». Но какие-то кружки работали в школе, а секция авиамоделизма размещалась в небольшом помещении в ряду убогих хозяйственных построек. Туда набивалось человек пятнадцать. Я отдавал предпочтение детской спортивной школе, но в межсезонье, ранней слякотной весной, в отсутствии спортивного зала, тоже собрал пару планеров. Планеры изготавливали из сухих стеблей *чия* — местного кустарника. Более тяжелые модели делали из заготовок, которые нарезали из сломанных лыжных бамбуковых палок. Опытные авиамоделисты собирали модели самолетов с миниатюрными бензиновыми моторчиками. Откуда что бралось! Помню, к нам наведывался кучерявый, небольшого роста старшеклассник по кличке «абессинец». Он развлекал нас хохмами и анекдотами.

В начале 50-х годов в Нарыне случались перебои с хлебом. Люди становились в очередь с вечера, дежурили всю ночь. Но когда привозили хлеб, всегда находились те, кто пытался пробиться без очереди — возникали споры и драки. До сих пор помню ту желанную, запашистую, теплую буханку черного хлеба.

Во дворе нашей школы находилось примитивное жилье на одну или две семьи. В одной из «квартир» жила семья школьной уборщицы. Периодически к ним заезжал грузовик с одним и тем же грузом — рудой темного цвета с блестящими вкраплениями. Груз был небрежно накрыт брезентом, и мы без труда убедились — это не уголь. Руда была тяжелой и крепкой, как гранит. Много позднее с большой долей уверенности можно было предположить — это была урановая руда, которую перевозили из рудника (их было множество в Киргизии) на обоганительный комбинат, располагавшийся в Чуйской долине.

В памяти день 6 марта 1953 года. Утром, во время урока, неожиданно распахнулась входная дверь, и какая-то девочка со слезами на глазах объявила: «Сталин умер!». Это вызвало полное смятение даже в наших неокрепших душах. Стояли пасмурные дни. Родители ходили понурые, разговаривали вполголоса, на рукавах верхней одежды носили траурные повязки.

Почти пять лет прожили мы в «столице» Тянь—Шаня. Через два-три года, как и большинство русских подростков, я свободно говорил по-киргизски, а мой приятель Витька Сороковых даже киргизов удивлял чистотой произношения и мог спеть песню на киргизском языке. Киргизская молодежь, общаясь с русскими, в свою очередь овладевала русским языком. Некоторые учились в нашей школе.

Знание языка однажды здорово пригодилось нам. Как-то на рыбалке, километрах в тридцати от города, мы, трое подростков, расположились на ночевку в пещере. Пещера располагалась на скальном склоне между деревянным мостом, имевшим название «Чертов мост», и подошвой склона. Оттуда река, за многие века размыв горный хребет, вырывалась в долину.

С моста между гранитной расщелиной была видна вода, которая бурлила настолько глубоко, что не было слышно шума. Иногда, стоя на мосту, мы бросали камни и наблюдали, как долго они летят вниз. Бытовала история, что в давние времена смелый джигит, уходя от погони, преодолел эту расщелину на коне как раз в том месте, где находился мост. По нашим прикидкам, это было вполне реально. Рядом, на отвесной скале, темно-коричневой краской была нарисована зловещая рожа черта.

За мостом, вверх по течению реки, вдоль обрывистого каньона, пройти было невозможно. Оттуда всю первую половину дня стая за стаяй дикие голуби летели на кормежку в долину. Через три десятка лет на этом месте будет построена Ат — Башинская ГЭС.

В одну из ночей в пещере, под завывающие порывы ветра, нас — трёх подростков охватило необъяснимое беспокойство и тревога. Успокоиться не получалось, несмотря на то, что в этой пещере мы ночевали не в первый раз. В голову лезли всякие страхи вроде появления снежного человека. В панике мы покинули наше убежище и отправились к одинокой юрте с загонem для овец, находившейся по шоссе километрах в двух. Каким-то

чудом, в темноте вышли к юрте. Вначале, с лаем, нас встретили собаки, а затем вышел мальчик–киргиз наш ровесник, с которым мы быстро нашли общий язык. Он гостеприимно пригласил нас в юрту и представил бабушке, объяснив откуда мы свалились в столь неурочный час. Родителей в тот вечер не было — они были в отъезде.

И вот, после всех передраг, мы сидим у очага на кошме — войлочном покрытии из овечьей шерсти, свернув ноги калачиком, как принято у киргизов. Алые комья кизяка в очаге излучают уютное тепло. На таганке поспыхивает закопченный чайник. Нас угостили чаем с молоком и боорсоками — национальной выпечкой. Мы поделились запасами конфет и пряников.

Вскоре ветер утих, небо прояснилось, через «тюдюк» юрты подмигивали звезды, но усталые и умиротворенные мы крепко спали. Утром ярко светило солнце, от вчерашней тревоги не осталось и следа. На завтрак наша троица с аппетитом уплетала лепешки и каймак — домашнюю сметану, а затем с благодарностью рассталась с простыми добрыми людьми приютившими нас. Как бы сейчас хотелось увидеть этого мальчика, теперь уже аксакала, напомнить ему тот случай и еще раз от души выразить ему благодарность!

В Нарыне я впервые встретил дунган — трудолюбивый народ, который исконно занимался земледелием. Благодаря дунганам на местном базаре всегда были овощи. Мужчины дунгане в одежде ничем не отличались от местных жителей. Другое дело женщины, те всегда носили своеобразный красочный национальный наряд. Дунгане, несмотря на малочисленность (в настоящее время в Киргизии их около 40 тысяч, а всего в странах СНГ около 70 тысяч), сохранили свою национальную идентичность, язык, письменность, культуру и традиции.

Однажды, в шестом классе, в праздник 7-го ноября, мы три дружка — Толик Бражников, Кумаш Насыржанов и я, вечером забрели к Толику домой. Родителей не было. Помню, он разогрел на сковородке вареники с картошкой, а затем предложил выпить бражки, которая бродила в алюминиевой фляге. Раньше я не пил спиртного, но праздник есть праздник и мы решили по примеру взрослых приобщиться к нему по настоящему. Для этого немного выпили противной бражки и отправились в центр города. Праздничного народа там было предостаточно. И тут, у кого-то из нас возникла идея купить вина и продолжить «пир души». Мы наскребли какие-то деньги и вошли в магазин. Среди бутылок нас привлекла бутылка с вином необыкновенного зеленого цвета. Как оказалось, это был мятный ликёр, на который без содроганья, я не могу смотреть до сих пор. Мы взяли эту бутылку и отправились в сквер. Там, сидя на поваленном дереве, по очереди приложились к ней из горлышка. От этого я так опьянел, что почти отключился.

Все попытки моих более крепких друзей поставить меня на ноги были тщетны. Тогда они подхватили меня с двух сторон и поволокли домой. Придя к дому открыли входную дверь и увидев гостей сидящих за столом втолкнули меня в комнату. На мгновение, я увидел сидящих за столом гостей и рухнул на диван, стоящий рядом. Очнулся утром. Только открыл глаза, как всё вокруг поплыло и меня тут же потянуло формулой спирта, поэтому позволяю себе только бокал красного сухого вина. Впрочем, мои друзья, став взрослыми, тоже не злоупотребляли спиртным. Анатолий, окончил Томский политехнический институт, а Кумаш — Фрунзенский политехнический.

В седьмом классе мы с Толяном попытались приобщиться к «элите» общества, коей для пацанов слыли музыканты городского духового оркестра. Мы завидовали им в качестве оркестрантов на летней танцплощадке куда нас не пускали, восхищались на парадах. Даже на похоронах духовой оркестр тогда был обязателен, создавая настроение особой скорбной торжественности. В те времена духовые оркестры имели очень широкое распространение. Они были во всех домах офицеров и по выходным, в парках, устраивали бесплатные концерты и уж тем более были на всех танцплощадках.

Удивительно, но руководитель оркестра отнёсся к нам благожелательно. Нам вручили инструменты с названием «альт» и на первых порах заставили разучивать что-то в виде гаммы. Несколько дней я занимался этим скучным делом, а когда узнал, что мелодию

музыкального произведения ведут другие инструменты, а не альт, разочаровался и оставил это занятие.

Вспоминая нарынское детство до сих пор не перестаю удивляться — прошло всего пять–шесть лет с окончания войны, а здесь, в Нарыне, на окраине страны, велась активная спортивная работа в городской детской спортивной школе. Суровая зима располагала к занятиям лыжами. Лыж с ботинками на всех не хватало, начинающие мальчишки тренировались на лыжах с полужестким креплением.

Тренером у нас был Александр Афанасьевич Голубенко — бывший спортсмен, эвакуированный из Ленинграда. В то время в лыжном беге не применялся «коньковый ход». На стадионе круг за кругом мы отрабатывали технику классического бега. Летом Александр Афанасьевич тренировал легкоатлетов, уделял внимание футболистам, баскетболистам и даже фехтовальщикам.

Часто, в перерывах во время тренировки мы рассаживались в тени деревьев, и тренер рассказывал нам про Ленинград, о своем участии в лыжных соревнованиях и марафонах по России, об известных спортсменах, с которыми был лично знаком. В далеких Тянь—Шанских горах он открывал нам, мальчишкам, иной мир, заманчивый и, казалось недоступный. Александру Афанасьевичу, нашему тренеру, я обязан тем, что приобщился к спорту и никогда не курил.

В те годы в Нарыне не было в продаже лыж, но так хотелось иметь собственные! Наш одноклассник, сын офицера пограничной части, предложил решить эту проблему следующим способом. По его информации, один из складов пограничной части был забит лыжами. Попасть на этот склад, по его словам, было несложно, достаточно было преодолеть небрежное ограждение из колючей проволоки и забраться в склад через оконный проем задней стены, обшитый полусгнившими досками. Он знал что говорил, так как жил на территории части и провел предварительную разведку.

Нам с Толиком Бражниковым идея понравилась и мы, проведя дополнительную разведку, решили, что добыть себе таким способом лыжи вполне реально. Склады пограничной части располагались вдоль крутого берега реки Нарын и если патрулировались часовым, то с фасадной стороны. У нас не было мыслей о плохом исходе задуманного мероприятия, не зря разведчики в фильмах, и особенно в картине «Звезда», были нашими героями.

И вот мы с дружкой ночью на месте. По–пластунски пробрались к заветному окну. От волнения сердце стучало так, что казалось, выскочит из груди. На плечах я приподнял Толяна. Стекол в оконной раме не было, а оторвать подгнившие доски не составляло труда. Он пролез с фонариком внутрь и вскоре стал подавать лыжи. Взяли две пары.

Лыжи у пограничников оказались тяжелее и шире, чем беговые, но это были лыжи! На них мы установили полужесткие крепления и, с тех, пор после уроков, пропадали в предгорье, покоряя один спуск за другим.

В старших классах, когда моя семья жила на юге Киргизии, Анатолий стал одним из первых слаломистов в Нарыне, участвовал во многих республиканских, в том числе и армейских соревнованиях, проходя службу на высокогорной заставе.

Но до этого, в Нарыне, в составе команды фехтовальщиков я участвовал в летней республиканской школьной спартакиаде. Она проходила, как всегда в столице Киргизии Фрунзе. Рано утром мы сели в автобус и двинулись в столицу. Триста километров тряслись по грунтовке, и лишь под вечер в городе Токмак выехали на асфальтированную дорогу. Последние 60 километров по асфальту нам казались не ездой, а полетом. На окраине столицы, за Аламединским мостом, у киоска с газированной водой, мы сделали остановку. В Нарыне газировки не было, и по нашему поведению (по два стакана залпом) хозяйка киоска сразу поняла, что мы спустились с гор. Школьная спартакиада проходила на городском стадионе в центре города. В день открытия спартакиады, под духовой оркестр, школьники–спортсмены область за областью, проходили по беговой дорожке и выстраивались возле трибуны. Жаль что нет ни одной фотографии того времени.

Давно уже нет того стадиона с футбольным полем на котором зимой заливался каток, нет теннисных кортов, игровых площадок, бассейна с вышкой и т. п.. Всё это, как и соседний Дом офицеров, летний театр в Дубовом парке, гостиницу «Киргизия», здание МВД, Красную чайхану — снесли. На этом месте построены: Белый дом, комплекс правительственных зданий, музей Ленина, центральная площадь. Для десятков тысяч людей старшего поколения уничтожены свидетельства их молодости. Хорошо, что сохранился наш незабвенный кинотеатр «Ала—Тоо» построенный в 1938 году архитектором В. Калмыковым.

Все кому интересен Фрунзе военных, послевоенных и последующих лет, я отсылаю к интереснейшим мемуарам моего земляка и друга Анатолия Ефремова ныне живущего в США. Книга этого талантливого человека «Такая жизнь», в электронном виде размещена на сайте «Проза. ру».

Весной 1955 года в Нарын из Фрунзе республиканским спорткомитетом были командированы братья Жуковы — один чемпион Киргизии по классической борьбе, а другой по вольной. Им было поручено подготовить к лету спортивную команду области к республиканской летней спартакиаде. Жуковы собрали всех силачей города в команду борцов и приступили к интенсивным тренировкам. Кроме этого, к спартакиаде готовились боксеры, легкоатлеты, волейболисты, баскетболисты и другие спортсмены. Команда фехтовальщиков состояла из школьников, в которую входил и я. Республиканская спартакиада, как всегда проходила во Фрунзе. В итоге произошла сенсация — спортсмены Тянь—Шанской области заняли общекомандное второе место после столичных спортсменов, обойдя «вторую столицу республики» — город Ош. Этот успех отмечали в ресторане, куда я, пятнадцатилетний, попал первый раз в жизни. На столик для четверых нам подали шампанское, которое тоже пригубил впервые.

В русле событий, известных по фильму «Холодное лето пятьдесят третьего» — про массовую амнистию уголовников из учреждений ГУЛАГа, в лексикон нарынских пацанов активно внедрялся блатной сленг. Кстати, в наше время к «пацанам» относились подростки не старше четырнадцати–пятнадцати лет, и наш сленг был куда безобидней открытого мата «больного позднего потомства». До сих пор в памяти некоторые «выражения»: легаый — милиционер; духариться — вести себя вызывающе, провоцировать; дать мандюлей — наказать, избить; дать пендаля — пнуть; бубон — прыщ; башка, калган — голова; хлюзда — спорщик; подлиза — подхалим; бздун — трус; хавать — кушать; балакать — говорить, болтать; заныкать — спрятать; шухарить — хулиганить; тикать — убегать; кусочник — мелочный, ненадежный, продажный; стырить — украсть; тухта — чего нет или выдуманно; с понтом — делая вид; курочить — ломать; шкодный — смешной; гандон — крайняя степень оскорбления; лярва, подстилка — женщина лёгкого поведения и так далее.

«Чего ты духаришься? Хочешь мандюлей получить? Выйдем один на один!» Именно так, в честной драке один на один, решались многие проблемы, возникавшие в нашей среде. Поводов для кулачных поединков было предостаточно! Мы выясняли отношения из-за девчонок, доказывали свое физическое превосходство, защищали свою честь и достоинство, как это понимали, «учили» подлиз и сексотов. Это была своеобразная дуэль. Отказаться от вызова означало прослыть «бздуном». Так, я несколько раз дрался из-за Людочки Братишко — моей первой наивной и несчастной любви. Увы! Людочка не оценила мои «рыцарские» порывы.

За школой, в дальнем углу областной больницы, среди деревьев была удобная площадка. Здесь и проходили наши «разборки». О том, что после уроков предстоит драка, становилось известно всем, кроме учителей. Болельщики окружали площадку, в круг выходили участники поединка, назначался рефери, как в боксе. Да и сама драка была кулачным поединком без участия ног. Как правило, драка длилась до первой крови, но могла продолжаться и дальше, если тот, у кого появлялась кровь, настаивал на этом. Тогда решение продолжить или остановить драку принимал рефери с учетом мнения

болельщиков. Городские «разборки» взрослых парней проходили за тыльной стороной единственного в городе кинотеатра «Сон—Куль», но неписанные правила были одинаковыми везде и для всех. Часто после драки в знак взаимного примирения соперники обменивались рукопожатием. Не помню случая, чтобы несколько человек избили одного. Это стало бы позором для них.

«Сон—Куль» остался в памяти многосерийным фильмом «Тарзан», взятым в Германии в качестве трофея. Ажиотаж вокруг фильма был необыкновенным, как и последствия. «Тарзанка» для нас была элементарной вещью. Мы, после школы, умудрялись играть в догонялки в зарослях ивовых деревьев в сквере Дома культуры, часами не спускаясь на землю. Затем на экран вышли индийские фильмы «Бродяга» и «Господин 420» и это тоже был фурор.

Из школьной жизни памятен и такой случай. На одном из уроков наша классная руководительница безапелляционным тоном объявила о решении школьного педсовета: в трехдневный срок всем ученикам до седьмого класса включительно подстричься наголо. Объяснить причину такого решения она не сочла нужным, хотя мы догадывались — в школе обнаружен педикулез, а учителя в борьбе с этим нередким явлением опять перегибают палку. Мы были возмущены этой «поголовщиной», попирающей нашу индивидуальность и достоинство, поэтому через два дня стриженных «под Котовского» в классе почти не было. Тогда «классная» пригрозила, что сама выстрижет ножницами волосы тому, кто на следующий день придет в школу с шевелюрой.

«Принесите завтра ножницы!» — обратилась она к «примерным ученикам». На следующий день большинство мальчишек были подстрижены. Но некоторые, в том числе и я, продолжали упорствовать. Появилась «классная»: «Кто принес ножницы?» — обратилась она. И вдруг, поднимается стриженный дылда — переросток и, с кривой улыбкой протягивает ей ножницы. Она взяла их, подошла к первому из чубатых и выстригла у него на макушке несколько пучков волос. Затем объявила: «Тот, кто сегодня не подстрижется, завтра в школу без родителей не являйтесь!». Пацан, которого обкорнали «классная», сидел за партой, красный от обиды, и чуть не плакал.

На перемене дылда был предупрежден: «После уроков пойдешь с нами!». Закончился последний урок. Мы, человек пять, двинулись за школу к «лобному» месту. С нами не было пацана, которого публично оскорбила «классная». Дылда, бледный и понурый обреченно шел за нами. Было видно — он переживает свой неблагоприятный поступок. На месте ему было высказано все, а затем, каждый из нас подходил и давал подлизе крепкую оплеуху. Тот покорно снес наказание. После этой воспитательной меры мы не торопясь двинулись домой. Чуть сзади, следом, плелся дылда. Хочется верить, что он стал хорошим человеком. Сейчас смотришь на современных дылд из мелкотравчатой либеральной оппозиции; Касьянов, Навальный, Гудков и невольно приходишь к мысли: — Не били вас в школе, а жаль!

Чем закончилась история со стрижкой, не помню. Но помню, что несколько дней мы слонялись во время уроков возле школы, а чтобы убить время, играли в «лянгугу», которую мастерили следующим образом: брался плоский круглый кусочек свинца, который мы плавили сами и заливали в форму. В свинце сверлили два маленьких отверстия, накладывали круглый кусочек кожи с козым мехом и скрепляли провололочкой. В зависимости от веса свинца и длины меха, менялась парусность «лянгуги». В игре было семь степеней сложности. В каждой степени надо было внутренней ступней ноги подкинуть «лянгугу» десять раз. Первая степень игры — подкидывание лянгуги «щечкой» правой ноги, затем — то же самое на одной ноге, затем правой «щечкой» и внешней стопой левой ноги. Затем в прыжке «лянгуга» подбрасывалась «щечкой» левой ноги — люры и так далее. Игра требовала необыкновенной ловкости и прыгучести, однако учителя почему-то приравнивали ее к хулиганству и беспощадно отбирали «лянгуги». Сейчас некому задать вопрос: «Зачем они это делали?».

В настоящее время забыты все наши игры: в лапту, чижику, городки, прятки, казаки-разбойники. Игры на мелочь: в «орла», «чику», «стенку».

Несмотря на то, что в Нарыне русские формально доминировали — русский язык был государственным, активно внедрялась русская культура, выпускалась областная газета на русском языке, а русские специалисты были незаменимыми, — у меня навсегда осталось ощущение, что мы жили среди киргизов. Это и понятно: киргизы в области составляли абсолютное большинство. Однако такая ситуация на тот момент существовала только в Алайской долине, на Тянь—Шане и в других высокогорных районах. На юге Киргизии — в Ферганской долине, как я уже отмечал, преобладали узбеки. В Таласской долине — русские и немцы, в Чуйской долине со столицей Фрунзе — русские. Придет время, и все изменится, киргизы численно будут доминировать во всех регионах, городах и населенных пунктах республики, позднее всего это произойдет во Фрунзе (Бишкеке) — столице республики.

И вот первые выводы, которые я школьником сделал в те далекие годы. Киргизия — часть огромной страны. С окружающим миром мы пребываем в гармонии. Национальность не имеет значения. Друзья детства — все те, кто вокруг.

Живем бедно — почти как все, но когда «как все», то бедность не замечаешь. В мои школьные годы не было «золотой молодёжи» в более позднем её понимании. Даже велосипед считался роскошью. Но высокопоставленные чиновники были и тогда, их дети на каникулы ездили в Артек, велосипед для них не был проблемой, а билет в кино тем более. После окончания школы для коренных жителей Союзных Республик существовали квоты для внеконкурсного поступления в вузы Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны. Этим правом, как правило, пользовались дети номенклатурных работников.

В нынешней либеральной России, оказывается тоже есть привилегированная молодёжь, которая за счёт государственных средств обучается в престижных вузах США, Англии, Франции. Список этих студентов Министерством образования и науки засекречен. Однако не трудно догадаться, что это отпрыски наших «небожителей», которые готовят себе прозападную смену.

Через двадцать пять лет после отъезда я вновь попал в Нарын — город моего детства по приглашению друга — Кумаша Насыржанова. К этому времени коренное население города увеличилось в несколько раз, а русских почти не осталось. Это была незабываемая гостеприимная встреча с бесконечными воспоминаниями. В Тянь—Шаньском обкоме КПСС встретились с третьим секретарём и нашим однокашником Леонидом Луниным. Впечатление осталось негативным. В памяти всплыло, как мой приятель, пятиклассник Лёнька Лунин мог униженно бежал за велосипедом какого-нибудь сверстника держась за багажник, и кланчил дать покататься.

Память... Независимо от твоей воли она хранит некоторые казалось бы маловажные фрагменты бытия на всю жизнь. Вот ещё один из них — нарынский фрагмент.

Зима, после уроков, почти от самой школы мы — группа одноклассников по пути домой пасуем друг другу случайно попавшую под ноги консервную банку. Один за другим одноклассники сворачивают к своим домам, но банка остаётся с теми, кто живёт дальше. В конце — концов, я и Толик Бражников остаёмся вдвоём. Вот так, беспечно и упорно пасуя её один другому, мы приближаемся к дому моего друга. Прощальным ударом он пасует банку мне, и дальше я веду её один, так как живу дальше всех, почти на окраине города. Друзья детства, где вы? Как же так получилось, что я так и продолжаю вести эту «банку» один — теперь уже к последнему приюту и нет рядом ни кого из той «команды».

В Нарыне, сам того не осознавая, я простился со своим детством. Наступила пора юности.

Снова юг Киргизии, 1956 год

Странно, но судьба вновь забросила нашу семью на юг Киргизии, и снова в город Кара—Су Ошской области. Середина учебного года. Восьмой класс. Первое мое появление в новой школе, первая школьная линейка, где каждому классу отведено свое место. На моей вельветовой куртке выделялся значок спортивного разряда по лыжному спорту. Ни у кого в этой школе не было спортивных разрядов и такого значка! Потому что не было в этом городе Александра Афанасьевича Голубенко — замечательного человека и тренера, потому, что не бывает снега там, где растёт хлопок.

Мимо стройных рядов школьников проходит двухметровый гигант — директор школы — «Наполеон на смотре своих войск». Он придирчиво оглядывает школьную форму девочек, смотрит аккуратно ли выглядят мальчики, делает кому-то замечание. Останавливается возле меня. Видит мой спортивный значок и произносит: «Новенький! Спортсмен! А как с учебой?».

А вот с этим было неважно... В Нарыне я плохо учился, часто пропускал уроки, вращался в хулиганской среде. Здесь, в Кара—Су, меня сразу поразила непривычно пристойная обстановка. Не откладывая в долгий ящик решил внести некоторое разнообразие в размеренный ход событий. Во время урока достал складной нож довольно приличных размеров, раскрыл лезвие под девяносто градусов и предложил сидящему впереди однокласснику раскрыть нож вытянутым пальцем. Тот не долго думая надавил пальцем на основание лезвия. Нож раскрылся, а палец — как это неизбежно происходит в таких случаях — соскользнул на острие. Кровь брызнула струей. От неожиданности я обомлел, а затем схватился за голову: «Куда я попал?!». В Нарыне, каждый пацан знал чем заканчивается этот «фокус», а тут... Моему однокласснику в медпункте срочно сделали перевязку, а я не знал, как загладить перед ним свою вину!

Этот случай послужил мне уроком, пришлось менять привычки. А в целом, два с половиной года учёбы в этой школе и под влиянием здоровой среды я стал другим человеком, образно выражаясь «поменял кожу». Учёба и спорт стали моими приоритетами. Правда, сказалось отставание в математике, но на помощь пришел Витя Дудников — добрая душа. Мы с ним сидели за одной партой. Витя к тому же увлекался фотографией, у него был фотоаппарат «Смена». Часами мы просиживали у него в фотолаборатории: готовили растворы с проявителем и закрепителем, глянцеваляли и сушили наши фотки. Благодаря этим фотографиям более чем пятидесятилетней давности у меня в альбоме хранится память о последних школьных годах. Через полвека я нашел Витю — спасибо Интернету! Витя, выпускник Новосибирского политехнического института оказался в Душанбе и живет там и поныне.

В Кара—Су я на себе ощутил, что такое культ хлопка — сельскохозяйственной монокультуры Средней Азии. Этот культ, как наверно и всякий, имел уродливые признаки. Хлопку было подчинено все: экономика, карьера чиновников и даже образ жизни людей. Все начиналось в конце лета, когда в ход шла сельскохозяйственная авиация. Самолеты опыляли хлопковые поля химикатами для того, чтобы куст хлопчатника быстрее сбросил листья, обеспечив лучший доступ солнца к коробочкам, тогда они быстрее созревали. Потом круглая коробочка лопалась на пять секторов, в каждом из которых пряталось белоснежное волокно с небольшими овальными семечками — это был, так называемый, хлопок—сырец, требующий сбора и дальнейшей обработки. Власть не беспокоило то, что при обработке полей химикаты относил ветром на населенные пункты, а это вызывало аллергию и другие более серьезные болезни. Впрочем это сейчас, по прошествии лет, можно рассуждать об экологии и других негативных

явления, связанных с хлопком. А тогда если что и беспокоило нас во время сбора хлопка, так это боль в спине. Все остальное было прекрасно, как сама юность!

В середине сентября, с началом созревания хлопчатника, начинался «вселенский ажиотаж». Газеты, радио, а в дальнейшем и телевидение работали только на хлопок: бесконечные сводки о сборе хлопка, фотографии и интервью... До середины ноября закрывались вузы, техникумы и профтехучилища — всех студентов отправляли на сбор хлопка. Школьники, начиная с пятого класса, отбывали ту же повинность. Все предприятия обязывали отправлять «на хлопок» определенное количество людей. Даже военнослужащие Туркестанского военного округа привлекались к сбору хлопка. Были случаи, когда наряды милиции останавливали рейсовые автобусы, принуждая пассажиров собрать некое количество хлопка. Сушили хлопок в том числе и на асфальтовых дорогах, пролегающих вдоль полей, автомобилям приходилось пробираться по пыльным обочинам. А что, разве не было хлопкоуборочных комбайнов? Разумеется были, но только ручная сборка обеспечивала высшее качество хлопка-сырца, который государство покупало у хозяйств по более высокой цене.

Перед «мобилизацией» на хлопок на школьной линейке каждому классу объявляли, в каком хозяйстве и какой бригаде предстоит работать. Обычно это были близлежащие колхозы, куда нас возили на бортовых грузовиках. На месте, каждому выдавали кусок грубого хлопчатобумажного полотна. Два его конца завязывались на поясе, два — на шее. Получался фартук. В полусогнутом состоянии мы шли по полю, строго по рядам, вынимали из распутившихся коробочек волокно и складывали в фартук. Когда фартук разбухал, мы начинали походить на кенгуру. Набрав килограммов семь-восемь, опорожняли фартук в свою кучку. После того как в ней скапливалось килограммов двадцать пять, мы увязывали собранное в тук из того же фартука, поднимали его на голову и несли к шейпану — где стояли весы и была оборудована площадка для сушки хлопка. Приемщик взвешивал тук и отмечал его вес в списке. За день работы каждый из нас обязан был собрать шестьдесят килограммов. Платили школьникам по 3 копейки за килограмм.

Были у нас и рекордсмены, которые почти всегда собирали больше нормы, а иногда и более сотни килограммов. К ним относился Валера Жулейко — активист из нашего класса, которому на школьной линейке, наряду с другими передовиками, вручали почетные грамоты. Валера был необыкновенно волевым собранным человеком, по утрам бегал, упорно учился, окончил Ташкентский политехнический институт, там же в Ташкенте работал, затем следы его затерялись.

Мне лишь однажды удалось собрать заветную сотню и конечно, этот труд был сродни рабскому и мало ценился. За два с половиной месяца работы под палящим солнцем каждый из школьников собирал около четырех тонн хлопка, зарабатывая чуть больше ста рублей. При этом мы брали с собой из дому еду, изнашивали свою одежду и обувь. Неплохой бизнес делало государство, да и вороватые чиновники себя не забывали — стоит лишь вспомнить нашумевшие в свое время узбекские «хлопковые дела»...

В Кара—Су переработкой хлопка занимались два предприятия: хлопкоочистительный и маслоэкстракционный заводы. На хлопзавод, как мы его называли, во время сбора урожая со всех колхозных полей вереницей ехали колесные трактора с четырьмя-пятью тележками, по край высоких бортов груженными хлопком. Там шла государственная приемка. Хлопок укладывался в огромные бурты прямоугольной формы длиной 20–30 и высотой 6–8 метров (за точность не ручаюсь).

Для предотвращения самовозгорания хлопка, на уровне земли в буртах проделывались вентиляционные галереи размером почти в рост человек. От атмосферных осадков бурты сверху укрывались брезентом.

Хлопок в буртах был сырьем для очистительного завода, который работал на нем почти до нового урожая: волокно очищалось от семян и отправлялось в Россию, в основном в Иваново — «город невест». Хлопзавод выбрасывал в воздух мелкие ворсинки хлопка,

наподобие тополиного пуха. Они покрывали весь город и были повсюду — на земле, на крышах, на проводах.

Хлопковые семена служили сырьем для маслоэкстракционного завода, расположенного рядом с хлопкоочистительным. Между двумя заводами, на металлических опорах был проложен ленточный транспортер, по которому переправлялись хлопковые семена. Из семян получали хлопковое масло и хозяйственное мыло — эту продукцию нам показывали на экскурсии. Сейчас ни хлопзавода, ни маслозавода в кара-Су нет — всё ушло в Китай в качестве металлолома. Землю, как и в России, разделили на клочки.

Я был свидетелем того, как в 1956 году, сотрудники отца, впервые принимали пробные телевизионные передачи из Ташкента в черно-белом, смутном и неустойчивом изображении. Но и это воспринималось как чудо. Там же, летом 1957 года, во время школьных каникул, я заработал свои первые в жизни деньги в бригаде электромонтеров связи. Техники не было. В сорокаградусную жару, с помощью лома и лопаты приходилось копать ямы для радиотелефонных опор, а затем устанавливать их с помощью подобия «ухватов» на длинных черенках. Опоры, в качестве средства против гниения, были пропитаны креозотовым раствором чёрного цвета. Креозот на жаре плавился, пузырился и были случаи, когда поднявшись на 5–6 метров, я соскальзывал на монтерских когтях вниз. Затем пришел опыт, позволявший подолгу находится наверху и выполнять любую работу.

В школе у нас была дружная баскетбольная команда. Мы ездили в Ош не только на областные школьные соревнования, но и, за неимением другой команды, представляли свой район на «взрослых» турнирах. Да и вообще наступила пора взросления — спорт, первая влюблённость — наши девочки, с которыми мы ходили в кино и гуляли по вечерам.

В памяти события более чем полувековой давности. В девятом параллельном классе появилась новая ученица, звали её Галя Лежачёва. Так получилось, что в эту стройную симпатичную блондинку одновременно влюбился я и мой одноклассник Вадим Харьянов. К тому времени нравы изменились, и подобные отношения в кулачном поединке уже не выяснялись, да и шансов у меня не было — Вадим был силач в тяжелой весовой категории. У нас этот вопрос решался цивилизовано — выбор должна была сделать Галя. Посредницей выступала Зоя Назарова — наша одноклассница — добрая и отзывчивая девочка. Всё решалось на вечеринке в честь праздника 7-е ноября у неё на квартире, где в отсутствии родителей собрался весь наш «бомонд». Девочки накрывали столы, а мы с Вадимом в полисаднике ждали решения Гали, при этом он нервно курил, а Зоя то и дело бегала от нас к Гале, предлагая набраться терпения. И вот, наконец, она объявила: «Вадим! Ты не обижайся, Галя выбрала Юру!»

Вадим, не глядя, пожал мне руку. За столом я сидел рядом с Галей, а затем в первый раз пошел провожать её домой. Всё было хорошо. Мы с Галей робко целовались, ходили в кино, но не могу объяснить почему, наши отношения к концу учебного года плавно перешли в дружеские. Бедная девочка, через три года, работая в Ошской геологической экспедиции, она погибла в горах Памира. В память о ней сложились строки: *«девочка милая в платьице белом — светлая память во мне поседлом»*.

В десятом классе я стал дружить с Валею Михайловой — очень сдержанной девушкой. У неё были глаза с «поволокой» и две толстых русых косы. Вадим, вроде нехотя, стал дружить с Валею Зиновьевой. Однако после армии он женился на ней, они переехали во Фрунзе, работали и вместе закончили вечерний факультет Фрунзенского политеха, у них родились две девочки. Вадим был успешным человеком. Во Фрунзе мы с ним постоянно поддерживали отношения. К сожалению, в пятьдесят лет он скончался от сердечного приступа.

Вспоминаю последнюю школьную линейку, последний звонок, цветы от первоклассников — все традиционно, а на душе легкая тревога вызванная неизбежностью потери близкого и привычного, того, что окружало все предыдущие годы. Актный зал, торжественные родители, каждому выпускнику — аттестат зрелости. Первые часы нашей

еще не самостоятельной, но формально взрослой жизни! Впервые в присутствии учителей и родителей пьем шампанское. Смех, веселье, танцы и прогулка до утра. На импровизированном «капустнике» Толян Богатырев, как всегда, наяривал на гармошке, а девочки исполняли наскоро сочиненные прощальные частушки. Под радиолу мы танцуем вальсы, фокстроты и танго, которые тоже окажутся прощальными: пройдет немного времени и они будут отнесены к «ретро», а взамен придёт дерготня и конвульсии.

И уж совсем грустно звучал на вечере вальса выпускников из недавно вышедшего на экраны кинофильма «Разные судьбы»:

*С детских лет стать взрослыми спешили мы,
Торопили школьные года,
Для того, чтоб детством дорожили мы,
Надо с ним расстаться навсегда...*

Дружные в школе, мы так же дружно вспорхнули из нашего провинциального городка в жизнь, заманчивую и, как нам казалось, бесконечную. Разлетелись по бескрайней стране, чтобы продолжить учёбу, работать, пребывая в нескончаемой череде житейских забот. Почти все мои одноклассники — крепкие парни, собирались поступать в военные училища, однако: «Человек полагает, а Бог располагает». На городской танцплощадке, в защиту русской девушки, между ними и узбеками произошла серьёзная драка. Было заведено уголовное дело и тогда они срочно подались кто куда — в основном на службу в армию. Как ни странно, в военное училище, а именно в Ташкентское общевойсковое командное училище поступил только Толик Скворцов — не спортивный, не активный, скромный, но умный. Через год, в 1959 году, я приехал домой в отпуск, встретил Анатолия и не узнал его. Он возмужал, в характере появились явно выраженные мужские черты. Когда на вокзале мы провожали его в Ташкет, он был в новенькой курсантской форме, скрипел портупеей, через плечо был одет офицерский планшет. Перед отходом поезда он достал из него плоскую фляжку, набор миниатюрных металлических рюмок, разломил каждому по кусочку шоколада, разлил содержимое фляжки по рюмкам и заявил: «Коньяк закусывают шоколадом!». Я был сражен этим наповал и почувствовал себя полным провинциалом.

Передо мной фото военного курсанта Анатолия Скворцова. Был слух, что он приезжал в Кара—Су после окончания училища в отпуск из Германии с женой и ребёнком. Где он сейчас? Возможно погиб в Афганистане, а возможно в отставке и занимается пчёлами по примеру своего отца. Все попытки найти его в интернете безуспешны. Анатолий был моим соседом в Кара—Су и до сих пор в моём подсознании звучит голос его мамы припозднившемуся школьнику: «Анато...ля, домой!».

После окончания школы моя девушка Валя Михайлова вместе с одноклассницей Галей Бегановой, поступила в Ошский пед. институт, а я стал работать совхозным электриком на Иссык—Куле — мы переписывались. Через два года и я стал студентом. На каникулах, после окончания первого курса, приехал домой в Кара-Су и встретил там Витю Дудникова. Он — студент Новосибирского политеха тоже был на каникулах. Наши девочки уже перешли на четвёртый курс и в это время были «на хлопке». Мы решили их разыскать. Вначале ехали на автобусе, затем шли пешком через отдалённые узбекские кишлаки, где на нас смотрели с удивлением и, наконец, вышли к цели. Студентки — человек тридцать жили в актовом зале пустой школы. Нас встретили на «ура» и устроили импровизированный ужин, где мы по глотку разлили две взятых с собой бутылки вина. Во время «пиршества» было много юмора и смеха, нас просили остаться, гарантировали не привлекать к работе, окружить лаской и заботой и тому подобное. Затем мы с Валентиной вышли прогуляться и тут она мне намекнула:

— Юра, а ведь мне пора замуж!

Намёк я понял, но с трудом представлял себя семейным в положении второкурсника, живущего в общежитии, в комнате на шесть человек с чемоданом под кроватью.

У Валентины сложилось всё нормально. Как я и предполагал, она вышла замуж за офицера десантной части расквартированной в Оше, преподавала в школе, сейчас у неё дети и внуки. Мы с ней перезваниваемся.

Юность! Приходит время и она покидает нас, оставаясь в памяти там — «на том берегу...» со сверстниками. Впрочем, вначале, создавалось иллюзорное впечатление, что она рядом и потому, молодые и беспечные, мы всё откладывали возможность снова собраться в школе, чтобы принести ей дань памяти и подвести первые итоги. Увы, так и не собрались! А между тем: *«годы летят, наши годы как птицы летят...»*. Годы складывались в десятилетия, но мы, беспечные, не обращали на это внимания и опомнились только на краю, когда уже не остановить было *«коней привередливых»*. Некоторым, особо романтическим натурам, приходится расплачиваться за это щемящей ностальгией.

А между тем, неизбежно в мир иной уходили и уходят многие из тех, кто, казалось, всегда будет с нами рядом, — родители, учителя, любимые актеры. Доходят скорбные вести о том, что в последний путь проводили того или иного школьного однокашника, как парадокс, оставшегося в памяти навсегда семнадцатилетним. Как ко всему этому относиться? Разве что утешиться словами поэта Василия Жуковского: *«Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были»*.

Школьные годы — моё бесценное достояние! В душе они навсегда, несмотря на то, что было это так давно — в другой жизни. И потому, в благодарной памяти наши учителя Карасуйской школы, давшие нам путёвку в жизнь: Акельев Николай Александрович, Щербакова Вера Александровна, Юдин Иван Иванович, Гончаров Михаил Борисович и другие. Навсегда в памяти однокашники: Витя Дудников, Вадим Харьянов, Валера Жулейко, Гена Маклаков, Валентин Власов, Коля Чабдаров, Галя Лежачёва, Зоя Назарова, Галя Беганова, Валя Михайлова и другие.

А ещё для меня, моя малая родина Кара—Су, как нигде больше — белая акация. Она росла вдоль нашей улицы. Мы рвали её душистые гроздья и лакомились ею. Она росла на школьном дворе и заглядывала в окна нашего класса на втором этаже. Наконец это замечательный фильм по оперетте И. Дунаевского «Белая акация» весной нашего выпускного 1958 года.

Моё детство и безмятежная юность — это Памир, Алай, Кара—Су, Ош, рядом Ташкент, Андижан, Коканд. В то время мы и не предполагали какой пласт истории России, связанный с завоеванием Туркестана был скрыт от нас советской историографией.

Затем, волею судьбы, меня ждал Иссык—Куль. И снова исторический провал, связанный с восстанием киргизов в 1916 году. А причина лежит на поверхности. Большевики отторгали и мазали черной краской историю 1000 летней Руси. Сегодня их идейные наследники либералы занимаются тем же самым, присовокупив к этому ещё и советский период времени.

Иссык—Куль, совхоз «Оргочор», 1958 год

Иссык—Куль — знаменитое бессточное озеро на севере Киргизии. Одноименная область занимает территорию Иссык—Кульской котловины, а так же внутренние высокогорные районы которые окружены хребтами центрального Тянь—Шаня — красивейший и благодатнейший край. Озеро является самым большим водоемом Средней Азии: длина его 178 километров, максимальная ширина 68 километров, средняя глубина 278 метров (наибольшая глубина озера 668 метров).

В 1856 году, когда Петр Семенов совершил свое первое путешествие на Иссык—Куль, он дал ему такую характеристику: *«Голубая жемчужина в серебряном ожерелье!»*.

И действительно, озеро окаймляют горы, вершины которых покрыты вечными снегами, а вода отражает нежно — голубое небо.

Исторически, киргизы, как и везде, селились в предгорной зоне Иссык—Кульской котловины. Поэтому плодородные земли, расположенные в прибрежной и степной зоне Иссык—Куля, до появления первых русских переселенцев не были освоены. Огромным трудом они построили на Иссык—Куле населенные пункты и создали оросительные системы для полива пахотных земель.

Город Пржевальск — центр одноименного уезда, а затем области, по указу царя в 1889 году был назван в честь генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888), русского путешественника и натуралиста, с 1864 года действительного члена Географического общества и почетного члена Академии наук, осуществившего несколько экспедиций в Среднюю Азию. В 1888 году он отправился в свое пятое путешествие, где во время охоты в районе реки Кара—Балта в Чуйской долине, выпив речной воды, заразился брюшным тифом. По дороге в Каракол Пржевальский почувствовал себя плохо, а по прибытии в Каракол совсем слег. Через несколько дней он скончался. Похоронен на берегу озера Иссык—Куль в 12 километрах от Каракола. В июне 1894 года на месте захоронения Николая Михайловича Пржевальского был открыт уникальный памятник, сооруженный на народные деньги.

Высота памятника из тянь-шаньского гранита 8,2 метра, ширина 2,5 метра, вес 365 т. Скала увенчана фигурой приземляющегося орла — символ ума и бесстрашия (размах крыльев — 2,5 м). В клюве орел держит оливковую ветвь — эмблему мирных завоеваний науки. В когтях — полуразвернутую карту Средней Азии с маршрутом путешествий ученого.

Впервые, этот уникальный памятник я увидел в 1954 году, когда мне было 14 лет. Мы с отцом приезжали в гости к дяде по маминей линии Широкову Ивану Михайловичу в совхоз «Оргочор» на южном берегу Иссык—Куля. Памятник поразил меня своей необычностью и совершенством.

Британское Королевское общество назвало Пржевальского «самым выдающимся путешественником мира». А сдержанный Чехов в некрологе великому путешественнику написал о нём с таким пафосом, с каким никогда ни о ком не писал.

12 апреля 2014 года Николаю Михайловичу Пржевальскому исполнилось 175 лет со дня рождения.

Весной 1958 года, перед окончанием школы, я получил письмо от дяди Широкова Ивана Михайловича. Он, по прежнему был директором совхоза на Иссык—Куле. В письме дядя приглашал меня пожить в его семье, поработать, а затем определиться с будущим. Иван Михайлович, кроме всего прочего, вероятно, руководствовался и тем, что Хрущев — в то время Генеральный секретарь ЦК КПСС, обратился к молодежи с призывом не торопиться после школы поступать в институты. Он предлагал вначале поработать на производстве, набраться жизненного опыта, а затем более осознанно принимать решение — куда пойти учиться. При этом государство гарантировало включить студенческие годы в общий стаж работы.

Так или иначе, я принял предложение и, получив аттестат зрелости, через неделю сел в поезд, который шел через Ташкент во Фрунзе, чтобы оттуда продолжить путь на Иссык—Куль. Два года я проработал в совхозе электриком, что и предопределило мой выбор будущей профессии.

Племсовхоз «Оргочор» был расположен в пяти километрах от райцентра Покровка и в тридцати километрах от областного центра города Пржевальск. Почему совхоз был? Да потому, что после развала Союза от него, как и от всех других хозяйств, остались «рожки да ножки». А тогда хозяйство было многоотраслевым, с опытно-селекционным уклоном в разведение овец тонкорунной породы. Если мне не изменяет память, овец было не менее

30 тысяч. Кроме того, имелись молочно–товарная ферма, свиноводник, птичник, сады и пасека. Пахотные земли засеивались зерновыми и кормовыми культурами. Высокопродуктивные породы овец совхоза «Оргочор» были представлены в Москве на ВДНХ.

Иван Михайлович был великим тружеником. Иногда мы не виделись по нескольку дней. Рано утром его уже не было дома, а поздно вечером, когда я ложился спать, его еще не было. Выпускник Алма–атинского зооветеринарного института, заслуженный ветеринарный врач Киргизской ССР, он целиком отдавал себя работе. Киргизы, работники совхоза, говорили о нем: *«Если бы все коммунисты были такими, как Иван Михайлович, мы бы построили коммунизм!»*. Значит, сомнения в части построения коммунизма у них были, вопреки уверениям Хрущева о том, что *«нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме»*.

Да и как не быть этим сомнениям? Моральное разложение в среде партийных и советских руководителей уже тогда, даже на местном уровне имели место. Так визит районных «бонз», коими в основном были представители титульной нации, непременно предусматривал *бешбармак* и пиршество сопровождалось обильными возлияниями спиртного. Эти нравы были чужды Ивану Михайловичу. Районное начальство не любило его за это. Но нет худа без добра. Позже его перевели в столицу г. Фрунзе, в Министерство сельского хозяйства — начальником ветеринарного Управления.

Кстати, моё первое участие в *бешбармаке* связано с тем временем и Огочором. Однажды из Фрунзе в совхоз я ехал в личном москвиче совхозного парторга — вальяжной, ухоженной киргизки. За рулём был её сын — молодой парень. Солнце шло к закату. Мы ехали по южному берегу Иссык—Куля. Неожиданно машина свернула с трассы в киргизский кишлак и подъехала к одному из дворов. Из дома вышли хозяева, произошла теплая встреча с гостями. Через некоторое время сын парторга поставил меня в известность, что придётся здесь заночевать иначе мы обидим хозяина, который намерен готовить *бешбармак*. Пока зарезали барана, пока варили его в огромном котле — наступила ночь. Мы сидели в большой комнате покрытой коврами на специальных узких стёганных матрасах свернув ноги калачиком и пили чай. Вокруг, за нашими спинами лежали подушки для того, чтобы можно было изменить позу и облокотиться на них. И вот, наконец, в больших пиалах (кесе) женщины подали наваристый, необыкновенно вкусный бульон, а хозяин раздал каждому на соответствующей кости по куску мяса, сопровождая раздачу определёнными ритуальными комментариями.

Запивая мясо бульоном, я с трудом осилил свою порцию и шепнул сыну парторга, что я сыт до предела, на что он мне ответил, что это только прелюдия к нашему пиршеству и чтобы не обидеть хозяина надо участвовать во всех стадиях ритуала сопровождающего *бешбармак*. Не знаю, как я выдержал эту «пытку», но в памяти она сохранилась навсегда.

Второй раз в «*бешбармаке*», я участвовал отдыхая в санатории «Голубой Иссык—Куль». Там познакомился с начальником Облводхоза из Пржевальска — интеллигентным киргизом, с которым у нас возникли приятельские отношения. Как–то он известил меня о том, что к нему приезжает жена и по этому поводу она организует *бешбармак*, в числе гостей он хотел бы видеть меня.

Это мероприятие проходило в частном киргизском доме на окраине города Чолпон—Ата, где и располагался наш замечательный санаторий. Жена моего приятеля вела себя скромно, не выпячивала себя, в своём традиционном выступлении желала мужу хорошо отдохнуть и вернуться домой, где его с нетерпением ждут. Всё происходило в соответствии с вековым ритуалом пристойно и благожелательно.

Однако вернёмся в мою юность. Жизнь в совхозе была вполне содержательной. Состав населения — в основном русские. В совхозе была средняя школа, клуб с библиотекой, художественной самодеятельностью и регулярным кинопрокатом. Совхоз в своем штате

имел спортивного работника и экипированную футбольную команду — к слову, в память о футболе у меня остался шрам на брови. Функционировала комсомольская организация.

Однажды, почти по тревоге, комсомольцев и молодежь собрали в конце рабочего дня и попросили срочно разгрузить на пристани Покровка баржу с комбикормом. К разгрузке приступили вечером. С мешками мы спускались в трюм, вручную загружали мешки комбикормом, по трапу поднимались из трюма и выгружали содержимое мешков в грузовые автомашины. Работая, мы подбадривали друг друга шутками, вспоминали строительство узкоколейки, описанное Николаем Островским в книге «Как закалялась сталь». Разгрузку закончили только к утру, едва держась на ногах.

Да, мы были патриотичными и, возможно, наивными, да и сейчас остались в какой-то степени таковыми, но я об этом никогда не жалел!

Другой раз в предальпийской зоне прииссыкулских гор мы заготавливали сено. Траву косили конными косилками, сено в валки собирали конными граблями, затем вилами грузили сено на волокуши (брус с закреплёнными в отверстия ветвями) в кои были запряжены быки и подвозили его к месту будущего стога. Там мы резко разворачивали быка на 180 градусов, волокуша, превращаясь в самосвал с сеном, опрокидывалась. Самым опытным доверялось формирование стога. Вся тонкость была в том, чтобы «увязывать углы» — гарантия устойчивости стога, который достигал 5 метров в высоту. На сенозаготовке мы проработали около месяца. Жили в палатках в окружении уникальной природы с тянь-шаньскими елями, берёзами и рябиной, рядом протекали горные ручьи с хрустально чистой водой. Вскоре, я освоил все навыки заготовки сена. В память об этом времени сохранились несколько фотографий.

Иван Михайлович директорствовал в совхозе, но, как и все жители села, имел подсобное хозяйство: у нас были корова, куры, гуси, две свиньи. В мои обязанности входила ежедневная раздача корма и чистка коровника и свинарника. Кроме того, я «заведовал» ручным молочным сепаратором — обрат шел свиньям, а из сливок мы делали сметану. Самым нудным занятием было вручную на маслобойке сбивать из сливок масло!

Тетя, Лариса Петровна, врач-терапевт, рано утром доила нашу Зорьку и уезжала на попутном автобусе за 5 километров на работу в Покровку — в районную поликлинику. По возвращении ее ждали вечерняя дойка и другие домашние дела. В то время ей было тридцать шесть, и она всё успевала и никогда ни на что не жаловалась. Лишь однажды я увидел в ее глазах слезы: нашу корову Зорьку первой, в качестве примера для частных подворий, погнали в совхозное стадо — так на практике реализовывалась очередная «инновация» Хрущева.

Дядя с тетей были людьми удивительной доброты, этот союз был исключительно позитивным воплощением космического закона *«подобное притягивает подобное»*. Нельзя было не оценить их благородство, обаяние и культуру, честность и трудолюбие — они всегда и везде пользовались уважением окружающих.

Иван Михайлович — происходил из семиреченских казаков и единственный в многодетной семье получил высшее образование. — окончил Алма — Атинский Зооветеринарный институт. Как мог, помогал своим сёстрам и брату. Он никогда не повышал голоса, не употреблял нецензурную брань, но умел настоять на своем, если это было необходимо. У него было замечательное качество, мало того, что он считал своим долгом заботиться о родителях, братьях и сёстрах, он еще и объединял близких и дальних родственников, традиционно, раз в год, собирая в своём доме всех вместе. Эти встречи, во Фрунзе, спланивали нас и оставили память на всю жизнь.

К сожалению, эту традицию не поддержало следующее поколение. Кровные родственники разобщены, а в результате племянники не знают друг друга. Забвение своего рода-племени является одной из причин отсутствия этнической солидарности русских.

Тётя — Лариса Петровна, на мой взгляд, была человеком совершенным. До глубокой старости имела просветленное, благородное чело. Она никогда никого не осуждала, не

выходила из себя, а к житейским невзгодам, относилась с природным юмором, это качество было у нее от отца — Петра Николаевича, которого я знал лично.

Корни Ларисы Петровны в Самаре. По материнской линии она происходила из духовных лиц, а по отцовской — из купеческой среды. Отец Ларисы Петровны — Пётр Алексеевич Степницкий бывший офицер царской армии. Во время гражданской войны штабс-капитаном воевал в армии Колчака. Вместе с армией отступал до Дальнего Востока. Затем раздумал перебираться за кордон, развернулся и инкогнито отправился в Киргизию, к одному из родственников. Там, скрывая свое прошлое, прикинулся «шлангом», со временем обосновался во Фрунзе, работал мелким служащим.

В киргизской столице Лариса Петровна окончила школу, а в 1947 году — медицинский институт. Лариса Петровна была очень образована. Помню в Оргочоре у нас на веранде стоял приемник, который вещал на весь двор. Когда вместо песен советских композиторов звучала классика, я тут же искал другую волну. Тетя заметила это и на примерах популярных произведений классики стала рассказывать мне о композиторах, пояснять, что такое опера, балет, симфония, камерная музыка — вот так, ненавязчиво, она прививала мне интерес к отторгаемому, в силу моей дикости, миру классической музыки.

Как-то она рассказала, что во время войны, будучи студентами, они находились на сельхозработах в десяти километрах от Фрунзе. В это время в городском кинотеатре «Ала—Тоо» шел американский фильм «Большой вальс». Узнав об этом, Лариса Петровна и ее подруга вечером после работы отправились в город, посмотрели фильм и, счастливые, почти к утру вернулись обратно. Я сразу решил для себя — при случае непременно посмотрю этот фильм!

Иссык—Куль... Целые поколения жителей Киргизии, начиная с пионерского возраста проводили лето на его гостеприимных берегах! А вот Н. П. Костомарская, представитель Российской Академии наук в конце 1990-х — начале 2000-х годов побывавшая в Киргизии и на Иссык—Куле для сбора материалов к своей диссертации, утверждала: *«В советское время цивилизованный отдых на Иссык—Куле могли позволить себе лишь избранные, поскольку почти вся собственно курортная инфраструктура сводилась к нескольким санаториям для высшей партийной номенклатуры. Остальные довольствовались «диким отдыхом».*

Чушь и предвзятость! Уже в семидесятые годы все крупные республиканские ведомства имели здесь стационарные пансионаты и пионерские лагеря. Кроме того, в Чолпон—Ате функционировал специализированный детский санаторий, профсоюзные оздоровительные учреждения: санаторий «Голубой Иссык—Куль», курорт «Джеты—Огуз» и дом отдыха «Чолпон—Ата».

Пионерские лагеря, работали в три потока. Помню, свой первый пионерский лагерь геологов в 1952 году. Столовая размещалась в капитальном здании, а жили мы в огромных палатках. Купались вдоволь, загорали, ходили на веслах, стирая ладони до волдырей, присутствовали на выемке рыбаками невода, полного рыбы — незабываемое и счастливое время!

Однажды в лагере появилась съемочная группа «Мосфильма». По словам режиссера, они снимали киножурнал для показа в странах социалистического лагеря. Я был горнистом и по сценарию киножурнал начинался с моего сигнала «подъем» — пионеры дружно выбегали из палаток на зарядку. Нам рассказывали про актёров Мосфильма, интересные истории, происходившие на съемках тех или иных художественных фильмов и про разные киношные приемы. Этот киножурнал, наверное, хранится в архивах «Мосфильма».

На следующий год попал в детский санаторий «Чолпон—Ата». Там мы жили в стационарных палатах. В отличие от пионерского лагеря, в санатории все было регламентировано до абсурда. Купались и загорали голышом и «по науке» — строго по секундомеру, мальчики отдельно, девочки отдельно и в разное время. Загорали по

команде — лечь на живот, на левый бок, на правый, на спину! Нас это смешило и раздражало. В воду почти не пускали, и это было самое обидное.

Когда загорали девочки, мы, несколько мальчишек, подползали поближе и с крутого бархана подглядывали. Но я ничего толком не мог рассмотреть, так как у меня, как оказалось, начала прогрессировать близорукость.

Совхоз «Оргочор» был расположен в нескольких километрах от берега, но прибрежная полоса была болотистой и каменистой, поэтому по выходным мы проводили время на территории курорта «Кой—Сара», располагавшегося неподалеку.

В рабочие будни я, совхозный электрик, на монтерских «когтях» поднимался на опору линии электропередачи и... забывал о работе, очарованный открывающейся панорамой: малиновые поля цветущего эспарцета переходили в нежную голубизну озера, а дальше, за горизонтом водной глади, на другом берегу озера — белые пики снежных гор.

Алма—Ата — с толица Казахстана, 1960 год

Пролетели два года моей работы электриком в совхозе «Оргочор» и вот, я студент, учусь в столице Казахстана Алма—Ате, в одном из красивейших городов Советского Союза. В 1854 году, у подножия живописных снежных гор Заилийского Алатау, царским правительством, был заложен форт Верный, который постепенно превратился из крепости в город Алма — Ата. Алма—Ата в переводе с казахского — «отец яблок». Это название оправдано: в окрестностях города, в предгорной зоне, множество яблоневых садов, а алма—атинский «апорт» величиной с детскую голову — нечто уникальное.

Здесь же всемирно известный высокогорный каток «Медео», горнолыжная база «Чимбулак», международный центр альпинизма и, конечно, маршрут к пику Хан—Тенгри, высота которого 6995 метров над уровнем моря.

Во время вступительных экзаменов в институт, у кинотеатра ТЮЗ, я увидел афишу — «Большой вальс». «Вот он, привет от любимой тети!» — мелькнула мысль.

Тут же приобрел билет на ближайший сеанс. Впечатление после просмотра фильма было необыкновенным! Праздник души, светлый и радостный! Я подошел к кассе и купил билет на следующий сеанс. На одном дыхании посмотрел фильм второй раз.

Успешно сдав вступительные экзамены, съездил в совхоз попрощаться. Состояние было, как в песне: «Вот стою, держу весло — через миг отчалию...». Вот только вернуться в совхоз больше не представилось возможным — мои родственники переехали во Фрунзе, столицу Киргизии. Кстати, если в то время большинство населения в хозяйстве составляли русские, то сейчас русских там нет вообще.

С тех пор и на всю жизнь, в память о любимой тете и студенческой Алма — Ате я остался верен фильму «Большой вальс». Более того, теперь у меня существует своеобразный ритуал: раз в год, зимой, уединиться, поставить кассету с этим фильмом — и снова окунуться в мир прекрасного, а заодно вспомнить «Оргочор», своих родных, студенческую юность.

Дважды подряд один и тот же фильм я смотрел еще только однажды: это была короткометражная картина «Метель» в кинозале «Хроника» который находился рядом с «Ала Тоо». Актеры — блистательная Алла Ларионова, Николай Рыбников и Эраст Гарин. Кстати рядом, на окраине сквера был еще один кинотеатр «Родина». В памяти о нём фильм «Козлёнок за два гроша».

Но вернемся в Алма—Ату, в лето 1960 года, к фильму «Большой вальс» режиссера Жюльена Дювивье, снятому в Голливуде в 1938 году и имевшему оглушительный мировой успех. Милица Корьюс — певица (колоратурное сопрано) и актриса, блестящая исполнительница роли Карлы Доннер. За эту работу она была номинирована на премию

«Оскар». Сколько замечательных эпизодов в этом фильме! Чего стоит сцена раннего утра в Венском лесу, где главные герои фильма в романтической обстановке сочинили мелодию вальса «Сказки Венского леса», и непревзойденное исполнение этого вальса Милицей Корьюс!

Примечательно, что музыку к кинофильму написал композитор Дмитрий Темкин, так же, как и Милица Корьюс, воспитанник русской музыкальной школы. Таким образом, «Большой вальс» — отчасти русский фильм.

Милица Корьюс родилась в Варшаве, в семье офицера кадетского корпуса Артура Корьюса. В Первую мировую войну корпус перевели в Москву, где Мила (православное имя актрисы) поступила в Елизаветинскую гимназию. В связи с переездом родителей, в 1918 году училась в музыкальной школе и пела в церковном хоре в Киеве. С 1927 года — солистка украинской капеллы «Думка». В 1928 году уже в Эстонии, в Таллине, у Милицы появилась возможность осуществить мечту — профессионально изучать вокальное искусство. У нее оказались прекрасные преподаватели — русские интеллигенты, бежавшие из России от революции. Варвара Александровна Мелома, прекрасный пианист и вокалист, в молодости стажировалась в Италии, выступала на оперной сцене. Еще одним учителем был Сергей Иванович Мамонтов, бывший концертмейстер Большого театра в Москве.

Милица вышла замуж за немецкого инженера барона Гуно Фолша и поселилась с ним в Германии, у них родились дочь и два сына. Актриса с успехом дебютировала в Магдебургской, а затем и в Берлинской опере. Там ее заметил продюсер Ирвинг Тальберг и пригласил в Голливуд, где кроме «Большого Вальса» она снялась в еще нескольких фильмах, а затем вернулась в оперу и долгое время была ведущей солисткой Метрополитен — оперы.

Скончалась она на 71 году жизни в окрестностях Лос—Анджелеса. Мать и сестра Милицы Корьюс погибли в блокадном Ленинграде. Последней, из актёров и создателей фильма «Большой вальс», в 2012 году в возрасте 103 лет ушла из жизни Луиза Райнер, сыгравшая роль Польди жены Иоганна Штрауса.

В сентябре, вместо учёбы, нас отправили на сельхозработы. В Алма—Ате был сформирован специальный студенческий эшелон, который двинулся в Северный Казахстан. В пути, вечером, мы отметили свое приобщение к студенческому братству. Пили кубинский ром, популярный в то время. Утром, придя в себя, я тщетно пытался найти источник запаха керосина, пока более опытные ребята объяснили мне, что это моя индивидуальная реакция на ром вчерашнего застолья.

Наша группа сокурсников, человек двадцать пять, попала в Булаевский район, Петропавловской области, почти у границы с Тюменской областью, в небольшую русскую деревню — одно из отделений колхоза или совхоза. Вокруг березовые леса. Жили мы в нескольких вагончиках. Работали на уборке зерновых — кто помощником комбайнера, а кто на зерновом току.

В деревне жил простой и доброжелательный народ. Они подкармливали нас солёными груздями и мёдом, однако нравы были еще те — патриархальные. Когда наша Нина Пушкина, яркая, с копной золотистых волос проходила по деревенской улице в брючном костюме — бабульки плевали ей в след, а женщины неодобрительно шушукались. При этом местная трактористка прицепного комбайна — женщина средних лет, серьезная и обстоятельная, жаловалась на то, что в платье ей работать неудобно и даже опасно. «Но если я надену комбинезон, вся деревня меня осудит!» — добавила она. По её рассказу, однажды подол ее широкой юбки случайно попал в коленчатый вал, и трактористка только чудом не пострадала, оставшись в одних панталонах.

Вскоре мы вернулись в Алма—Ату. Вначале, я жил в общежитии с печным отоплением на восемь человек на «коперника» — которое до революции было конюшней. Здесь, как говорится, на всю оставшуюся жизнь, я приобрел друга — Леню Кротова, человека

необыкновенно доброго нрава и светлой души. После завершения учебы Леня был оставлен на кафедре «Теоретические основы электротехники», где продолжает трудиться и поныне. Через год нас перевели в не менее старое двухэтажное деревянное общежития на территории Центрального парка культуры и отдыха им. Горького, которое когда то было лесной школой.

Парк был огромен и красив! Жить в таком необычном месте было интересно. Заниматься можно было даже на природе. Помню, как два негра, а их тогда нечасто можно было встретить, взяли напрокат лодку. Сидя на берегу озера, я стал наблюдать за ними. Они сели в лодку, отчалили, а затем недоуменно стали обсуждать: зачем им дали два весла? В конечном итоге «лишнее» — за ненадобностью положили на дно лодки, а тот, что сидел на корме, стал привычно управляться одним веслом. Было забавно!

Много воспоминаний связано с нашим общежитием. Приведу одно из них. Вечер. В комнате тишина. Сидя на кроватях и обложившись учебниками, все корпят над курсовыми работами. И вдруг, в этой тишине прозвучало: «Эх, сейчас бы вареников с картошкой замурзанных в сметане!». Я поднял голову. Витя Холодный сидел на кровати отрешенный и было видно, что всеми мыслями он был дома, в Семиречье, в родном Урджаре. Произнёс он эту фразу так, как это принято было у них.

Моя вузовская жизнь, в особенности на первых курсах, была нелегкой. Как и многим, мне пришлось учиться на стипендию. Приходилось подрабатывать на железной дороге разгрузкой саксаула из вагонов.

Вечером, на электрической плитке, мы сами готовили ужин — так было экономней. Часто наш завтрак состоял из ломтя черного хлеба со сливочным маргарином и чая с сахаром. Больше года после окончания института я испытывал стойкую аллергию к чаю, а наличие маргарина в сливочном масле безошибочно определяю до сих пор. Запомнился случай на алма-атинском базаре. Мы с Еркеком Мировым отправились на базар за продуктами. В конце буднего дня выбор был небольшой. Мой приятель подошел к мордастой тетке и жалобным голосом обратился к ней: «Тетенька, мы студенты, продайте нам картошку подешевле!» Тетка нашлась быстро: «Студенты! А потом начальниками станете! Не буду я вам продавать дешевле!».

С другим однокурсником — Амантаем Шишингарином у меня связан другой памятный случай. На производственной практике в Кокчетавской области Казахстана в 1963 году мы набрали в библиотеке всякого чтива. Я обратил внимание на то, что Амантай по вечерам сосредоточенно углубляется в одну из книг. Поинтересовался, что он читает, оказалось — сборник стихов Фета. Я был шокирован! Молодой казах из провинциальной глубинки и увлечен Фетом!

К своему стыду слышать то о поэте я слышал, но вот чтобы читать его стихи... Во мне заговорило любопытство, а возможно, и ущемленное самолюбие. Я тоже ознакомился с творчеством Фета и, с того времени, осталось в памяти его четверостишие:

*Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.*

Как знать, возможно, этот эпизод сыграл не последнюю роль в том, что я — инженер, технар — спустя сорок пять лет издам свой сборник стихов.

Амантай как-то рассказал, что его отца зовут Кенжитаем, а деда — Шишингары. С тех пор в шутку я часто здоровался с ним так: «Приветствую тебя, Амантай, сын Кенжитая, внук Шишингары!». В ответ этот сдержанный и немногословный парень доброжелательно улыбался.

Казахов и русских на нашем факультете было приблизительно поровну. Не помню ни одного конфликта на национальной почве. Комнаты в общежитии были на пять–шесть человек, жили мы, как правило, вперемешку, и теплые чувства ко многим студенческим друзьям–казахам сохранились на всю жизнь. Со мной в комнате жили отличные ребята казахи: Сыдихов Шапих, Мирон Ермек, Сагинтаев Нуралы. В доброй памяти сокурсники: Набиев Жуагашты, Утарбаев Жетыбай, Бисенов, Бисенгалиев, Исламбакиев, Кожин, Кудасов и другие. В памяти наши девочки, а их на курсе из семидесяти студентов было четыре: Галя Кердот, Лариса Шабанова, Вера Тараева, Света Илюшина. Своей неординарностью отличались городские ребята: Виктор Маденко, Николай Горшков, Анатолий Сухотерин, Мишка–татарин (фамилии не помню). Все они, каждый на своём месте и каждый по своему прошли и идут по жизни достойно.

Помню Наташу — студентку геологического факультета Горного института, которую я называл «геологиня». Судьба развела нас, но добрая память о чистой дружбе с этой милой девушкой осталась навсегда. Как то, по моей просьбе, она на листочке записала для меня слова «Шотландской застольной» Баха. С тех пор я с удовольствием слушаю это музыкальное произведение в лучшем, на мой взгляд, исполнении русского баса Максимом Дормидонтовичем Михайловым.

Что касается преподавателей, среди них были те, кого я условно отношу к увядшему поколению «зубров». Они являли собой профессионализм, большой жизненный опыт и высокую культуру. Считаю своим долгом привести несколько имен. Юрий Дмитриевич Зубков, заведующий кафедрой «Теоретические основы электротехники». Нередко, заметив, что мы утомились, прерывал лекцию и для разрядки рассказывал интересные истории из своей жизни времен индустриализации страны. О его эрудиции говорит тот факт, что в двести томов «Библиотеки всемирной литературы», которая начала издаваться в 1968 году, вошло большинство из 100 книг, рекомендованных нам на одной из лекций Юрием Дмитриевичем для прочтения.

В число «зубров» входили наш первый декан факультета Алексей Андреевич Захаров, читавший курс «Станции, сети, системы», наш последний декан Хасан Тасбулатович Тасбулатов — курс «Электрический привод» и другие. В конце тридцатых годов Тасбулатов попал под колесо репрессий, но легко отделался — был отправлен на поселение в Киргизию. Узнав, что я из Киргизии, в шутку, доброжелательно называл меня «киргизом».

Много памятных событий произошло в студенческие годы. Самое значительное — полет Юрия Гагарина в космос. Никогда не забуду тот яркий, солнечный апрельский день 1961 года, энтузиазм и неподдельную радость людей. На мой взгляд, XX век отмечен двумя наиболее значимыми для нашей страны и нашего народа вехами — это День Победы 9 мая 1945 года и полет Юрия Гагарина.

Важным, в студенческие годы, было прочтение рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир». Это был первый звонок к осознанию трагических событий времен культа личности Сталина. Тогда же и вот уже более пятидесяти лет я стал почитателем журнала «Иностранная литература». Сколько замечательных авторов и произведений было подарено мне этим журналом! Последние годы журнал стал посредственным — признак времени, всё к чему прикасаются либералы — чахнет.

В 1963 году на экраны вышел американский боевик «Великолепная семерка» незабываемый фильм, прорыв Голливуда в СССР. Странно, но увлечение в студенческой среде группой «Битлз» не задело меня. Зато творчество Галича, Окуджавы и Владимира Высоцкого сразу и навсегда легло на душу!

В Алма-Ате, у меня появилась уникальная возможность приобщиться и повысить свою театральную и музыкальную культуру. В то время по доступной цене можно было приобрести абонемент на просветительские концерты Казахского государственного симфонического оркестра. Они проходили в осенне–зимний период дважды в месяц.

Каждая встреча с оркестром посвящалась одному из композиторов. На сцену выходил искусствовед, который рассказывал биографические данные композитора и о его творчестве, об истории создания и содержании симфонического произведения, которое затем исполнял оркестр. До сих пор в памяти вечера, посвященные Чайковскому, Глинке, Мусоргскому, Моцарту, Равелю, Листу и другим композиторам.

Появилась привычка регулярно ходить в республиканский оперный театр. Билет на галерку стоил копейки, а когда в театре не было аншлага, после звонка можно было с комфортом расположиться и в партере. Помню замечательного казахского певца — баритона, народного артиста СССР Еркека Серкебаева в «Севильском цирюльнике». Позднее появился тенор, с высокой культурой исполнения, и тоже народный артист СССР Алибек Днишев. И конечно, в душе, в память о Казахстане, Алма — Ате и студенческих годах казахская национальная мелодия «Сары арка — Золотая степь» в исполнении оркестра национальных инструментов.

Студентом, в меру своих скромных возможностей, я начал приобретать пластинки с записями классических произведений, заложив основу фонотеки. В общежитии прослыл меломаном. Помню, в нашу комнату влетел Борис Клаптенко: «Ты слышал, как поет Борис Штоколов?» «Нет?» — «Послушай и запомни! Это второй Шаляпин!»

Борис — высокий, крепкий парень, поступил в институт сразу после службы в Морфлоте и ему особенно было приятно, что Штоколов, в свое время, окончив школу юнг служил на крейсере «Киров». Великий русский бас, народный артист СССР Борис Тимофеевич Штоколов ушел из жизни 6 января 2005 года.

Пролетели пять лет незабываемой студенческой жизни. Дипломный проект я защитил на «отлично». Тема диплома была неординарной, над ней я работал руководствуясь специальной литературой и журнальными статьями. Моим руководителем дипломного проекта был начальник одного из научно-исследовательского и проектного института. Он предложил мне место в своём отделе с тем, чтобы продолжить работу теперь уже над кандидатской диссертацией. Однако от этого заманчивого предложения пришлось отказаться. В Киргизии меня ждала жена Капитолина и годовалая дочь Наташа.

Увы! Первый брак оказался неудачным. Недаром сказано: *«Нет большей бессмыслицы, нежели плющ благоразумия на зелёных ветвях молодости»*.

Что касается диссертации, то «свято место пусто не бывает». Через несколько лет по приезде в Алма—Ату я традиционно навестил свой институт и на профильной кафедре встретился с молодым сотрудником — Иваном Подгорным — инженером предыдущего выпуска. Он сообщил, что защитился по моей теме, листал мой дипломный проект.

Тогда же я поехал в Центральный парк им. Горького навестить свой студенческий дом, но меня ждало разочарование! Наше старое, дореволюционной постройки общежитие исчезло — на его месте была разбита прямоугольная цветочная клумба. Оставалось сесть на скамейку, предаться воспоминаниям и погрузиться.

Фрунзе — с толица Киргизии, 1965 год

После окончания института в 1965 году я вернулся в Киргизию. Свою производственную деятельность начал мастером в Чуйском предприятии эл. сетей «Киргизглавэнерго», Минэнерго СССР.

Город Фрунзе (ранее Пишпек) — ныне Бишкек, расположен в центральной части Чуйской долины у северного подножия Киргизского хребта. Город был назван в честь М. В. Фрунзе (1885–1925) — революционера, советского государственного и военного деятеля, крупного военачальника Красной армии во время гражданской войны, который родился в Пишпеке. Бишкек в переводе на русский язык — мутовка для взбалтывания

кумыса. В 1825 году на территории современного Бишкека возникла крепость Пишпек, построенная по приказу Кокандского хана. Через 37 лет ее захватили русские войска, было основано поселение, которое в 1878 году получило статус уездного города. В 1887 году в нем насчитывалось всего 6,6 тысячи жителей.

В конце XIX века, в Киргизии, как и повсюду в Средней Азии и Казахстане наши предки, как я уже отмечал, селились всерьез и надолго. Гарантией служила мощь Российской империи, закрепившей к тому времени свое присутствие в Туркестане. Вот и потянулись многолюдные обозы из Малороссии, Центральной России и с Урала. Путь был долгим и опасным. К горькому сожалению, мы, русские, мало помним своих предков — первых переселенцев, тех, кто заложил основы цивилизации в регионе с патриархально-феодалным уровнем развития, а ведь известно: «Кто не знает своего прошлого, у того нет будущего». Революция до нуля низвела заслуги и роль инициативных русских людей, потом и кровью создавших в Киргизии города и поселки, горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение. Все стало не в счет! Одних отнесли к «кулакам», других — к иным классовым врагам советской власти. К этой же категории были отнесены и так называемые «бай-манапские элементы», выступившие против реорганизационных мероприятий советской власти. Коллективизация, в конечном итоге, приводила к отчуждению экономической базы манапов, которые являлись представителями традиционной киргизской аристократии. По свидетельству крупнейшего исследователя Средней Азии академика В. Бартольда, манапами у киргизов становились «люди, выделявшиеся храбростью и мудростью...». Но, как говорить: «В семье не без урода», восстание в 1916 году было возглавлено частью манапов — политических авантюристов.

Киргизская аристократия и русские переселенцы пытались защищаться от большевиков. Советская история отметила имевшие место в 1918–1922 годах мятежи «кулаков» в Оше, Джалал—Абаде, Таласе, Тюпе, Нарыне, в Куршабской, Базар—Коргонской и Кегартской волостях. Упоминается в ней деятельность и ликвидация в 1920 году «Крестьянской армии». Канули в Лету имена недоуменных людей, которых уничтожали во имя «светлого будущего». Не было, да теперь уже никогда и не будет им памятников. А те, которые они создали великим трудом и терпением города и села — начали переименовывать уже в советские времена. С развалом Советского Союза активность по переименованию приняла необратимый характер.

Сегодня в Киргизии нет ни одного города с русским названием. Исчезли Фрунзе, Пржевальск (основан русскими переселенцами в 1869 году), Рыбачье. Взамен появились Бишкек, Каракол, Балыкчи. Что уж говорить о малых населенных пунктах: Успеновка, Ильичевка, Архангельское, Люблинка, Долинка, Ивановка, Лихтенфельд, Григорьевка, Покровка, Семёновка, Светлая поляна и десятки других, теперь, все они носят киргизские названия.

Об этом отрывок из стихотворения «Русская Троя» Вячеслава Шаповалова — крупнейшего русского поэта Центральной Азии, доктора наук, академика:

*Гора ушла вершиной в высь туманную,
Стоит луна над Светлою Поляною,
А деревенька девичьи нежна.
Услышь: Долинка, Липенка, Отрадное,
Орлиновка, Раздольное, Прохладное —
Давали деды селам имена.
Сёл имена, что строились не наскоро,
Звучат они разборчиво и ласково,
Единый свет Евангелья славянского!
Всё умирает прошлым становясь.*

*Пустеют шляхи, некогда стоустые,
О Азия! — пустеют сёла русские,
Основанные предками давно.*

Будучи в Бишкеке в 2009 году, после более чем двадцатилетнего отсутствия, мне удалось познакомиться и побеседовать с этим замечательным человеком. В память о нашей встрече Вячеслав Шаповалов подарил мне двухтомник своих стихов.

Моя производственная деятельность совпала со временем (с 1961 по 1985 год) пребывания на посту первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Турдакуна Усубалиевича Усубалиева. У меня, простого гражданина, в душе к нему и о том времени сохранились самые тёплые впечатления. Усубалиев начинал он свою долгую и плодотворную карьеру сельским учителем в родном селе Кочкорка в 60 километрах от г. Рыбачье в сторону г. Нарына. Мне пришлось как-то три недели быть в командировке в этом райцентре во время монтажа электроподстанции.

За время его работы секретарем ЦК, в республике было построено более 180 крупнейших промышленных предприятий, ГЭС, театры, музеи, объекты социальной сферы. Это было время созидания, а не застоя, как это клеветают нынешние российские либералы, по своему менталитету относящиеся к сфере словоблудия и всегда далёкие от реальных дел. В те годы, мы, производственники, застоя не чувствовали — постоянная напряженная работа была нашим образом жизни. Такая же обстановка была характерна и для сельского хозяйства тех лет, где специалистами работали мои родственники и братья.

На дискредитацию брежневского периода и лично Л. И. Брежнева либералы обрушили всю мощь СМИ и шоу бизнеса, которые юродствовали, как только могли. А причина на поверхности — проходят десятилетия, но ничего позитивного олигархо-бюрократический капитализм так и не превознёс ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве, ни в социальной сфере, образовании или медицине. Россия так и не достигла экономического уровня Советского Союза, а социальные достижения того времени либеральной властью не достижимы в принципе. Не случайно, великий русский мыслитель и патриот своей страны Александр Зиновьев, ради справедливости, выступил с резким протестом против фальсификации того периода времени.

Представляю, каково было Турдакуну Усубалиеву, в пожилом возрасте, после развала СССР, быть свидетелем тотального разрушения промышленности и сельского хозяйства республики, слепо последовавшей за экономическими «реформами» России.

Воспоминания о Т. Усубалиеве у меня связаны с двумя конкретными случаями. Первый произошел в 1975 году при пуске в эксплуатацию насосной станции «Тепке» на Иссык—Куле, неподалеку от Пржевальска. Насосная станция предназначалась для орошения сельхозугодий. Разрезали красную ленточку, Турдакун Усубалиевич нажал условную кнопку, в этот момент были запущены насосные агрегаты — пуск состоялся! Затем митинг, пресса — все, как положено.

По этому поводу мы, монтажники и строители, были приглашены на «той» — праздничный ужин в ближайшем колхозе. Наша бригада, человек восемь, выехала в колхоз на своём небольшом автобусе в составе автоколонны. Я выглянул из окна нашего автомобиля, увидел вереницу автомашин, и меня охватило беспокойство: как можно накормить столько людей? Оказалось можно!

Все было организовано четко. В колхозе нас уже ждали и, уточнив из какой мы организации, направили к конкретному двору. Доброжелательный хозяин и домочадцы проводили нас в дом. Внутри была идеальная чистота. Мы разулись, прошли в зал. Мебели, по киргизскому обычаю было мало, зато на полу, покрытом ковром, вдоль стены были сложены множество цветных стеганых матрасов и одеял. Расселись на полу на специальные для таких случаев матрасах, свернув по азиатски ноги калачиком. В углу стоял ящик водки. Женщины подали бешбармак. После «тоя» каждый из нас, как

говорится, был «сыт, пьян и нос в табаке». Впрочем, злоупотреблявших спиртным среди нас — инженеров наладчиков не было. По принятому национальному обычаю, с собой нам дали вареного мяса, которым мы питались еще два дня, завершая мелкие недоделки на объекте.

Второй случай встречи с Т. Усубалиевым относится к 1984 году. Заместитель начальника «Киргизглавэнерго» Петр Иванович Зевин, управляющий трестом «Киргизэлектросетьстрой» Анатолий Иванович Басков и я — начальник технического отдела треста, как-то выехали на один из объектов электросетевого строительства в район города Токтогул и Токтогульской ГЭС на реке Нарын.

Стояло жаркое лето. По высокогорной дороге Фрунзе — Ош нам предстояло к вечеру доехать до Токтогула, переночевать в ведомственной гостинице ГЭС, а на следующее утро выехать на объект. Мои старшие коллеги не торопились. Иногда позволительно дать себе отдых хотя бы в дороге. Мы проехали часть Чуйской долины на запад, свернули налево и через предгорную Сосновку углубились в горы. Дорога зигзагами шла круто вверх — к перевалу Тюз—Ашуу (3600м).

В живописном месте на берегу горного ручья мы сделали первый привал, расстелив «скатерть» с неприхотливой снедью. Приятно было умыться студеной водой и спокойно оглядеться вокруг. Нас окружала первозданная красота: скалы, свежая зеленая трава, голубое небо, прохлада — другой мир, без суеты и проблем.

Поднявшись на перевал, вышли размяться. Внизу, как на карте расстилалась живописная высокогорная Сусамырская долина с одноименной рекой, оправленная вершинами гор, покрытых вечными снегами, с ущельями и нитями небольших речек — зрелище необыкновенное. Затем дорога пошла вниз по ущелью, и вскоре слева забурилась река Чичкан. Мы сделали еще пару привалов в живописных местах. К исходу дня подъехали к Токтогульскому водохранилищу. Дорога ушла влево по склону бывшего ущелья вдоль водохранилища, а мы поехали прямо по старой дороге и подъехали к кромке воды — старая асфальтированная дорога уходила на дно водохранилища в царство местного Нептуна. Разделись, искупались, смыв с себя дорожную пыль.

Вечером устроились в небольшой уютной пустой ведомственной гостинице. Мои попутчики расположились в большой комнате с выходом на балкон, а я в маленькой спальне. Поужинали, приготовили цивильную одежду на завтра — брюки, рубашки, обувь, сняли дорожную — спортивные костюмы, кроссовки и легли спать. Ночью сквозь сон я почувствовал тягостное беспокойство, пытался открыть глаза, но не смог. Утром стало ясно — исчезла наша цивильная одежда и некоторые вещи, которые умыкнули через открытый балкон, проходивший вдоль всех номеров второго этажа. Хорошо, что хоть осталась спортивная одежда!

Не успели мы толком прийти в себя, как появилась администратор и взволнованным голосом, извинившись перед нами, предложила срочно покинуть гостиницу — к Токтогулу подъезжал Усубалиев и сопровождающие его лица с намерением остановиться в нашей гостинице. На сборы было не более пятнадцати минут.

Наскоро собравшись, мы спустились на первый этаж и вошли в крытый переход между спальным и административным корпусами. Навстречу шли люди. В числе первых шел человек среднего роста, в очках, с умным, внимательным взглядом. Петр Иванович Зевин, высокий (в своё время играл в баскетбол), в спортивном костюме, разбитых кроссовках, поравнявшись с этим человеком, сорвал с головы белую полотняную кепку и бодро произнес: «Здравствуйте, Турдакун Усубалиевич!». Усубалиев, а это был он, приостановился и удивленно ответил: «Здравствуйте!». Следом шел Анатолий Иванович Басков «Здравствуйте, Турдакун Усубалиевич!» — поздоровался он. «Здравствуйте!» — последовал не менее удивленный ответ. Я замыкал шествие и просто сказал: «Здравствуйте!» — ранее у меня не было повода назвать Усубалиева по имени-отчеству, а с первого раза могло и не получиться. Турдакун Усубалиевич ответил: «Здравствуйте!».

Петр Иванович и Анатолий Иванович были лично знакомы с Усубалиевым, но в таком «прикиде» они предстали перед ним впервые, что и вызвало его удивление и недоумение.

В этой истории примечательно то, в какой благополучной стране мы жили, если служба безопасности и личная охрана первого секретаря ЦК КПСС Киргизии играли номинальную роль. Сейчас... каждый «прыщ» областного масштаба и тот под охраной от своего народа!

Вспоминаю и ещё один случай подобного благополучия нашей бывшей страны. В тот раз, возвращаясь из командировки в Ригу, я прилетел в Москву простуженный и больной. В Домодедово взял билет на Фрунзе и в зале ожидания рухнул в кресло.

То и дело меня знобило или бросало в жар, а тут еще на Фрунзе объявили задержку рейса. Так в полубредовом состоянии прошли сутки, затем вторые и лишь на третьи объявили посадку в самолёт и мы благополучно взлетели. В самолёте я уже чувствовал себя более — менее прилично, кризис миновал. Нас покормили и я снова заснул. Однако через два с половиной часа лёта от благодушного состояния не осталось и следа. Оказалось, что из-за тумана в аэропорту «Манас» во Фрунзе, нас сажают в Ташкенте с неопределённой перспективой. Кстати, старый ташкентский аэропорт, тесный и коррумпированный пользовался дурной славой.

Наш новенький «Манас» в 30 км. от города, принимавший все классы самолётов был сдан в эксплуатацию недавно. Параллельно работал городской аэропорт, который не принимал турбореактивные ТУ — 154, но принимал ИЛ-18 и там, как неосторожно признались стюардессы, тумана не было. Пассажиры в салоне дружно зароптали: почему нас не отправили из Москвы на ИЛ-18? Москве лишь бы избавиться от нас?

Чем ближе мы подлетали к Ташкенту тем решительней обозначилась линия поведения большинства: в Ташкенте из самолёта не выходить, пока нас не пересадят в ИЛ — 18. Тут же, стихийно возник митинг и сформировался актив, куда окончательно выздоровевший вошел и я. Возглавила актив, молодой учёный, кандидат наук, сотрудник ВНИИКАМСа (Всесоюзный научно-исследовательский институт комплексной автоматизации мелиоративных систем) по имени Елена — фамилии к сожалению не помню. Мой сосед восхищенно смотрел на Елену — активную, с зажигательной речью и репликами и, невольно произнёс:

— Делакруа. Свобода на баррикадах! — но тут объявили посадку и жена вернула его на землю, — Саша, готовь ручную кладь — выходим!

Мы приземлились. На лётном поле стояли несколько желанных для нас ИЛ-18. В салоне осталось две трети пассажиров, в том числе многие с детьми. Седеющий командир, покидая с экипажем лайнер, заметил вслух:

— В моей практике это первый случай!

Прошло минут сорок. Вскоре в сопровождении двух офицеров милиции появился начальник аэропорта. Они прошли в салон, обратили внимание на благопристойную обстановку, выслушал возмущения и аргументы измученных, а некоторых уже и безденежных пассажиров. Начальник аэропорта пытался «давить» на нас, но ничего не добился. Спустившись с трапа он стал орать на старшего офицера:

— Принимай меры! Вызывай наряд! Освободи самолёт!

Тот в свою очередь стал орать на него:

— Какой наряд! Люди ведут себя спокойно, измучены, а у тебя в зале ожидания даже места на полу нет! Вон ИЛ-18 на поле стоят — помоги им!

Стало темнеть. Мы скинулись и отправили двоих в аэровокзал купить пирожков, воды, лимонад. Вернувшись в самолёт они рассказали: в аэропорту зал ожидания переполнен, духота, люди лежат и сидят на полу. Это сообщение еще больше укрепило нашу решимость стоять до конца. И тут, подъезжает автобус и нам предлагают переместиться в ИЛ-18, стоящий метрах в трёхстах. Чтобы проверить правдоподобность этой благой вести в автобус сели только женщины и дети. Тот подкатил в ИЛу и они, к нашей радости, стали подниматься по трапу в самолёт. Вскоре на борт поднялись все остальные, а через сорок

пять минут лёта мы были во Фрунзе. А теперь давайте экстраполируем эти события на современную действительность: это ОМОН, арест, возможно обвинение в терроризме, судебное разбирательство, а нам с Еленой «век воли не видать».

Я отвлёкся, однако хочу пригласить читателя к краткой истории развития Советской Киргизии. Первоочередной задачей советской власти была подготовка образованных кадров. На базе Киргизского института народного просвещения в 1928 году создаётся педагогический техникум (директор П. К. Юдахин). Среди первых его учеников были А. Молдыбаев, Г. Айтиев, К. Джантошев, М. Элебаев, К. Маликов, Дж. Боконбаев,

А. Осмонов. Все они в дальнейшем сыграли большую роль в культурной жизни республики. Усилиями РСФСР и русских кадров в Киргизии стремительно развивалось высшее образование. В 1939 году во Фрунзе открылся медицинский институт, а в годы Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией в Киргизию ряда научных учреждений АН СССР и вузов, когда объем исследований резко возрос, в 1943 году был создан Киргизский филиал АН СССР, который долгое время возглавлял академик К. И. Скрябин. Русские ученые были основателями и руководителями всех научных отделений Академии наук.

В 1944 году открылся сельскохозяйственный институт, в 1951-м — Государственный университет и Ошский государственный педагогический институт, в 1952-м — Фрунзенский политехнический институт, в 1954 году — национальная Академия наук. На этапе становления все учебные заведения в республике комплектовались преподавателями из России. То есть в советское время в республику приезжали уже не крестьяне, туда направлялись учёные, педагоги, учителя, врачи, инженеры, высококвалифицированные рабочие.

И вот уже появились государственный театр оперы и балета, киргизский и русский драматические театры, республиканская библиотека, филармония, институт искусств, музыкальные и общеобразовательные школы, печать, радиовещание и телевидение.

Развивалась промышленность строительных материалов, горнорудная, электро и гидроэнергетика — каскады ГЭС на реке Нарын, легкая и пищевая промышленность, машиностроение и металлообработка. Строились водохранилища и оросительные каналы. По соответствующим квотам киргизам — выпускникам средних школ была предоставлена возможность учиться в вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Риги и других крупных городов Союза.

Каким образом республика, где кочевой народ перешел к оседлости только в конце 1930-х годов, а безграмотность среди взрослого населения была ликвидирована лишь к началу 1941 года, добилась таких успехов? Объяснение простое. Киргизам не пришлось проходить долгий исторический путь из феодализма для того, чтобы приобщиться к цивилизации. В этом им помогла Россия и русские. Начиная с того времени, как Киргизия вошла в состав России, появилась возможность вовлечения Киргизии в сферу русского языка и русской культуры, развития национальной культуры, образования и науки.

В первых исследованиях природных богатств Киргизии участвовали П. П. Семенов—Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, Н. А. Северцов, И. В. Мушкетов, А. П. Федченко, А. Н. Краснов и другие. После установления советской власти исследования продолжились. С 1928 года в Киргизию ежегодно направлялись экспедиции, велись важные для республики работы в области животноводства и пастбищного хозяйства, ихтиофауны озера Иссык—Куль, физической и экономической географии (Б. А. Лунин и др.). А в 1930 году для подъема сельского хозяйства из России прибыли первые «двадцатипяти тысячники».

Большой вклад в архитектуру республики внесли А. А. Градов, В. И. Ненароков, В. П. Шерстнев, Е. Г. Писарской, В. Е. Нусов, Г. П. Кутателадзе, В. В. Лузенко и другие.

В становлении изобразительного искусства большую роль сыграли живописцы: В. В. Образцов, С. А. Чуйков и приехавшие сюда в 1930-е годы живописцы И. П. Гальченко, А. И. Игнатъев, скульптор О. М. Мануилова.

В области профессиональной киргизской музыки работали композиторы В. А. Власов, В. Г. Фере, М. Р. Раухвергер, Н. Р. Раков и другие. Возникновению профессионального киргизского театра предшествовала деятельность организованной в 1926 году музыкально-драматической студии под руководством Н. Н. Еленина, в которой сформировалось искусство первых киргизских актеров. Основы кинематографии закладывались режиссерами Ю. Герштейном, Б. Новиковым, А. Видугирисом, И. Моргачевым, Г. Дегальцевым, И. Гореликом и другими. Первый художественный фильм «Салтанат» был снят режиссером В. П. Прониным на «Мосфильме» в 1955 году.

Продолжая разговор о роли русских в возрождении Киргизии, хочу дополнить подробностями только несколько фамилий среди сотен и тысяч благородных людей, в том числе отмеченных выше, чуждых конформизма и отдавших свои выдающиеся способности Киргизии.

Фетисов Алексей Михайлович . В начале 70-х годов, после окончания училища садоводства в Крыму был направлен в Верный для работы в Алмаатинском казённом саду. Занимался изучением флоры Семиречья. В 1879 году от Петербургского географического общества отправляется с экспедицией по Туркестану. Прибыв в Пишпек, остаётся там навсегда, где и проявились его деятельность и талант. В 1881 году он закладывает сад — питомник Карагачёвую рощу (карагач — порода дерева) для разведения плодовых и декоративных насаждений. Организует школу садоводства, пропагандирует передовые приёмы обработки земель.

Алексей Михайлович внёс определяющий вклад в озеленение Пишпека. По его инициативе и активном участии, кроме Карагачёвой рощи, заложенной в 1881 году, в 1898 был посажен дубовый парк, а в 1902 заложили центральный городской бульвар, в дальнейшем проспект Дзержинского, переименованный в Эркиндик. Проспект красив и уникален — его ширина 105 метров.

Интересна судьба чешского промыслового кооператива «Интергельпо» созданного во Фрунзе в 1925 году. В ответ на обращение В. И. Ленина к международному пролетариату, рабочие — коммунисты г. Жилина в составе 1317 семей с оборудованием, механизмами, инвентарём и инструментом прибыли во Фрунзе.

Они начали со строительства рабочего посёлка и объектов первой необходимости. Уже в конце 1925 года были сданы в эксплуатацию центральные мастерские, кирпичный завод и лесопилка, в дальнейшем они принимали участие в строительстве Чуйской оросительной системы, Кантского сахарного завода, мясоконсервного комбината, суконной фабрики, кожевенного завода и других предприятий.

Строители «Интергельпо» возводили первые капитальные сооружения города: здание ЦИКа, гостиницу, больницу. Были открыты первые детские сады и родильный дом. Вошла в строй небольшая Малая Аламединская ГЭС мощностью 410 кВт, и на городских улицах установили 120 электрических фонарей. В 1930 году «Интергельпо» посетила делегация ЦК КПЧ во главе с Юлиусом Фучеком. Тем самым публицистом Фучеком, казнённым в 1942 году в Берлинской тюрьме, который написал в фашистском застенке «Репортаж с петлёй на шее» с вечно живым призывом: «Люди, будьте бдительны! Я любил вас!». Имя Ю. Фучека присвоено парку, заложенному интергельповцами, его имя носит одна из улиц города.

Из среды чешских интернационалистов выросли и другие известные люди. Среди них руководитель «пражской весны» Александр Дубчек. В шестидесятые годы он возглавил демократические преобразования в Чехословакии. Боривой Маречек — альпинист и основоположник горного туризма в Киргизии, боец армии генерала Людвиг Свободы. Владимир Рацек — альпинист, географ и военный топограф, распутавший

географическую загадку самого высокогорного узла Киргизии — массива Хан—Тенгри. Как мы видим в советское время столица Киргизии г. Фрунзе, как и вся республика, были многонациональны и интернациональны.

Подробнее остановлюсь на энергетике, близкой мне отрасли. Интересный факт: в 1910 году один из владельцев мельницы в селе Ивановка, Чибисов, добрался до Парижа и купил динамо-машину, которая до 1937 года освещала мельницу и ближайшие дома. Первые небольшие электрические станции в Киргизии появились уже в 1913–1914 годах в городах Оше, Пишпек, Пржевальске и на угольном руднике «Кызыл—Кия». Их общая электрическая мощность составляла 265 кВт. В 1915 году было создано Управление по орошению Чуйской долины, которое возводило многие энергообъекты. Ими руководили: В. А. Васильев, Н. И. Хрусталева. В советское время мелиоративные работы осуществляло строительное управление «Чустрой». В 1932 году на объектах было занято до 6 тысяч человек.

Свидетелем строительства Чумышской плотины, Большого Чуйского канала и других объектов был инженер и писатель Андрей Платонов. В 1927 году Андрей Платонов был командирован в Пишпек из Москвы. Образы героических строителей новой жизни в своих книгах «Котлован» и «Чевенгур» писатель видел среди покорителей реки Чу, в том числе, в начальнике «Чустроя» А. С. Урываеве, в главном инженере С. В. Семёнове, в руководителе изыскательных работ К. Л. Болдыреве. Они стояли у истоков энергетики, ирригации и гидростроения Киргизии. Ещё несколько слов о мелиорации Киргизии. До развала Союза, в Киргизии, в единственной республике СССР, в мелиорации был сосредоточен передовой научный и проектно — конструкторский потенциал: ВНИИКАМС и ПКТИ «одавтоматика». А так же монтажно-наладочный трест «Средазавоавтоматика». Совместными усилиями науки, конструкторов, монтажников и наладчиков, трест, через свои подразделения, внедрял научно-технический прогресс на многих объектах Средней Азии и Казахстана. Так в Киргизии и не только, распределение воды на орошение из крупных оросительных каналов (Большой Чуйский канал, канал Туш и других.) осуществлялось дистанционно с помощью телемеханики. Многие плотины и водозаборы, к примеру — Чумышский гидроузел, были автоматизированы.

Из Чехословакии мы получали станции управления «Интерсигма», позволявшие автоматизировать орошение сельхозугодий российской поливной техникой: «Фрегат», «Роса», «Волжанка» и т. п. Началось активное внедрение капельного орошения.

Где всё это сейчас? С капельным орошением понятно — оно в Израиле, а всё прочее? А всё прочее, там же где сельское хозяйство России, в!

В этой системе я проработал более десяти лет. В памяти мои коллеги и друзья, руководители треста и инженеры: Борис Халтурин, Михаил Лернер, Павел Вершинин, Виталий Попов, Владимир Шумихин, Владимир Кутепов, Александр Апанасенко, Михаил Широков, Владимир Паников, Юрий Костенко, Виталий Шепель, Рафаэль Абдрашитов и другие.

Борис Николаевич Халтурин — земля ему пухом, в мою бытность работал главным инженером треста Умнейший человек, с необыкновенным чувством юмора, он пришел к нам из науки. Однажды летом он с семьёй отдыхал на южном берегу Иссык—Куля и, как оказалось, готовил в Москву какие-то материалы. В указанный срок меня отправили за ними. В пансионате я застал его в коттедже за письменным столом. Он предложил мне пойти на пляж, а сам заканчивал работу. Часа через два я вернулся, но он продолжал работать. Вскоре, шмыгая носом, появился сын Бориса Николаевича.

Было ему годика четыре — пять.

— Папа! — заявил он — Мы с Вовкой решили пойти в поход, в горы! — заявил он ему. Рыжий Вовка — ровесник сына стоял за открытой дверью.

— Возьмите с собой продукты! — не отрываясь от работы, неожиданно посоветовал Борис Николаевич. Сын повёл глазами, заметил пустой рюкзак и стал складывать туда помидоры, огурцы, хлеб.

— Консервы не забудьте! — не поворачивая головы, заметил Владимир Николаевич. Тот положил в рюкзак две банки консервов, надел рюкзак, который был ему до пят и был таков. Я заёрзал на диване. Холмистое предгорье выжженное солнцем начиналось буквально рядом. Жара, змеи, да и заблудиться не мудрено! На мой характер этот поход я решительно пресёк бы на корню. Конечно, ребёнок был бы расстроен, начались бы слёзы, но... Минут через двадцать распахнулась дверь. «Блудный сын» вбежал в комнату и сбросил с плеч рюкзак на пол:

— Пап! Я с Вовкой на пляж, к маме!

— Хорошо, передай ей — я скоро буду! — не меняя позы ответил Борис Николаевич.

С распадом Союза ВНИИКАМС, ПКТИ «Водавтоматика» и монтажно — наладочный трест канули в лету, оборудование на водных объектах Киргизии было разграблено и вывезено в качестве металлолома в Китай.

В России 22 декабря 1920 года был принят план ГОЭЛРО. Эта дата для нас — людей причастных к энергетике является профессиональным праздником. Импульсом развития энергетики Киргизии послужило создание в феврале 1920 года Туркестанской группы в составе Государственной комиссии по составлению плана электрификации России (ГОЭЛРО). У истоков большой энергетики Киргизии стояли: Г. К. Горьковой, М. С. Макульский, В. Д. Тяжлов, Б. И. Никитин, В. С. Евграфов, Х. Х. Каипов, С. Г. Ахонин.

К 1928 году суммарная мощность электростанций составляла 540 киловатт. Тогда же русскими специалистами были пущены в эксплуатацию первый радиоузел и первая турбина Аламединской ГЭС. К развалу СССР энергосистема Киргизии была представлена 19 электростанциями общей мощностью более 3,5 миллионов киловатт. В систему включены 17 ГЭС (гидроэлектростанций) и 2 ТЭЦ (тепловые электростанции), связанные между собой и выдающие мощность потребителям по линиям электропередачи протяженностью более 72 тысяч километров.

Для меня, живущего в России, всегда будут дороги мои наставники и коллеги Чуйского предприятия электрических сетей и треста «Киргизэлектросетьстрой» во Фрунзе, где я проработал пятнадцать лет. Уважаемые и заслуженные люди: Сергей Иванович Шутьпин — директор предприятия, Владимир Алексеевич Салмин — главный инженер, Иван Кириллович Елтышев — замдиректора, Марат Бадриевич Валиев — начальник службы подстанции. Кстати, у нас, в химлаборатории работала сестра Чингиза Айтматова — молодая, трудолюбивая, скромная женщина.

Навсегда в памяти упомянутый уже мною Петр Иванович Зевин — управляющий трестом «Сельэлектро», а затем зам. начальника «Киргизглавэнерго», в 1953 году по распределению попавший в Киргизию после окончания вуза из Мелитополя.

Работники, на всю жизнь оставшиеся в памяти, замечательного коллектива — треста «Киргизэлектросетьстрой»: Анатолий Владимирович Басков — управляющий, Анатолий Андреевич Выдра — главный инженер, неординарная личность, человек большой эрудиции, собравший огромную библиотеку, мой старший друг и однокашник Петра Зевина. Василий Степанович Якуба — зам. управляющего по экономике — благородной души человек и другие. Почти все они, к горькому сожалению уже ушли в мир иной. Земля им пухом!

Историю энергетики Киргизии и в частности треста «Киргизэлектросетьстрой» отразил в своей книге: «От «кара чырака» к «лампочке Ильича» (кара-чырак — сосуд наполненный жиром со вставленным фитилём), один из бывших управляющих трестом Жапаркул Токтоналиев. В начале книги он отдал дань русским специалистам, которые стояли у истоков электрификации Киргизии, но затем основной акцент сделал на

национальные кадры — выпускниках Фрунзенского политехнического института, которые появились в 60-х годах. Получалось, что эта горстка выпускников обеспечивала развитие и жизнедеятельность энергетики Киргизии. На самом деле, до развала СССР и ещё многие годы, большинство технических кадров составляли русские, а вот русских руководителей почти не осталось.

Пётр Иванович Зевин — заместитель начальника «Киргизглавэнерго», на «второй день» после достижения пенсионного возраста был уволен со своей должности, Анатолий Владимирович Басков — управляющий трестом «Киргизэлектросетьстрой», в предпенсионном возрасте был снят с работы по формальному признаку (что сравни наплевать в душу). Этот процесс повального замещения русских руководителей киргизами, и не только в энергетике, становился нормой.

Свои воспоминания о жизни и 47 годах работы в системе треста «Киргизэлектросетьстрой», на девятом десятке жизни, в рукописи, успел изложить в 2013 году Анатолий Андреевич Выдра. По его признанию, не последнюю роль в этом сыграла моя настоятельная просьба заняться этим. Его воспоминания, это гимн Человеку труда — инженерам и рабочим верным своей профессии и долгу.

А вот как он попал в Киргизию: *«В июне 1953 года я окончил Мелитопольский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Получил красный диплом и квалификацию инженер-электрик. Из 70 человек, окончивших наш факультет, 30 должны были по распределению ехать на работу в Среднюю Азию. Однако ехать вдаль и неизвестность никто не хотел.*

У меня была привилегия (красный диплом): выбор по моему усмотрению, однако я поступил иначе. Сгитировал ребят: Петра Зевина, Андрея Плешкова и Николая Коротича — выбрали для работы Киргизию. Во Фрунзе, в тресте «Кирсельэлектро» нас направили в областные мехколонны прорабами: меня в Джалал Абад, Петра Зевина в Ош, Андрея Плешкова в Нарын, Николая Коротича в Пржевальск».

Анатолий Андреевич — человек честный и принципиальный, с независимым, а порой и строптивым характером и только поэтому не сделал большую карьеру. Впрочем, вопреки всему, у него были и награды: Орден Трудового Красного знамени, грамоты Верховного Совета Киргизской ССР, почётный знаки «Отличник энергетики и электрификации СССР», «50, 60, 70 лет — ГОЭЛРО» и другие.

В электросетевом строительстве он последовательно прошел путь от прораба до главного инженера треста «Киргизэлектросетьстрой». На этом пути, по его воспоминаниям, больше всего проблем исходило от партийных боссов: самодурство, волюнтаризм, некомпетентность и несправедливость были чертой большинства из них. Человек благородный, главное что он вынес из жизни, это благодарную память о людях, которые преодолевая все трудности, шли рядом с ним по жизни. Это, прежде всего, его одноклассник Пётр Иванович Зевин — Пётр Великий, — так, в шутку, за рост метр девяносто называл его начальник «Киргизглавэнерго» С. Г. Ахонин.

Работая управляющим трестом «Киргизэлектросетьстрой» Пётр Иванович вывел коллектив в передовые в системе Минэнерго СССР. О нём знали в ЦК и Совмине Киргизии, но он всегда оставался скромным человеком. Вот уж чего не хватало большинству начальников различного ранга из числа титульной нации.

С большой теплотой Анатолий Андреевич вспоминает мастеров, прорабов, рабочих — электролинейщиков, всех с кем свела его судьба в Джалал-Абадской мехколонне: Ласкин, Хренов, Хижняк, Бондаренко, Чалый, Мураев, Апанаев, Брюховицкий, Гаврилов, Ирбицкий и многих других. Руководителей и инженерно-технических работников треста «Киргизэлектросетьстрой»: Баскова, Якуба, Арецкого, Фесенко, Парамонова, Пустовит, Чердынцевых, Агаркова, Малину, Горина, Лесникову, Ряскова, Гудзенко, Доолотова, Алыкеева, Аблямитова, Фадеева — ваш покорный слуга, — почти все знакомые мне люди.

Анатолию Андреевичу был чужд кабинетный стиль работы. По его подсчёту, за год — в течение полугода, он находился в командировках на важнейших объектах. В памяти у него множество сложных и проблемных объектов, но особое место занимает ВЛ — 110 кв. «Районная — Казарман» через перевал Сары—Кыр, где дуют ураганные ветра, а снегу в ущельях наметает по 10–15 метров. «Зернистая изморось» образует на проводах плотно — уплотнённый снеговой покров диаметром до 35 см. и вместе с ветром рвет стале-алюминевые провода и даже корёжат и ломают усиленные металлические опоры.

Он вспоминает, что при устранении одной из аварий бульдозеры Т-130, американские «Катерпиллеры» и японские «Камацу» были бессильны проложить в снегу подъездной путь к опорам. Пришлось привлечь вертолёт. Высокогорье — высота более 3000 тыс. метров, мороз, сильный ветер, посадки на крохотных площадках, всё это преодолевал мужественный, хладнокровный и опытный первый пилот — Кочерыгин Алексей Степанович. Анатолий Андреевич отдаёт должное бригаде монтажников в составе: Богданова, Склярова, Остолопова, Мухамедгаиева, Володченко, Кузнецова и других, которые проявили высокую организованность и профессионализм.

Энергетики горной республики часто прибегали к услугам вертолётчиков. Один из полётов окончился трагически — погибли 15 человек — специалисты Исык—Кульского предприятия электрических сетей и среди них Валентин Колпаков — начальник технического центра «Киргизглавэнерго» — замечательный человек. Мы с ним, во Фрунзе, после окончания институтов, одновременно начинали производственную деятельность в Чуйском предприятии электрических сетей — он в службе релейной защиты и автоматики, а я в службе подстанций.

В середине 80-х годов, судьба занесла Анатолия Андреевича в командировку, в район строительства Байкало—Амурской магистрали. Там в 20 км. от станции Улькан в п. Окунайка шло обустройство Северного леспромхоза для заготовки леса и отправки его в Киргизию. Была построена ВЛ — 35 кв. и подстанция 35/10 кв. Аналогичную шефскую работу, трест выполнил в совхозе «Киргизстан» Ярославской области. Анатолий Андреевич — дорогой мне человек, скоропостижно ушел из жизни в 2014 году в Дмитрове.

Вот так Россия и русские люди, в энергетике и не только, создавали современную экономику Средней Азии, увы, не снискав благодарности после развала Союза.

По переписи 1926 года киргизов было 660 тысяч человек, русских — 116 тысяч, в 1970 году киргизов стало 1 миллион 280 тысяч, русских — 860 тысяч человек, в 1998 году численность киргизов достигла 2737 тысяч.

И всё-таки, в середине 1980-х обозначились первые признаки обратной миграции — возвращение русских в Европейскую часть СССР, на историческую родину. Наиболее дальновидные несмотря на видимое благополучие, понимали бесперспективность в своём карьерном росте и отсутствии будущего у детей. Хуже сложилась судьба тех, кто по разным причинам «засиделся» до пенсии и пережил в Киргизии развал Союза.

Будущее вытеснение русских из стран Средней Азии было предопределено всем ходом изменений в социально — экономической сфере региона за годы советской власти и демографическим взрывом — ростом численности коренного населения. Высшее и среднее образование в Киргизии достигло таких масштабов, что почти во всех гуманитарных областях к началу 1980-х годов специалисты-киргизы могли заменить русских. Показательно, что среди 37 членов главной редакции Киргизской Советской Энциклопедии, выпущенной в 1982 году к 60-летию СССР, лишь одна русская фамилия. К 1989 году по удельному весу лиц с высшим образованием, большей частью в гуманитарных областях, русские в Киргизии отставали от титульного населения почти в 1,5 раза. Но в ВПК, металлургии, машиностроении, строительстве, энергетике, дело доходило до парадоксов. В эти отрасли спускалась разрядки на представление к правительственной награде инженера или рабочего — киргиза по национальности. Однако найти такую кандидатуру часто не представлялось возможным. Киргизы, в

советское время, в основном становились врачами, преподавателями, деятелями искусств, чиновниками, партийными функционерами, работниками милиции. И вообще, с большой долей истины, мой коллега–киргиз шутил: «Мы нация портфеленосцев!».

Вспоминаю Киргизию 1970–1980-х годов. Все города, райцентры и другие крупные населенные пункты застраивались строго по генеральным планам. В каждом населенном пункте появлялись современные социальные комплексы, включающие административные здания, школы, больницы, поликлиники, кинотеатры, дома быта, бани. В горной республике, благодаря ретрансляторам, стали общедоступными радио и телевидение. Большинство дорог не только республиканского, но и муниципального значения, имели твердое покрытие. Все населенные пункты республики, в том числе и сельские, были электрифицированы. Да что там населённые пункты, отдельно стоящие кошары и дома чабанов в глухих труднодоступных ущельях также были с электричеством, и это несмотря на то, что чабан с семьей жил там меньше полугода.

А вот деревня Бортники Тарусского района, где пишутся эти строки, была электрифицирована только в 2005 году... на средства жителей. Областные власти отказались электрифицировать Бортники, сославшись на ее малочисленность. Что касается газификации нашей деревни, то об этом не стоит и мечтать, хотя газопровод среднего давления проходит мимо всего в 2 километрах.

В октябре 2010 года Владимир Путин при открытии 2-й нитки газопровода «Северный поток» заявил: «Северный поток способен удовлетворить растущие потребности Западной Европы». И вот уже в телерекламе ему вторит Газпром: *«Мы лидируем по поставкам газа в Европу! Мы осваиваем новые маршруты и рынки поставок!»*.

Широко шагает Газпром! Он шагает не только на Запад, но и в Китай, и так широко, что не замечает, как перешагнул через деревню Бортники, Тарусского района, Калужской губернии в 150 километрах от Кремля и через тысячи других сельских населённых пунктов России.

Первый раз в жизни я попал в Россию в 1978 году. По делам службы поколесил по Нижегородской, Владимирской и Костромской областям. Удивляло, что даже областные города выглядели неухоженными, что уж говорить о других населенных пунктах с обшарпанными зданиями, разрушенными церквями, бездорожьем. Российская деревня поражала убожеством и бедностью. Было это поздней осенью, помню, возле трассы дежурили гусеничные трактора — для того, чтобы взять на буксир грузовик и тащить его по бездорожью волоком в ближайшее село. Сельхозтехника на механических дворах тонула в грязи, а в жалких лачугах размещались подсобные мастерские, в которых ковырялись чумазые механизаторы. Впрочем, эти разрушенные памятники времен «развитого социализма» и сейчас можно увидеть в бывших колхозах и совхозах по всей России.

А между тем в совхозе «Оргочор» на Иссык—Куле еще в 1959 году в эксплуатацию был сдан комплекс механических мастерских. Это было современное, добротное П-образное кирпичное здание. Все пространство внутри него и площадка для открытого хранения техники были покрыты бетоном. Каждый механизм стоял на отведенном ему месте. Мастерские включали: цех станочного оборудования, цех по ремонту двигателей и агрегатов, кузницу с пневмомолотом, аккумуляторную, склад запчастей и так далее. Тогда все это воспринималось как должное, тем более, что и в других хозяйствах Киргизии строились аналогичные комплексы. Позднее, в конце 1970-х, дело дошло до того, что Киргизия, в том числе и энергетики, в порядке братской помощи обустроивала в Ярославской области совхоз «Киргизстан». И действительно, надо же было показать «старшему брату», как это должно выглядеть!

Из России во Фрунзе я вернулся в подавленном настроении. Потом была командировка в Прибалтику, после чего закралась мысль: за что наши «вожди» так не любят Россию? Дело, конечно, не в любви или нелюбви, все намного сложнее. Россия никогда не была

тюрьмой народов, иначе бы в период с 1826 по 1915 год к ней не присоединились 4,2 миллиона иностранцев. Однако пресловутый тезис: «Россия тюрьма народов», который активно использовал Карл Маркс, был подхвачен большевистской историографией и доминировал в головах партийной элиты. Возможно, поэтому в ущерб РСФСР они щедро платили «дань» союзным республикам.

Но пока, мы жили в стране, где три копейки стоил проезд в трамвае, пять копеек в автобусе и метро. Мы получали бесплатные профсоюзные путевки на курорты и в дома отдыха, квартирная плата не ощущалась на семейном бюджете, за киловатт-час электроэнергии платили четыре копейки, на том же уровне платили за газ. Мы имели бесплатное жильё, бесплатную качественную медицину и образование, постоянное повышение стипендий студентам и аспирантам, приличную пенсию, безопасную жизнь. Всё это не ценилось и воспринималось как должное и мы наивно завидовали Западу. И вот теперь западные шмотки, бытовая техника, автомобили и даже жратва, но зато народ потерял главное — социальные достижения, землю, недра.

Крайне негативную роль в моральном разложении национальных элит союзных республик, сыграла так называемая «национальная кадровая политика», неразумно поощряемая центральной властью на территории СССР, по которой, представителям титульных наций предоставлялись привилегии при занятии руководящих постов. Не хочу сказать, что среди киргизов не было трудолюбивых и грамотных специалистов, толковых организаторов — конечно, они были. Но какой простор открывался для людей посредственных! Последнее обстоятельство затрудняло карьерный рост достойным людям других национальностей, а у титульной номенклатуры и бездарей поднимался уровень гипертрофированного тщеславия, высокомерия и шовинизма.

Впервые с этим явлением мне пришлось столкнуться в начале 1970-х годов. На крупнейшее в республике энергетическое предприятие Чуйское предприятие электрических сетей (ЧуПЭС), куда в русский коллектив, так сказать на все готовое директором был назначен Асанкан Султамуратов. В понедельник, утром, во время еженедельных производственных планерок, на которых присутствовали руководители всех структурных подразделений, на столе у директора иногда раздавался телефонный звонок — звонили друзья. Директор брал трубку и, вальяжно развалившись в кресле, эмоционально обсуждал с собеседником бытовые новости прошедших выходных. Он был единственным киргизом среди нас, однако разговор демонстративно вёл на киргизском языке, прерывая его громкими возгласами и смехом. А в это время солидные люди, в том числе по возрасту годящиеся ему в отцы, сидели и прятали глаза, им было стыдно присутствовать на этом шоу.

В то время, я, молодой и перспективный, в 30 лет работал начальником крупнейшей в Средней Азии межсистемной, узловой подстанции 220 кВ. Однако, вскоре, новый директор, под надуманным предлогом, освободил меня от должности, перевёл на другую работу, а вместо меня назначил киргиза. А дальше — пошло поехало, дошла очередь до авторитетных и опытных руководителей служб, которые всю жизнь отдали этому предприятию. Таковым был авторитетный и уважаемый начальник службы подстанций Валиев Марат Бадриевич, который не смог пережить снятия его с должности по прихоти директора.

Мне пришлось уйти в другое ведомство, начинать карьеру с нуля — инженером наладчиком, однако через десять лет я уезжал в Россию, будучи заместителем Генерального директора объединения «Киргизводстройиндустрия». В Москве работал в монтажно — наладочном Главке, а затем в одном из Комитетов при Совмине РСФСР.

В моей жизни было всякое, в том числе и предательство, но всегда прослеживалась тенденция: «Всё, что не делается — всё к лучшему!». Наверно главное — быть самим собой, быть честным и упорным, уметь подняться, начать всё сначала и идти вперёд. Говорю это без пафоса, а как это было.

Чуйское предприятие электрических сетей во Фрунзе, где я начинал мастером, всегда вспоминаю с теплотой. В памяти замечательный коллектив предприятия без Султамуратова, в памяти неординарные люди. Помню 1967 год, Володю Семенюка, как и я мастера. Он был удивительно флегматичным человеком с простой внешностью и добродушным характером. Всегда находился в хорошем настроении, никогда не повышал голоса. Как — то я спросил у него:

— Володя! Ты когда-нибудь ссорился с женой? — он задумался и ответил:

— Было один раз — замахнулся на неё полотенцем!

Закончив вечерний факультет Фрунзенского Политехнического института, он тут же закрепил на лацкане пиджака значок ВУЗа.

— Володя! — снова обратился я к нему, — зачем ты «поплавок» нацепил?

В ответ он в очередной раз развеселил меня:

— Тебе хорошо говорить! На тебя посмотришь — сразу видно, что у тебя высшее образование!

Возможно он был прав, но я уже тогда понимал — иметь диплом о высшем образовании и быть образованным — это разные вещи.

Мне приходилось быть свидетелем того, как на каком-нибудь совещании, секретарь райкома — обязательно киргиз, впрочем, отдельными вкраплениями были и русские, по стойке смирно ставил любого «зубра» производства и как мальчишку, в униженной форме, публично отчитывал за те или иные мелкие провинности, чаще всего, не относящиеся к производственной деятельности. Возражать самодуру было бессмысленно. Конечно, эти примеры можно отнести, в том числе и к элементарной невоспитанности, но от этого было не легче.

Партийные функционеры в карьерном росте пользовались особой привилегией: им был открыт доступ в любое кресло руководителя, компетентность не имела значения.

Как ни странно, «кадровая политика» предраспадного Советского Союза, нашла своё широкое применение в сегодняшней России. Лозунг: «Кадры решают всё» ушел в небытие. Даже в федеральные министры попадают люди, не обладающие профильным образованием и опытом работы.

Однако вернёмся к главной теме. Нет сомнения в том, что киргизы, да и не только они в Средней Азии, без русских не продвинулись бы в развитии дальше, доживи они до XX века под властью Кокандского ханства, Турции, Персии или Китая. Только благодаря до и после революционной России, Киргизия из феодализма шагнула в социализм. Хорошо это или плохо? Положительным фактором явилось то, что Россия подарила киргизам «серебряный век» благополучия, хотя в последние перед развалом СССР годы он воспринимался как должное, поскольку не был добыт «потом и кровью» естественного развития. Плохо и то, что национал — шовинистические замашки так и не были изжиты частью национальной элиты и это, особенно проявляется в период становления независимого Киргизского государства.

Советская власть, верная принципам интернационализма, в ущерб России, создавала союзным республикам режим наибольшего благоприятствования, не снискав за это благодарности после развала Союза. «В благодарность» в ближнем зарубежье мы получили соседей с агрессивным или с вялотекущим недоброжелательством. Все логично. Если не уважаешь себя, наивно рассчитывать на уважение других!

Октябрь 2009 года. Через многие годы я в Бишкеке. Золотая осень. Изю дня в день я гуляю в центре столицы по замечательным скверам, покрытым зеленью и цветами, по знакомым площадям. Делаю снимки на память. Что изменилось? Город похорошел! Вот только резко изменился состав населения. Вокруг, куда не глянь, люди титульной нации, в основном молодёжь. Среди массы людей невольно ищешь своих «бледнолицых братьев». Изредка они попадают мне на встречу, но равнодушно, с озабоченным видом проходят

мимо. И здесь, ты остро начинаешь понимать поэта призывавшего «возьмёмся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Увы, мы русские, разобщены, как никто другие.

Многие учебные заведения Бишкека расположены в центре города рядом с парками и скверами. Я гуляю по знакомым местам — на скамейках сидят студенты. Никто не пьёт пиво из бутылок, как это принято в России, парни изредка курят, но тайком. Курящих девушек не видел вообще. Поражает чистота, ухоженность цветников и газонов. Идиллия!? На самом деле в общественных местах пить пиво и курить запрещено. Вижу — два милиционера постоянно патрулируют по скверам... на велосипедах. В городе в основном иномарки, в том числе и маршрутное такси. В кафе и ресторанах высокий уровень обслуживания, доброжелательная обстановка. Цены удивляют своей доступностью.

Мой старинный друг — Михаил Семенович Лернер, любезно взялся свозить меня на Иссык—Куль. Он понимает — приехать в Киргизию и не совершить хотя бы ритуального омовения в Иссык—Куле я не могу. Опять памятные с детства места, остановки, снимки. Переночевали в некогда великолепном профсоюзном санатории «Голубой Иссык—Куль» в городе Чолпон—Ата — центре курортной зоны на Северном берегу озера. Сейчас санаторий в полном упадке. На следующее утро поплавал в свежей озерной воде и тем, с благодарностью отдал свой долг родному Иссык—Кулю.

Киргизия — моя малая Родина! И вот, я стою здесь, на родной земле, но меня мучает вопрос — кто я здесь? Казалось бы, должны сохраниться мои следы? Но следов нет! Они под толщей времени. Меня не узнаёт город, в котором я прожил более двадцати лет, не узнают улицы и даже дом, в котором жил когда-то. Мы уже ни одно целое, какими были когда-то. Наверно это справедливо! «Не войти дважды в одну и ту же реку» — мне дано лишь, листать картинки нового альбома. Прошлое безвозвратно ушло, стало другим миром, в другой жизни. Здесь я забыт и отторгнут и не испытываю тех чувств, которые испытываю в России. Оказывается в моём подсознании и воспоминаниях больше жизни, пусть и виртуальной, чем в действительности!

Русское кладбище. Вокруг неухоженные могилы. Поклонился праху родных и близких. Перед уходом невольно чувствую немой укор: «Ты снова уедешь в Россию? А как же мы?». Что-то стеснило грудь. Я почувствовал, как горло перехватывает спазм...

Русские, немало сделали в ныне далёкой от нас Средней Азии. Чтобы вернуть к жизни бесплодные земли были построены: Большой туркменский канал, Большой ферганский канал, Каршинский канал, Большой чуйский канал, тысячи других каналов и плотин. Мы ликвидировали безграмотность, вековые болезни и эпидемии, построили города, гидроэлектростанции, железные и автомобильные дороги, заводы, шахты, рудники, больницы, открыли университеты, театры, музеи, создали научные центры. Русские щедро делились всем, что знали и умели сами, не требуя ничего взамен, поскольку обосновывались, как им казалось, навсегда.

Но что вынесли оттуда для самих себя те, кто с душевной болью вынуждены были покинуть малую родину и могилы своих предков? Разве что напев комуза, память о пиках снежных гор, о голубом Иссык—Куле, о хлопковых полях, воспоминания о детстве, юности, близких и друзьях.

И всё же, не идеализируя советский период, я полностью разделяю мнение русского философа Александра Зиновьева: *«Я счастлив, что появился на свет в советское время, в это случайное исключение в человеческой истории во время реализовавшейся социальной утопии. Я счастлив, что прожил в это время лучшую часть жизни. Я счастлив, что получил возможность оценить мою жизненную удачу, увидеть гибель утопии. Аминь!»*

ГЛАВА IV. РАСПАД СССР. «РУССКИЕ АЗИАТЫ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.

*«И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!»*
Константин Фофанов (1862–1911) — поэт серебряного века.

Восточная пословица гласит: «Знает не тот, кто много жил, а тот, кто много видел». В своё время, я объездил всю Среднюю Азию, а это Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения. Неплохо знаю Казахстан. Знаком с Прибалтикой, многое повидал в России. Жил во времена Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачёв. Свидетель достижений советской власти: полёта в космос Юрия Гагарина; знаковых событий и достижений в науке, образовании, культуре, литературе, в спорте, социальной сфере. Свидетель догм и пороков того времени, приведших к развалу СССР.

И вот новейшая история России: Ельцин, Путин, Медведев, Путин — либерализм, олигархи, нефть, доллар, кризисы, деградация всех сфер жизнедеятельности государства.

Но, как говорится в Книге Экклезиаста: *«И умножающий знание умножает печаль»*. Человеку не равнодушному знание приносит мучение и тяжкое состояние, поскольку обнажает в мире и в человеке безобразное и ничтожное, прикрывающееся лицемерием и целесообразностью. Поэтому свою исповедь и повествование продолжу в печали. А ведь поэт Юрий Кузнецов пророчески предупреждал наше поколение:

*Зачем мы тащимся — бредём в тысячелетие другое?
Мы там родного не найдём. Там всё не то, там всё чужое.*

Печаль моя проистекает по многим причинам, в том числе и оттого, что после антикоммунистического переворота в годы горбачевско-ельцинского правления, на смену недооцененного и не исчерпавшего себя в позитивном плане советского, нам навязали наихудшее политико-экономическое устройство из всех возможных. Так что к миллениуму можно было подводить первые итоги.

Существует выражение: «Государство есть действительность Разума». Если это суждение должно быть истинным, тогда связка «есть» высказывает «должно быть», то есть желаемое. А что случилось с нами, со страной и где он — Разум? Ваучерная приватизация — грандиозная диверсионная операция Запада, усилиями «пятой колонны» нанесла непоправимый удар по промышленности — серьезно пострадали авиапром, кораблестроение, машиностроение, ВПК и другие отрасли. Отдельные отрасли экономики и сорок тысяч предприятий вовсе прекратили своё существование. В результате, в мировом разделении труда России была отведена самая позорная роль — поставщика сырья для развитых и развивающихся стран, а ведь известно, чем масштабнее экспорт сырья из страны, тем менее процветают ее граждане, что и происходит.

СМИ под лозунгом: «Проклинай, ненавидь, клевети», всласть оттоптались на армии, флоте и всём советском. Русскость и патриотизм к Отечеству уподобились стихотворению «Сегодня» Зинаиды Гippiус в 1917 году:

*Лежим, заплёваны и свалены,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.*

Под вывеской свободы всё духовное и великое оборжали, осмеяли, обрызгали мочой. Но свобода была лишь прикрытием, на самом деле ими двигала месть, злоба, жадность, а главное — стремления к господству.

Из США, Израиля, Запада обратно в Россию потянулись «гуси» — бывшие наши актёры и эстрадные артисты, не снискавшие славы на Западных подмостках, ну и конечно журналисты проникнутые ненавистью и презрением к России но, как никогда, востребованные российскими либеральными СМИ.

Вот только не вернуть было Владимира Высоцкого, Игоря Талькова, Виктора Цоя. Как показало время, только они и способны были в своём творчестве устроить «большую охоту» на либералов и их мерзости.

Обычным явлением стали: утечка мозгов на Запад, неприкаянные репатрианты из ближнего зарубежья, тотальное мошенничество, бомжи, проститутки, наркоманы и прочая смесь криминала, нищеты, бездуховности.

Одновременно, с учетом на бессрочную перспективу, была заложена основа «современного российского общества», где самая циничная и подлая прослойка приобрела все рычаги экономической и отчасти политической власти. На фоне личного процветания, она стала приучать нас к безмерности абсурда, странности существующих порядков, курьёзности законов, отсутствию независимой судебной системы, к деградации всех сфер жизнедеятельности, в том числе науки, средней и высшей школы, здравоохранения. В итоге: *«вдоль дороги всё не так, а в конце подавно»*.

Сошедшая с арены наивная советская интеллигенция в безнадёжном отчаянье хваталась за каждый признак, за каждый мираж, за всё, что на один короткий миг, казалось подавленному воображению еще возможным и, рассудку вопреки, осуществимым. Ведь не только государство, но и каждый человек нуждается в проблеске смысла, в достижении позитивной цели. Однако эти смыслы так и не сформулированы либералами, а все усилия направлены на самосохранение власти в неизменном виде.

Одновременно навязывается мысль, что безраздельная власть либералов длилась только в период 1992 – 1998 годов. Хотя с началом двухтысячного года если и началось нечто отличное от предыдущего, то оно свелось к законодательному оформлению и закреплению ельцинского периода и к тому, чтобы на примере Ходорковского поставить на место олигархов. На тот момент они были не просто крупными предпринимателями, которые в считанные годы заработали огромные состояния не праведными путями, а практически заправляли делами в государстве, назначали своих людей на командные позиции, оказывали серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы.

Таким образом в принципе ничего не изменилось и как не было так и нет «пророка в собственном отечестве». Зато есть либеральное Правительство и его экономический блок от Чикагской монетаристской школы экономики, есть ВШЭ (Высшая школа экономики при правительстве России), есть Центробанк и это, по словам Михаила Хазина «пострашней экономических санкций США и Евросоюза».

И тут, самое время определиться с терминами «героев новейшего времени». Понятно, что на смену социализму пришел не *классический либерализм* и даже не *неолиберализм*, который в принципе не отрицает государственное регулирование экономики. Пришли те, кого всё тот же Михаил Хазин называет *либерастами*. Но не будем впадать в крайность и согласимся с акцентами, изложенными в «Манифесте российского политического либерализма» под редакцией В. Плигина, В. Зубарева и В. Фадеева. Из него вытекает тоже

самое: криминальный передел 1991 года породил мутантов — псевдо либеральную элиту, полностью извратившую политический, экономический, культурный и социальный либерализм.

Но во имя чего? Ларчик открывается просто! «Пятой колонной» движет патологическая ненависть к Православной цивилизации, центром которой является Россия и Иудино служение цивилизации Западной. Физика этого явления имеет глубокие исторические корни, уходящие к противостоянию «западников» и «славянофилов» и это отдельная тема.

Поскольку в российском медийном пространстве к указанной тусовке наиболее широко применим расхожий термин «либерал» — с негативным подтекстом, то и я предпочитаю пользоваться этим термином.

В то же время, у большинства думающих людей, пришло осознание того, что постсоветизм в России был сформирован не в результате естественно-исторического и имманентного процесса, а как нечто чужеродное российскому населению, его историческим, природным и геополитическим условиям, что социализм требовал лишь умных реформ. Однако Горбачев с Ельциным, воспитанные во времена подковёрной борьбы кремлёвских старцев, были «пигмеями» в сравнении со своими современниками — мудрыми реформаторами Ли Куан Ю в Сингапуре и Дэн Сяопином в Китае, которые обходились без ангажированных советников и тем более влияния жен.

Политолог, журналист Максим Шевченко: *«В настоящее время русские в России живут в режиме оккупации со стороны либеральных колонизаторов, возглавляемых космополитической, антинациональной правящей элитой».*

Поэтому *«Не обязательно быть кошкой, чтобы суметь нарисовать её»*. Это относится ко мне в отношении российских либералов. Меня могут упрекнуть: *«Что знаешь ты о других людях, чтобы выступать судьёй братьям своим?»*. Судьёй я не выступаю, поскольку библейская истина — *«Не судите, да не судимы будете»* для меня не пустой звук. Но вот что странно! Стоило нам уверовать в то, что все вокруг братья и нет у нас врагов, как мы тут же, потеряли треть страны, нас отбросили к границам XVII века, к которым подступило НАТО. Оставшуюся часть «братья прихватизировали», а народ кормят объедками, развлекая поскудным телевизионным, эстрадным и даже театральным зрелищем.

На этом фоне привластные парламентарии и аналитики, словоблудие которых обрыгло на телеэкранах одобряют всё совершенно не стесняясь выдавать желаемое за действительное или несут в массы немудреную мысль, что во всех наших внутренних бедах виноваты внешние трудности и козни. Ведь образ врага, если он надуман, не способствует ни росту экономики, ни повышению уровня жизни, но он незаменим как инструмент зависимости и сдерживания социальных инструментов.

Есть и те, кому чужд обвинительный пафос. Как говорится — фигуранты известны, но бессмысленно обвинять искривлённый мир где власть имущим, волей-неволей, подыгрывают чуть ли не все. Григорий Иванов (1894–1958) — поэт русского зарубежья:

*Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках?
Рассказать обо всех мертвецах–подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?
Для чего? Тишина над парижским мостом,
И какое мне дело, что будет потом.*

Трагична судьба русских в XX веке. По мнению демографов, прямые демографические потери от войн, голода, репрессий, экономических и социальных потрясений оцениваются в 140–150 миллионов человек.

Сколько трагедий, горя и слез стоят за этими бесстрастными цифрами! Дмитрий Менделеев давая прогноз численности народонаселения по основным странам мира на 2000 год, ошибся только с Россией — население которого должно было составлять более 700 миллионов человек.

Не мог он предвидеть всего того, что произойдет с Россией в XX веке, да и демографические последствия либеральных «реформ» оказались сопоставимы с последствиями Великой Отечественной войны. Почти двукратное падение рождаемости с почти двукратным ростом смертности в начале 90-х годов, получило название «русский крест» и ведёт к стремительному изменению этнокультурного баланса России.

О причинах распада СССР есть масса свидетельств и горы материалов. Не вдаваясь в подробности отмечу: главными фигурантами гибели Советской империи были Горбачёв с Ельциным. Всё на что они были способны, это в угоду Западу и США развалить Советский Союз при полном безразличии народа. Впрочем, преемники Горбачева и Ельцина реабилитировали их, выдав «индульгенции»: наградили высшими наградами России — орденами Святого апостола Андрея Первозванного.

Ельцин, Кравчук, Шушкевич в Беловежской пуще были достойны друг друга. Тщеславное, мелкое, личное *эго* превалировало у них над здравым смыслом. И потому подельники под водочку, без всяких предварительных условий и согласования с другими руководителями союзных республик подмахнули в Беловежской пуще развал СССР. Ельцин уже через два часа, коленопреклонно доложил Бушу — старшему о свершившейся пакости. В Белом доме довольно потирали руки. Интересно, что лепетал Бушу—старшему Ельцин, который словно проигранное в карты личное имение лишил Россию части исконных территорий, что отбросило ее к границам XVII века?

В отличие от него генерал Михаил Григорьевич Черняев в ходе туркестанской военной компании в июне 1865 года, успешно завершив взятие Ташкента, доложил в Санкт—Петербург: *«С покорением Ташкента мы приобрели положение в Средней Азии, сообразное с достоинством империи и мощью русского народа».*

В результате Беловежского предательства Россией стремительно и единовременно оказались утрачены итоги не только Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, но и Отечественной войны 1812 года, русско — шведской войны 1711 года, почти все плоды русско—турецких войн второй половины XVIII века и Туркестанские завоевания XIX века. Страна оказалась, как бы сдвинута в северную и северо—восточную часть Евразии. Резко возросла ее изоляция от Европы, с которой у СССР были тесные экономические и политические связи. Теперь Россия отделена от Европы двойным поясом из бывших республик СССР и бывших союзных государств Восточной Европы, устремившихся в западноевропейское экономическое и политическое пространство и линия раздела проходит почти так же, как во времена Священной Римской империи в X веке там, где заканчивается западное христианство и начинается православие и ислам.

Главным качеством Ельцина было непомерное тщеславие, однако известно: *«В каждом человеке ровно столько тщеславия, сколько ему недостаёт ума».* И действительно, как показало время, печатью мудрости Ельцин отмечен не был. Он не был государственным, не мыслил самостоятельно, не обременял себя чувством справедливости. Подобные качества вполне устраивали его либеральную свиту, благодаря которой он быстро превратился в то, о чём предупреждала всё та же мудрая Книга Экклезиаста: *«Горе тебе, страна, чей царь — невольник».* Россия была распята при Ельцине и это исторический факт, как и то, что Иисус Христос был распят при Понтии Пилате.

Существует и еще один аспект, связанный с развалом Советского Союза и низвержением социалистического социального строя — это предательство перед дореволюционной и послереволюционной русской историей. Предательство, перед миллионами повешенных и расстрелянных, погибших на каторге и в казематах, павших на баррикадах, на фронтах Гражданской и Великой Отечественной войн, умерших от голода, болезней и тяжелого труда. Добровольцы, новаторы, крестьяне, рабочие, учителя, врачи, инженеры, учёные. Все они, ушедшие в мир иной, смотрят с укором и недоумением — их идеалы попорчены и преданы самими же неблагодарными советскими людьми. Поэтому, никакие награды, памятники и памятные доски не спасут предателей от суда истории. Как сказал Тацит : *«Потомство воздаст каждому по заслугам. Тем больше оснований посмеяться над недомыслием тех, кто, располагая властью в настоящем, рассчитывает, что можно отнять память даже у будущих поколений»*.

Конечно, на меня довлеет высказывание Михаила Васильевича Ломоносова : *«Ошибки замечать не много стоит»*. Да, я не располагаем возможностью повлиять на ситуацию в стране, но если я гражданин, у меня должна быть активная гражданская позиция и это не позволяет уткнуться в «корыто» и самодовольно чавкать, глядя в телевизор.

2

Первой реакцией титульных наций бывших республик на распад СССР — была вспышка агрессивного национализма по отношению к русским. Отрывок из стихотворения поэта Игоря Тюленева «Уход из Азии» близко отражает истину:

*Уходят русские, уходят,
От винограда и чинар.
Уносят русские, уносят,
Терпение и Божий дар.
Ушли, а за спиной остались
Могилы предков и жильё,
Столицы, университеты,
Безбедное житьё-бытьё.
Нам в спины гнусное кричали,
Камнями падали слова,
Как сквозь штицрутены нас гнали,
Истили вдоволь мы лихва...*

После распада СССР более тридцати миллионов русских в ближнем зарубежье в одночасье были брошены на произвол судьбы. В этой связи, давайте вспомним Великую Отечественную войну, которую наши политики так любят вспоминать, как главный подвиг, и к памяти о которой прибегают, как к основе для объединения нации. В то время миллионы людей организованно были эвакуированы в тыл России, в основном, в Среднюю Азию и Казахстан. В условиях самой страшной войны в истории человечества эти миллионы граждан были спасены, размещены, накормлены, обеспечены жильём и работой. Конечно, хоть и по меркам военного времени, но это было спасением и сбережением нации. Эвакуированные люди доброжелательно были приняты местными жителями. Я помню, как они жили среди нас и мы, ничем не отличались от них качеством жизни.

А вот «человеколюбивый» Ельцинский либеральный режим в 1991 году фактически бросил за границами РФ миллионы русских на произвол судьбы, как сказали бы в годы Великой Отечественной, «под немцем».

Можно ли провести параллель между иммиграцией из России во время и после Революции, когда за борт были выброшены сотни тысяч людей, в том числе лучшие представители поколения, и репатриацией миллионов русских из ближнего зарубежья после развала СССР? Конечно можно! Там в Париже, в журнале «Современные записки» и не только, было собрано всё, что было выдающегося в современной русской литературе: Бунин, Куприн, Алексей Толстой, Алданов, Борис Зайцев, Ремизов, Ходасевич, Гиппиус, Мережковский, Павел Муратов, Осоргин, Сирин и другие. Печатались стихи Бальмонта, Марины Цветаевой, Крандиевской, Вячеслава Иванова, Дон Аминадо и целой плеяды начинающих поэтов.

Сияли созвездия первой величины просвящённых в философии, науке, политике, экономике, искусству. Велика трагедия первых эмигрантов. Они страдали, печалились, ностальгировали и любили Россию до конца жизни. Дон Аминадо (1888–1957) — прозаик, поэт русского зарубежья:

*Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственный прах.
Утро. Пастушья жилийка.
Поздний и горький волчец.
Эх, если б узкоколейка
Шла из Парижа в Елец...*

Нам пока проще. Ближнее зарубежье — свою малую Родину, слава Богу, мы пока свободно можем навестить, поклониться отеческим гробам, сгладить ностальгию.

Человеку нелегко радикально перекроить свою судьбу посередине жизни, способность к адаптации с годами слабеет. А тут еще, по мере развития событий, стало ясно, что после распада Советского Союза, Ельцин и его окружение не будут проводить политику «собрания русских» в лоно исторической родины. Другое дело, что мы не были готовы к тому, что нас настолько не ждали и не хотели.

Повторяюсь, «русские азиаты» не были мигрантами, они репатрианты (лат. repatriatio — возвращение на родину), ибо Средняя Азия и другие республики СССР стали для них малой Родиной волею судьбы. Не перестаёшь удивляться подлой изощренности либералов, которые подменили правовые понятия «репатриант» на «мигрант» уравнив нас с гастарбайтерами.

Политолог Станислав Епифанцев: *«Разумно задуматься, почему власть льёт «крокодиловы слёзы» по поводу ущербного демографического состояния в стране, стремительно теряющей население и, в то же время, столь неохотно впускает русских люди в Россию, обставив возвращение на Родину предков кучей барьеров?»*

Почему каждый еврей, или даже на четверть еврей, a priori имеет право на гражданство еврейского государства, каковое и получает прямо в аэропорту Тель—Авива по прилёту?

Почему немцы триста лет тому назад приехавшие непонятно откуда из несуществующей тогда Германии, сегодня без проблем признаются немецкими гражданами, а заодно признаются таковыми и члены их семей, причём, зачастую самых разных национальностей».

Масштабные программы этнической репатриации, принятые в Германии, Израиле, Венгрии, Польше Казахстана и ряде других стран, в первую очередь упрощающих

получение гражданства, не стали для либеральных законодателей партии власти примером и ориентиром для Российской Федерации. Таким образом, государство Российская Федерация поставило нас перед фактом, что оно не является русским по национальному духу, как например немецкая по духу Германия, французская по духу Франция, итальянская по духу Италия или польская по духу Польша. Абсурд, но по сути официальная политика Российской Федерации основывается на фактическом отрицании России, как этнической родины русского народа. Поэтому слово «русский» отсутствует в Конституции, в Законе о Культуре отсутствует выражение «русская культура», а высокопоставленные чиновники, как и либеральные СМИ, стараются не произносить слово «русский», тем более, оно отсутствует в либеральных кругах «великосветского навоза» (выражение А. Шопенгауэра).

Таким образом, беда русских в Средней Азии, да и всего русского народа в целом, является их наивная апелляция к беспочвенным, отпавшим от народа либеральным властям Российской Федерации, как к «своей власти».

А как повела себя российская интеллигенция, глядя на мытарства русских людей в России? Увы, никак; — никто и «ухом не повёл». Им было не до этого.

В очередной раз, на переломном моменте истории, российская интеллигенция не выполнила свою миссию. Одни, наиболее совестливые, пребывали в шоке от осознания того, какого монстра в лице либерализма они породили — *«Целили в коммунистов, а попали в Россию»*. Другие, были в эйфории от того, что попали в Россию и от эффекта воззвания *«Раздавите гадину!»*, с которым в октябре 2003 они обратились к Ельцину. Тот не преминул воспользоваться моральной поддержкой, расстрелял парламент из танков и отдал Россию на разграбление. Призывать убивать людей другого мировоззрения — такого позора русская культура еще не знала!

И тут снова спотыкаешься на определениях. Жить на русской земле, говорить и писать по-русски но быть либералом, западником и русофобом какое это отношение имеет к русской культуре? Наш современник, краснодарский поэт Николай Зиновьев:

Интеллигенция

*Пусть не всегда была ты стойкой,
И горькую пилу украдкой,
Но все-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой...*

Кто же она эта «прокладка» — так называемая либеральная интеллигенция? Это в основном писатели — русофобы члены ПЕН-клуба, той же закваски: юристы, журналисты, галеристы, редакторы и ведущие одиозных радио и телеканалов, некоторые артисты, грантоеды западных спонсоров и прочие, прочие — *«каждой твари по паре»*.

Они не креативный класс хотя и считают себя таковыми, а лишь жалкая её тень. Из-за отсутствия таланта они любым путём, в том числе и скандальным, преодолевают свою бездарность. Они гордятся знанием английского, а мы помним, что ещё 25 лет назад полмира говорило на русском. Кстати, по аналогичному поводу Сервантес заметил: *«Бывают люди, которым знание латыни не мешает всё — таки, быть ослами»*.

Но назвать ослами нынешнюю либеральную интеллигенцию значит всё упростить. У них радикально — западническая психология, а кроме того, с молоком матери, идеология и неприятие любого русского национального чувства, неприятие, доходящее до иступлённой ненависти, потому и мажут грязью своих мнений и воззрений всё святое и великое на Руси. Родина в душе у них там, за «бугром», идеологический центр либерализма и кукловоды в Вашингтонском «обкоме», а в России «смотрящие» и агенты иностранного влияния. В России тысячи грантополучателей сидят на зарплате Госдепа

США. Сегодня риторически прозвучал бы вопрос в их адрес: *«А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено?»*.

В представлении о собственном величии, они уверены, что в России, никаких других интеллигентов кроме них не существует и быть не может. Ну что ж! Как гласит русская пословица: *«И козёл себя не хулит, даром что воняет»*.

А между тем, нынешняя либеральная интеллигенция один к одному повторяет своих «предков» — до и после революционное лево — радикальное крыло интеллигенции. Лево — радикалы были идеологами и лидерами переворота 1917 года, несмотря на то, что промышленный пролетариат был объявлен самым революционным классом. Впрочем, совершить переворот им здорово помогло продажное Временное правительство Керенского, Шульгина, Гучкова, Милюкова, Алексеева и других, которые для революции сделали больше чем Ленин и Троцкий — вожди рабочих и социалистических партий, которые никогда в жизни непосредственного дела с рабочей массой не имели. ***Тем и отличаются лево — радикалы, как и нынешние либералы — они за свою жизнь, как говорится, «не вспахали ни десятины земли».***

Пытаясь играть видную роль в обществе, либеральный интеллигент стремился стать историком, журналистом, актёром, критиком, переводчиком, музыкантом, владельцем картинной галереи, депутатом, адвокатом, профессором университета или преподавателем училища.

Многие из них, при поддержке прессы, становились известными на всю империю людьми. Им удавалось организовывать шумные пропагандистские компании, направленные на дискредитацию Православной Церкви и монархии. Они не испытывали благоговейного трепета к православным святыням, их не восхищали исторические победы русского народа. Всё христианское, имперское вызывало у них грубую неприязнь, всё величественное требовалось испачкать в грязи, всё высокое — унижить до крайности. Они открыто глумились над патриотическими чувствами русских людей и их святынями. Обращаясь к народу, «интеллигент» будил в нём низкие страсти, взывал к желудкам и половым органам.

Как и сейчас, то были времена извращения истории, выхолащивались значения многих понятий. Они в упор не видели быстрого строительства тысячекилометровых железных дорог, освоения Сибири, роста индустриальной мощи страны, расцвета искусств. Зато без конца муссировали печальные события на Ходынском поле, расстрел демонстрации в Петербурге, введение военно-полевых судов. Замалчивание одних явлений русской истории и выпячивание негативных, любимый шулерский приём и нынешних либералов.

Как и нынешние либералы, они тлетворно влияли на нравственность и совесть. Лево — радикалы, под броскими, фальшивыми лозунгами (чем не брезгуют и нынешние политики либерального толка) раздули и возглавили русскую революцию 1917 года, которая носила явно антирусский характер и не только потому, что подавляющая часть активистов относилась к инородцам.

Произошло это вопреки настроению основной массы населения. Иван Солоневич : *«в то время девяносто процентов русского народа были за царя, за семью, за собственность, за Церковь, за общественное приличие в общественных делах».*

О нынешней «либеральной интеллигенции» М. Н. Катков повторил бы свои слова: *«она давно отпала от народа, их проекты преобразований, как и сами они, антинациональны и антигосударственны, поскольку либералы пропитаны космополитизмом и духом тления».*

У них, как и у нынешних, хорошо получалось «ниспровержение и уничтожение», но созидательная деятельность требовала совсем иных качеств и результатов. Ими была казнена императорская семья, расстреляны сотни тысяч пленных белогвардейцев и сочувствующих им «элементов», потом были сокрушены эсеры, меньшевики, кадеты, затем пришел черед троцкистам и другим уклонистам, кулакам и т. д. Всё это сопровождалось горой трупов. Откровенно варварские средства привели к тому, что

русская интеллигенция, в своей подавляющей части, не признала власть большевиков и уехала за границу. Там они стали русскими беллетристами, философами, публицистами, поэтами, композиторами, изобретателями, священниками или обычными русскими людьми. Впрочем, Ленин и не сожалел — он всегда ненавидел исконную русскую интеллигенцию и православие.

На переломе 20–30 годов XX века Сталин, начав системные преобразования, повёл решительное наступление на остатки «гнилой» интеллигенции, которая на деле оказалась группировкой болтунов, фантазёров и расхитителей добра, доставшегося новой власти от Империи. Сталин, в отличие от Ленина, Троцкого, Рыкова, Каменева, Зиновьева и иже с ними — сынов «избранного народа» и большевиков — интернационалистов ненавидящих Россию и всё русское, никогда не был германофилом и не причислял себя к «авангарду всего прогрессивного человечества» и, надо же, обыграл их! Именно это, а так же то, что при нём «пятую колонну» пресекали в зачатке, а «шестой колонны» не могло быть в принципе, не могут простить ему те, кто взял реванш в 1991 году.

Выходец из мира «голодных и рабов», на вершину власти Сталин вознесся благодаря своему долготерпению, упорству и адекватному восприятию постоянно меняющейся общественно-политической ситуации. В своих действиях он опирался на новую генерацию — советскую интеллигенцию и воинов — «сталинских соколов», которую взрастил по примеру Османской империи, возвращавшей янычар. Взрастил из миллионов беспризорников, порождённых революцией и гражданской войной.

Что касается репрессий, то геноцид русского народа начался с Ленина, Троцкого, Дзержинского. И всё это время, острие репрессий было направлено, прежде всего, против русских.

Достаточно вспомнить малоизвестное для широкой общественности «Ленинградское дело» 1949–1953 годов, когда провокаторы (Берия, Хрушев, Маленков, Булганин), чтобы убрать конкурентов и расчистить себе «дорогу», ввели в заблуждение Сталина, а затем руками Абакумова уничтожили партийную элиту этнических русских в Ленинграде, Москве и других крупных городах РСФСР.

По решению Ленинградского суда 30 сентября 1950 года были репрессированы невинные, достойные люди: Н. А. Вознесенский — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, действительный член АН СССР; А. А. Кузнецов — секретарь ЦК ВКП(б), член орг. бюро ЦК, начальник Управления кадров ЦК, депутат верховного Совета СССР; М. И. Радионов — председатель Совета Министров РСФСР, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК, депутат Верховных Советов СССР и РСФСР; П. С. Попков — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) и другие.

Через час после оглашения приговора 26 руководителей РСФСР были расстреляны, тела их были зарыты на Левашовской пустоши под Ленинградом и засыпаны негашеной известью. Шесть человек скончались в ходе допросов. Всего, в СССР, но в основном в РСФСР, по «Ленинградскому делу» были репрессированы 32 — тысячи этнически русских руководителей партийного, государственного и хозяйственного звена.

К тому времени на очереди были ещё два дела — «дело врачей» и «дело сионистов» помогавших Гитлеру в период с 1934 по 1944 годы. Но в 1953 году Генсек неожиданно и странно умер, «дела» были закрыты, подозреваемые отпущены, материалы уничтожены. Исчезли и те материалы, которые хранились в личном сейфе Сталина.

Однако вернёмся в 90-е годы. Нас, «русских азиатов» отторгали всеми способами, что вначале вызывало недоумение. Чиновники и Госдума, от которых прямо или косвенно зависело положение репатриантов, лицемерно делали вид, что озабочены проблемой. На самом деле, им плевать было на то, что на Востоке сформировалась особая категория русского человека, стойкого к испытаниям и трудолюбивого, что большинство переселенцев — специалисты высокой квалификации в самых различных отраслях производства и науки, представляя собой практически беззатратный людской потенциал, немалый экономический и финансовый ресурс. Всего лишь небольшая поддержка государства — и они инвестируют средства в строительство жилья, создадут собственное дело, будут работать, рожать новых граждан для вымирающей России.

Вместо этого у «русских азиатов» началось «хождение по мукам» и прежде всего из-за получения гражданства. Что касается работы, одних чиновники гнали их в шею, с других драли взятки, третьим — более образованным нежели они сами предлагали малоквалифицированную работу. В малых населённых пунктах, где невозможно остаться незамеченным, «люди холопского звания», чувствуя отношение «верхов», злобно шипели вслед: «понаехали тут...».

Всё это в полной мере показало отсутствие в повседневной жизни этнической солидарности и разобщённость русских, признак низкого уровня этнокорпоративной культуры, который приводит к незащитности со стороны сплочённой силы иноплеменников. Народ расколот и это беда. Живой народ — это преемственная и непрерывная жизнь в ряде поколений, связанных непрерывными нитями. Эта связь разрушена, нет единства даже среди близких родственников.

К сожалению, низкий уровень цивилизационной солидарности и кооперации, отсутствие внутрицивилизационной геополитической, геоэкономической, идеологической и ценностной консолидации, свойственен и другим народам восточнохристианского ареала: украинцам, белорусам, сербам, болгарам, чехам, словакам, полякам и др. В конечном итоге, как показала история, эта разобщённость привела к негативным политическим последствиям. Панславянизм ушёл в историю.

Тем временем историческая родина в лице либерализма повернулась к «русским азиатам» той частью, что ниже пояса. Многие не выдерживали и вновь уезжали в Среднюю Азию — началась возвратная миграция, по существу, поставившая людей в положение между молотом и наковальней...

В то время как «русские азиаты» неприкаянно мыкались по России, в крупных российских городах и, прежде всего, в Москве, наращивалась азербайджанская и грузинская диаспоры, под всякими благовидными предлогами появились турки. Позже, из Средней Азии, на русские равнины хлынул неуправляемый поток малоквалифицированной рабочей силы из числа титульных национальностей. И все со своим уставом в чужой монастырь. Начались столкновения на межетнической почве, гибли, да и сейчас продолжают гибнуть русские люди. Вскоре стало ясно: интеграция кавказцев, азиатских мусульман и китайцев в Русский Мир — утопия!

Светлые умы человечества часто мечтали о времени, *«когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»*. Нужно было обладать большим гражданским и интеллектуальным мужеством, чтобы сказать: *«Никогда!»*. Этим мужеством обладал русский учёный Лев Гумилёв.

Подобная позиция изложена и в книге немецкого политика Тило Саррацина «Германия: самоликвидация». (Deutschland schafft sich ab), которая вышла в свет в августе 2010 года.

Автор утверждает, что мигранты–мусульмане даже во втором и третьем поколениях в большинстве своем не могут, да и не хотят интегрироваться в немецкое общество. Некоторые политики, а также представители мусульманской и еврейской общественности осудили книгу и обвинили автора в шовинизме и расизме. Однако уже в конце 2010 года канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Николя Саркози и другие политики Европы публично признали что концепция мультикультурализма потерпела

полный провал но, не изменив свою миграционную политику поплатились терактами в Париже в ноябре 2015 года.

Россию это касается вдвойне — та же политика мультикультурализма и одновременно наступление либерализма на русский Мир. По поводу последнего Александр Исаевич Солженицын был озабочен еще в 1990 году в небольшой по размеру, но ёмкой по содержанию брошюре «Как нам обустроить Россию».

Привожу отрывок: *«Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой Мы уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожаи, да еще заливали ее отходами первобытной промышленности. Мы испакостили окружности городов, отравили реки, озера, рыбу, сегодня уже dokonечно губим последнюю воду, воздух и землю, еще и с добавкой атомной смерти, еще и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубili свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невозполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу.*

В полной запустии у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны. Изнурили наших женщин... самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования.

О многобедственном положении женщины у нас — знают все, и все уже говорят. И о падении рождаемости, о детской смертности, и о болезненности рождённых, о состоянии родильных домов, ясель и детских садов. Нормальная семья — у нас почти перестает существовать. А болезнь семьи — болезнь государства.

Школа наша плохо учит и дурно воспитывает. Упущенная и семьей и школой, наша молодежь растет если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему — то, заманчивому искусу.

Исторический Железный Занавес отлично защищал нашу страну от всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской несвободности, уважения к личности, от всеобщего благосостояния, от благотворительных движений.

Ныне оттуда потекла навозная жижа распущенной опустившейся «поп — масскультуры», эти отбросы жадно впитывает наша обделенная молодежь: западная — душит от сытости, наша в нищете бездумно перехватывает их забавы. И наше телевиденье услужливо разносит те нечистые потоки по всей стране».

Много мудрых мыслей в этой работе: о государственном устройстве, о демократии, о системе выборов и способах голосования, о народном представительстве, о партиях, о земстве и прочем.

Так же как и Иван Александрович Ильин - русский просветитель и философ — Александр Исаевич оказался в числе наших невостребованных мудрецов, а пустоцветные высказывания «вождей» о возрождении России лицемерны, поскольку на практике, «плодоносная поросль» безжалостно вытаптывается копытами либерализма.

И может быть хватит русофобам по любому поводу извращать термин «национализм», подтасованный под «экстремизм» и репрессивную «русскую» статью 282 в Уголовном Кодексе.

Что на самом деле есть национализм? Обратимся к Ивану Александровичу Ильину: *«Национализм есть любовь к духу своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию. Национальное обезличивание есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. С ним надо бороться настойчиво и вдохновенно.*

Истинный патриотизм и национализм есть любовь не слепая, а зрячая; и парение ее не только не чуждо добру, справедливости и праву, и, главное, Духу Божию, но есть одно из высших проявлений духовности на земле».

А разве противоречит этому Британская энциклопедия, которая трактует национализм как: *«верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых интересов»?*

Об этом же написано и в американском политическом словаре: *«Национализм — объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом, который обеспечивает верность этой политической общности».*

Японская энциклопедия: *«национализм — всеобщая приверженность и верность своей нации».*

Для русского националиста Отечество, Родина — духовное сокровище. А еще, мы нация — исторически сложившаяся общность людей, однородцы говорящие на одном общем языке с культурой и духом единым внутри.

4

Действительность, которая окружала «русских азиатов» в России, наводила на грустные мысли. Необходимо было понять, что произошло с исторической родиной? Куда мы попали — в государство, породившее абсурдную реальность, или в параллельный мир, наличие которого в принципе признают ученые? Но возможно ли такое?

Один из столпов русского космизма Константин Эдуардович Циолковский, признавая бесконечность и беспредельность эволюции в пространстве и времени, считал, что по всей Вселенной распространена органическая жизнь. Есть планеты, на которых жизнь значительно старше нашей, обитатели этих планет подобны людям, только более совершенны. И человечеству, чтобы совершить экспансию в космос, необходимо *«идти вперед и прогрессировать — в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества».* Тогда его *«ждет нечто блестящее, невообразимое».*

Когда я стал вчитываться в его концепцию космизма, то скоро понял, что она представляет собой библейскую «доктрину спасения», которая, приобретя обновленный смысл, прочно вписалась в культуру наших дней. В самом деле, надвигающаяся всемирная техногенная катастрофа, страх перед неизбежностью столкновения астероидов с Землей, ведущих к гибели всего живого, заставляют некоторых всерьез готовиться к судьбе «космических эмигрантов».

Уже подбираются подходящие места эмиграции. На примете планета Глизе 581 с климатом сходным с земным и экзопланета Кеплер 2b в созвездии Лебедь.

Она в 2,4 раза больше Земли, предположительно средняя температура на планете 22 градуса по Цельсию, с годовой орбитой 289 дней.

Это первая планета в жилой зоне, то есть на ней возможно существование живой воды. Вот только далековато она — 600 световых лет до неё. В настоящее время зафиксировано 48 потенциальных планет в жилой зоне.

В Чили строится мощный телескоп, способный в деталях рассмотреть Глизе, а заодно присмотреться к другим пригодным для освоения астрономическим объектам. Итак, еще один Ноев ковчег, где снова будет каждой твари по паре?

Вот только Ной построил свое судно по велению Бога, наставшего на Землю потоп в наказание за нравственное падение человека, сам же Ной был человеком праведным и непорочным в роде своем, угодным Господу.

«И увидел Господь (Бог), что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем» (Бытие, 6:5, 6). «И сказал Бог Ною: конец

всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истребляю их с земли» (Бытие, 6:13–16).

Сдается мне, в нашем случае астероиды и боязнь других природных катаклизмов повод, а не причина — крысы намерены бежать с тонущего корабля! Бежать от будущих социальных потрясений, от того, что среда обитания на Земле становится непригодной для жизни. Тщетно! Не получить им благословения от Бога!

Геологическое время, отпущенное для эволюции живого вещества, живой материи (по определённым признакам жизнь земной коры длится не менее 4-х миллиардов лет) кажется, заканчивается неудачей в основной своей цели. Её высшая форма — Человек, появившийся на Земле 200 тысяч лет назад (хотя по всему на Земле были и иные цивилизации), как носитель сознания, интеллекта и души — превратился в мутанта, с качествами бездуховности, алчности, меркантилизма, одичания и озверения. А по сему, на сей раз, конец света будет не наказанием Всевышнего, а творением людей.

Случилось так, что «русские азиаты» и русские в России аргіогі оказались в разных параллельных мирах. На бытовом уровне «русские азиаты» обладали более высоким уровнем самосознания, образования, бытовой и общей культуры. Вследствие многолетней жизни среди коренных народов Средней Азии в них сформировалось доброжелательное и уважительное отношение к окружающим. В отличие от них многие русские в России, проявляя нетерпимость к «русским азиатам» и причисляя их к чужакам, в то же время, были трусливы и покладисты перед агрессивными «кавказцами».

Перед «русскими азиатами» встала задача осознать действительность и определить возможность адаптации в недоброжелательном мире. Как ни странно, на помощь пришел... Джонатан Свифт — вернее, его книга «Путешествия Гулливера». Если в юности она казалась мне сводом занимательных фантастических приключений, в которые попадал Гулливер, то теперь предстала в совершенно ином свете.

Каждое из странствий Гулливера предстало как путешествием в параллельный мир, а возможно и на иную планету, где ему удавалось адаптироваться и находить общий язык с его обитателями. Это вселяло надежду!

После долгого перерыва я вновь углубился в чтение этой удивительной книги, чтобы сравнить сконструированные фантазмагорические миры Свифта и тот, в котором «русские азиаты» находятся уже почти четверть века в России.

Не открою ни для кого секрета, что только духовное начало, как стержень, может держать человека, не позволяя ему переступить тонкую грань между добром и злом. И именно оно задает код отношений среди людей. Поэтому свое путешествие по страницам книги Джонатана Свифта хочу начать с четвертой части, где, как в детском стишке о перевернутом мире, лошади ездят на людях.

Оказавшись на неизвестном острове, в стране Гуигнгмгов, Лемюэль Гулливер встречается со странными, безобразными существами — еху. *«Невозможно описать ужас и удивление, овладевшие мной, — рассказывает Гулливер, — когда я заметил, что это отвратительное животное по своему строению в точности напоминает человека».* Однако в стране Гуигнгмгов, благородных и разумных созданий, внешне похожих на лошадей, еху были всего лишь рабочим скотом.

Что же так напугало Гулливера в социальной иерархии еху, что даже сама мысль оставаться человеком казалась ему омерзительной? Ответ напрашивается сам собой: отсечение всех нитей, связанных с духовной сущностью человека, превратило йеху в бездуховных, алчных, лживых, грязных тварей.

У гуигнгмгов существовало предание, что много лет назад, не весть откуда, на одной горе завелась пара йеху. Затем они размножились. Их пытались приручить и облагородить, но всё напрасно. Гуигнгммы даже пожалели, что поступили крайне неблагоразумно — приручали йеху, оставив в пренебрежении ослов — красивых, нетребовательных животных, более смиренных и добронравных, не издающих дурного запаха. Крик их не очень приятен, но всё же он гораздо выносимее ужасного воя йеху.

Во время бесед со своим конём — хозяином путешественник узнает многое об их повадках. Приведу цитату, в которой достаточно четко прослеживается параллель между йеху и современниками Гулливера, на мой взгляд, она соответствует и нашему времени. *«У каждого вожжака обыкновенно бывают фавориты, имеющие чрезвычайное с ним сходство обязанность которых заключается в том, что они лизут ноги и задницу своему господину. Этих фаворитов ненавидит все стадо. Едва только правитель получает отставку, как большинство еху плотно обступают его и обдают с головы до ног своими испражнениями».*

Впрочем, в человеческом сообществе бывают исключения. Если глава государства посвящает себя бескорыстному служению Отечеству и народу он оставляет в истории достойную память.

Когда Гулливер освоил язык *гуигнгнмов*, он в беседах с конём — хозяином поведал ему о своей стране: о власти, правительстве, войнах, человеческих пороках, деньгах, абсурдных законах, продажном судопроизводстве, отсутствии справедливости, наличие знати и угнетённого народа и т. д.

Существование всех этих странных атрибутов и негативных явлений обескураженный конь — хозяин отнёс к большому несовершенству разума людей, а следовательно и недостатка добродетели ибо, по его мнению, для управления разумным существом достаточно одного разума: *«а вы, предположил он, и вовсе не притязаете на него».* Еще более он укрепился в этом мнении, когда заметил: *«подобно полному сходству моего тела с телом йеху, образ нашей жизни, нравы и наши поступки обнаруживают такое же сходство между нами и йеху».*

В романе Свифта, как нигде более, нормальное и чудовищное постоянно меняются местами. В Лилипутии, первой «остановке» свифтовского героя, это достигается игрой с масштабом восприятия. Только так можно было наглядно показать ничтожество политиков и грандиозность человеческого бытия. Итак, во главе государства находился император. Парламент состоял из двух враждующих партий — Тремексенов и Слемексенов, отличающихся друг от друга лишь тем, что одни предпочитали высокие каблуки, другие — низкие. По поводу этих каблуков разгорались нешуточные страсти: партия Тремексенов утверждала, что «высокие каблуки всего более согласуются с древним государственным укладом Лилипутии», однако император отдал пальму первенства Слемексенам. Поэтому в правительстве и всех прочих местах, раздаваемых короной, присутствовали только *низкокаблучники*.

На мой взгляд, замечательная аллегория–иносказание, придуманная Свифтом, не потеряла актуальности и поныне. Если проводить аналогию с лилипутами, наша партия власти обладает всеми признаками *подкаблучников* поскольку законодательная инициатива социально — политических реформ принадлежит «Кремлю», а Госдуме, как подсобному учреждению, всего лишь технико–юридическое оформление. К тому же доктринёрская политика парламентариев оторвана от жизни и обречена «прогибаться» под власть. Да и вообще: *«Какая польза в законах там, где нет нравов и обычаев»* — это понимали еще в древнеримской империи. У любого думающего человека давно нет иллюзий в отношении Госдумы, региональных Заксобраний и прочих атрибутов западной демократии.

У лилипутов, как можно убедиться, законы Слемексенов — низкокаблучников куда более прогрессивны, нежели российские законы партии власти. Там, к примеру, судебная ошибка карается чрезвычайно строго — у нас не карается вообще. Мошенничество считается более тяжким преступлением чем воровство и нередко наказывается смертью. Гулливеру объяснили почему: *«При известной осторожности, бдительности и небольшой дозе здравого смысла, всегда можно уберечь имущество от вора, но у честного человека нет защиты от ловкого мошенника».*

В нашем мире мошенники действуют легально. Они рекламируют себя по радио, телевидению, в интернете, газетах, журналах, метро. Другие мошенники те, что не

рекламируют себя — олигархи, банкиры, вороватые чиновники, мошенничают более масштабно и, по существующим законам беспрепятственно выводят из страны миллиарды.

Теперь возьмем такой важный аспект общественной жизни Лилипутии, как выбор кандидатов на любую должность. Чем руководствуются ее жители в первую очередь? Оказывается более всего нравственными качествами человека, так как считают, что *«самые высокие умственные дарования не могут заменить нравственных достоинств, и нет ничего опаснее поручения должностей даровитым людям с порочными наклонностями, одаренным умением скрывать свои пороки, умножать их и безнаказанно предаваться им»*.

А как же обстоит с этим делом у нас? Опять таки, в условиях диктатуры партии власти главным критерием отбора чиновников и карьерного роста являются не нравственные качества, компетенция, опыт и умственные способности, а партийная принадлежность и личная преданность — настоящий рассадник психической заразы, которая буквально въедается в душевную ткань. Современные Швондеры — это утрата достоинства, льстивое раболепство, пронырливость, взяточничество, неуважительное и хамское отношение к подчиненным и народу, готовность вести страну по приказу сверху даже на закланье.

А что случилось с совестью? С ней случилось то, что предвидел Михаил Евграфович Салтыков—Щедрин *«Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! Еще вчера эта надоедливая приживалка так и мелькала перед глазами, так и чудилась возбужденному воображению, и вдруг... ничего! Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и нравственная смута, которую приводила за собой обличительница—совесть. Оставалось только смотреть на божий мир и радоваться: «мудрые мира» поняли, что они, наконец, освободились от последнего ига, которое затрудняло их движения, и, разумеется, поспешили воспользоваться плодами этой свободы...»*.

А ведь совесть и душа это безусловное отличие человека от животного. Совесть — это дивное отображение Божества в человеке — внутреннее чувство определяющее духовность, долг, мораль, этику, законность, то есть нравственные нормы бытия. Это то, что по словам апостола Павла позволяет человеку: *«Естеством — законное творить»*. И дело не в том, чтобы все люди стали праведниками, а в том, что бессовестное поколение, если оно придёт когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на земле.

5

Когда мы говорим о либералах, невольно возникает вопрос — можно ли утверждать, что в России они паразитируют? Формально для этого нет оснований. Однако они игнорируют сферу материального производства и сельское хозяйство, защиту государства — службу в армии и полиции.

Зато доминируют в банковской и финансовой сфере, в законодательных органах, СМИ, в коммерческом образовании и здравоохранении. Они заправляют шоу — бизнесом, насаждают западную поп — масс культуру, творят литературу — макулатуру, доминируют в правозащитниках себе подобных и в «иностранных агентах». Кроме того, шуршат в различных карликовых неправительственных организациях, фондах, рекламе и в прогнозе погоды, но не на метеостанциях, а «в верхних слоях атмосферы». Всё по известному принципу: *«Вы будете служить и работать, а у нас голова...»*.

В книге «Атлант расправил плечи» и в других произведениях бывшей нашей соотечественницы, известной американской писательницы Айн Рэнд, многие оценки

очень точно экстраполируются применительно к нашим либералам: *«Их трескучее краснбайство и разум направлен на извращение и уничтожение. Да, они не способны иметь дело с материей, созидать и создавать изобилие. Им этого и не надо. Их цель — управлять мной, нами. Их цель — лишить вас концепции, от которой зависит разум человека, его жизнь и культура».*

И далее: *«Принцип свободы слова требует, чтобы мы не принимали законов запрещающих говорить. Однако принцип свободы слова не подразумевает, что мы обязаны давать им работу и поддерживать наше собственное уничтожение за наш же счёт».*

Абсурд, но в России, те объединения и личности, которые по характеру своему и историческим традициям не способны или не хотят поддерживать чуждую им национальную русскую государственность, пользуются всеми политическими правами и даже привилегиями. Они свободно посещают на Западе политиков, призывают свергнуть в России существующую власть и спокойно возвращаются обратно будучи студенткой Петербургского университета.

Либеральная общественность, как моральную поддержку, с восторгом приняла высказывание из Кремля: *«Свобода лучше несвободы»* и своеобразно пользуется этим. Своеобразность этого «постулата» состоит для них в том, чтобы безнаказанно опошлять тысячелетнюю историю Руси от древности до современности. При этом каждый словоблуд в либеральных СМИ имеет свою нишу, хотя общим для них является Геббельсовский принцип: *«Чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа верит в неё».* Но если Геббельс понимал: *«Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм»*, то это понимают и либералы. И тут в союзниках у них СМИ с теледебильником и система необразования, где они «разделяют и властвуют».

Однако стоит только заикнуться о тлетворном влиянии лжи и фальсификации на неокрепший ум, как они, с истошностью подвинка подлежащего оскоплению, начинают верещать о возвращении советской цензуры. И это действует, — «свобода лучше несвободы» берёт верх, недаром Венедиктов, который с «Эха», всеу любит выражаться: *«Мои друзья в Кремле».*

Однако для нас, у кого «друзья не в болонии», предпочтительней цитата Томаса Джефферсона : *«Там, где печать свободна — никто не свободен».* К тому же не грех вспомнить и Ф. М. Достоевского: *«Ничего и никогда не было для человека и человечества невыносимее свободы».*

Либеральный, прозападный, агрессивно-навязчивый гвалт напоминает шабаш сатаны и ведьм в симфоническом произведении Модеста Мусоргского «Ночь на Лысой горе». В музыкальном произведении шабаш прекращается с окончанием тьмы, наступлением рассвета и первыми лучами солнца. Надеюсь, то же самое произойдёт и в новейшей истории России.

Но либералы этим не ограничиваются. Им предоставлена возможность ставить в России менгелевские опыты, но не на человеческом теле, а на человеческой душе.

Всё уродливое, омерзительное, богопротивное и противоестественное преподносится как артпроект, перформанс, эстетика протеста. Под радостный вопль: «пипл схавает», — всё это выдается в виде выставок современного искусства, дизайн и арт — проектов, концертов и т. п. И не только это. К сожалению «пипл хакает» и станцию метро «Войковская», Ленинградскую и Свердловскую области, улицы названные палачами русского народа и террористами революционерами, памятники-истуканы. Вся провинция и не только, пестрит этими атрибутами, то ли кинутыми властью народу как кость, то ли в насмешку.

По мнению Юрия Мамлеева суровая действительность свидетельствует о том, что европейская цивилизация «переживает пост-христианскую эру». На Западе, в протестантских и католических церквях процесс профанации практически завершился.

Однако сам философ надеется, что *«православие останется последней твердыней христианства»*. Именно поэтому, мы свидетели беспрецедентного наступления либералов на Православную церковь и русский Мир.

У всех в памяти март 2012 года, когда «девочки» — перезрелые по возрасту, но недозрелые по уму, лишённые нравственных норм бытия из панк — группы «Pusse Riot», по воле кукловодов, устроили мерзкую пляску в Храме Христа Спасителя.

Либералы были наготове и тут же, в оправдание напавших «девочек» всем кагалом обрушились на Патриарха и Православную церковь. Так они «отметили» двухсотлетие победы нашего Отечества над полчищами Наполеона, осквернив память о тысячах русских православных людей, заплативших жизнью своей за Родину.

Затем, в качестве отчёта за получаемые «тридцать сребреников», либеральная тусовка всячески героизировала и таскала этих матрёшек по Европам и США. Второй целью было плодить новых «фриков», которым не будет давать покоя сомнительная слава «Pusse Riot». Однако как бы мокрицы не «пуссирались» — No pasaran! Они не пройдут!

6

Гулливер, познавая фантастический мир лилипутов, не мог не восхититься их системой образования. Читаем: *«Дети воспитываются в правилах чести, справедливости, храбрости; в них развивают скромность, милосердие, религиозные чувства и любовь к отечеству. Благодаря такой системе воспитания молодые люди стыдятся трусости и глупости и относятся с презрением ко всяким украшениям, за исключением благопристойности и опрятности»*. Есть в этой системе и равенство полов, и гармония физического и интеллектуального развития, и раннее приучение к самостоятельности.

Конечно, вряд ли стоит делать слепок с лилипутского образования, тем не менее, система воспитания у лилипутов в каких-то аспектах согласуется с мудрыми советами Ивана Александровича Ильина: *«Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели. Пение научит его первому одухотворению душевного естества по-русски... Русская песня глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение»*.

Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она научит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие правды от кривды.

Молитва есть сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу. Молитва даст ребенку духовную гармонию. Молитва даст ему источник духовной силы — русской силы. Он найдет пути и в глубину русской истории, и на простор русского возрождения».

Не правда ли, насколько правильно и вместе с тем настолько наивно выглядит сейчас русский философ? Русские сказки, песни, молитва... Он и предполагать не мог, что мы, русские, доживём до того, что слово «русский» станет не ко двору! И что на русский фольклор и на русскую народную песню на радио и телевиденье либералы наложат вето. Где теперь ансамбль Советской Армии имени Александрова, где знаменитый ансамбль «Берёзка? Вместо хора имени Пятницкого — хор Турецкого, вместо Большого детский хора всесоюзного радио и телевиденья — детский хор «Radio classic Angels». Даже Большой театр с «лёгкой руки» Швыдкова оказался в паучьих лапах с бульварным репертуаром и извращенной русской классикой.

Как же знал Достоевский русского либералов! Предвидел Керенских, Милюковых, пассионарно — сатанинских революционеров и нынешнюю либеральную камарилью. паучьих лапах.

Следуя излюбленному гротеску, Джонатан Свифт вполне закономерно после лилипутов отправляет Гулливера в Бробдингнейг, страну великанов. Казалось бы, поводов для высмеивания здесь нет: великаны естественны, ведут простую патриархальную жизнь под руководством умного короля. Но в том-то и дело, что на их фоне скорее смешон и мелок сам Гулливер с его претензией на просветительство.

Да и в чем просвещать?! Не знавшие огнестрельного оружия великаны, услышав о нем, приходят в ужас, настолько безнравственным представляется им это изобретение. Выслушав описание орудий, король-великан испытывает потрясение: как Гулливер, *«такое бессильное и ничтожное насекомое»*, может питать столь бесчеловечные мысли... и до того свыкнуться с ними, чтобы совершенно равнодушно рисовать сцены кровопролития и опустошения, как самые обыкновенные действия этих разрушительных машин». И с каким же пафосом и резонерством Гулливер дает оценку естественной реакции просвещенного монарха: *«Странное действие узких принципов и ограниченного кругозора»!*

Как в литературе, так и в жизни, реальность и ирреальность всегда рядом, надо только суметь их разглядеть и разграничить. И тогда может обнаружиться, что современный человек и есть тот карлик, несовершенное «насекомое», которое по поводу и без повода не прочь побрызгать оружием. К сожалению, в его распоряжении есть и такое, которое угрожает существованию человечества на Земле.

Но как бы не были занимательны наполненные опасностями приключения Гулливера в Бробдингнейге, более всего в этом параллельном мире меня заинтересовало, как Свифт разворачивает полемику о государственном устройстве страны. И не важно, что это исторические реалии Англии XVIII века, сам принцип государственного строительства и основы избирательного права, поданные через восприятие мифического, но вместе с тем не испорченного цивилизацией людей героя, могут явить неожиданный результат.

Во время одной из многочисленных бесед король, выслушав рассказ Гулливера об устройстве парламента, состоявшего из палаты пэров (лордов) — лиц «самого знатного происхождения, владеющих древнейшими и обширнейшими вотчинами», и палаты общин, куда входят «перворазрядные джентльмены», усомнился в разумности такого подхода. Великану было непонятно, так ли уж основательно знают лорды законы, и *«позволяет ли им это знание решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан»*. Действительно ли лорды *«чужды корыстолюбия, партийности и других недостатков, что на них не могут подействовать подкуп, лесть и тому подобное»*.

Затем король пожелал узнать, какая система практикуется при выборах депутатов в палату общин. И опять сомнения в чистоплотности и бескорыстии: нет гарантий, заключает он, что *«человек с туго набитым кошельком» не станет оказывать давление на избирателей, да и сами депутаты — не захотят ли они «вознаградить себя за понесенные ими тяготы и беспокойства?»*

Так и хочется переадресовать эти вопросы дотошного монарха нашему институту парламентаризма — уж больно очевидна параллель. В стране хоть и двухпалатная система и по аналогии Совет Федераций — «палата лордов», а Государственная дума — соответственно, «палата общин», но обе они подвержены тем порокам, которыми был озабочен король. Почему это происходит? Для этого необходимо задаться вопросом — что есть демократия и имеет ли она отношение к народу?

Активная критика демократии как политического режима началась ещё до наступления нашей эры — с Платона и Аристотеля. Аристотель считал монархию и аристократию (государством должны управлять избранные, лучшие умы) — наилучшей формой правления, а демократию допускал только в ограниченно виде. Время подтвердило — демократия, как самый архаичный, древний и «варварский» политический строй из всех

существующих, на самом деле никогда не была властью большинства и всегда отличалась крайней несправедливостью.

Основной инструмент демократии — парламентаризм. Партия (от лат. *pars* — «часть») всегда лишь часть целого, но посягает она на гораздо большее, на «целое», на власть в государстве, губернии, районе. Партия навязывает свою частную (партийную) программу вопреки желанию остальных граждан, которые или высказались не в её пользу или не участвовали в выборах из протестных соображений. Вот и в новейшей истории России партия власти, отражая меньшую часть общества (общая численность имеющих право голоса минус число отказавшихся от голосования и минус число проголосовавших за другие партии), действует по принципу: «Победитель получает всё».

Вопрос «Быть или не быть парламентаризму в России?», как вопрос о возможности и оправданности переноса западной модели политической организации на российскую почву, решался еще во второй половине XIX — начале XX вв. с историко-культурных позиций. Идеологами охранительного консерватизма в последней трети XIX века являлись: законовед, писатель, сенатор, член Государственного Совета, советник Александра III — К. П. Победоносцев (1827–1907) и публицист М. Н. Катков (1818–1887). Достоевский и Победоносцев, которые были близкими друзьями и единомышленниками, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий, как «демократия», «реформы», «либерализм», «свобода». Оба философа задавались вопросом: в какую форму выльется европейский опыт в России. Теперь — то мы на своей шкуре испытали тайный и явный смысл вышеуказанных понятий, которые преследует цель «похоронить» нас на своей земле.

М. Н. Катков впервые отчетливо противопоставляет Россию и Запад. Развивая свою идею как идею главенства долга, он подчеркивал, что публичный характер государственной власти не совместим с принципами демократического парламентаризма. *«Россия выросла не мнениями, не большинством голосов, не интригой партий, вырывающих друг у друга власть, а исполнением священного долга, связующим воедино все сословия народа»*. И далее: *«Образованное на манер парламента по партийному принципу народное представительство всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет более закрывать собой, нежели открывать народ с его нуждами. Оно будет выражением не народа, а чуждых ему партий и неизбежно станет орудием их игры»*.

Политический идеал публициста — народное самоуправление, которое в современной России отсутствует или превращено в фарс. С ним были солидарны многие, в том числе и И. Л. Солоневич: *«Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии заимствованные откуда бы то ни было извне, — неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры... Политической организацией Русского народа всегда было самоуправление»*.

Однако вернёмся к нашим выборам и зададимся еще одним вопросом — кто обеспечивает «Единой России» так называемую «безусловную» победу»? Ответ очевиден: главным образом административный ресурс, который держит под прессом бюджетников. А кто ещё? За ответом обратимся к Томасу Карлейлю : *«Мир изобилует олухами, а вы добились всеобщего избирательного права. Я не верю в коллективную мудрость невежественных индивидов»* — в очередной раз посочувствовал бы он нам.

Под олухами, философ подразумевал «общественность». В основном, это люди, не понимающие что такое демократия, не разбирающиеся в экономике, с низким уровнем образованности, культуры, самосознания и духовности, зацикленные на материальном.

Господь свидетель, на Земле всегда были недалёкие люди и простодушные невежды.

В подтверждение привожу отрывок из стихотворения Виктора Гюго 150 –летней давности:

*Рыдая, веселясь, кумирам глядя в рот,
К бездонной пропасти прёт бесшабашный сброд.
Не знающий родства и возраста прохожий,
Сброд, рыхлостью своей на облако похожий, —
Не выслушан нигде, не ведом ни кому,
Желанья и слова роняет он во тьму,
И мрак сопутствует его бесцветным будням,
И тьму кромешную считает он полуднем...*

Что касается качества «законов» и «кодексов», то множество оных «ниже плинтуса» или с «двойным дном». Большинство депутатов объективно далеки от возможности и способности разбираться в их множестве и тем более заниматься законотворчеством. Этим заняты помощники депутатов и иные — ангажированные «плутократы», лоббирующие олигархам, монополистам и мошенникам всех мастей.

Таким образом, выборы в Госдуму — дорогостоящая имитация всенародного волеизъявления с последующим рассаживанием людей, устраивающих Власть во главе Комитетов и Комиссий, а урна для голосования — место для погребения праха надежд на торжество справедливости.

А как же «народные нужды?». Их постигла участь того, о чём предупреждал нас М. Н. Катков и другие русские просветители более 150 лет тому назад. Остаётся утешиться словами писателя Марка Твена: *«Все политические партии, в конце — концов умирают, подавившись собственной ложью».*

По опросам общественного мнения народ доверяет В. Путину и почему-то надеется, что он сбросит с себя либеральные «вериги», уничтожит олигархат как класс — паразит, сменит правительство юристов на правительство технократов — созидателей, проведёт национализацию стратегических отраслей экономики при которой только и возможно снижение тарифов и соответственно развитие страны.

Но откуда такая вера. Разве Кремль сменил курс? Или на фоне реальной внешней угрозы (не обязательно войны) власть избавилась от части российской управляющей элиты действующей вопреки интересам страны? Возможно покончено с разрушительной макроэкономической политикой денежных властей, работающей на эрозию системы изнутри? Или Власть прислушалась к практическим предложениям научной элиты страны, чьи реальные антикризисные программы противоречат монетаристским догмам ВШЭвой псевдонауки? Разве глава государства избавился от влияния деструкторов — «ребята с нашего двора»? Да нет, пока всё без изменений!

На этом фоне мы свидетели того, как ухудшается экономическое положение страны, однако за прошедшие почти четверть века либеральная экономическая система России — *«мы не пашем, не сеем, не строим ...»* — не меняется.

А в целом, четверть века — коту под хвост! Меньшего времени хватило Советскому Союзу, чтобы из послевоенной разрухи подняться для полёта Гагарина в космос, Европе вернуться к нормальной человеческой жизни после войны, Китаю, заняв наше место, превратиться во вторую мировую супердержаву.

Так не пора ли перестать воспринимать идеологов и «архитекторов» новейшей истории, как спасителей Отечества, принимать извращения за достижения, упёртую тупость за волю, меркантильный интерес и противоестественную утопию за будущий прогресс? Если не сделаем этого, придется мириться с картиной, которую нарисовал великан-король Гулливеру-лилипуту:

«Из сказанного вами... менее всего видно, чтобы люди жаловались высокими званиями на основании их добродетелей, чтобы судьи — за свою неподкупность, сенаторы — за любовь к отечеству, государственные советники — за свою мудрость. Факты, отмеченные мной в вашем рассказе, не могут не привести меня к заключению, что

большинство ваших соотечественников есть порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности».

В мире благородных великанов Гулливеру не нашлось места, вероятно, размеры были не те. Но где же тогда искать идеал? Эпоха Просвещения подсказывала один вариант — это могущество человеческого разума и научно-технического прогресса. Поэтому вполне логично, что в третьей части книги Гулливер, претерпев немалые бедствия, неожиданно попадает на парящий высоко в небе остров Лапуту.

Летучий остров — чудо науки, оторванное от народа, собрал ученую элиту и аристократов, которые были погружены исключительно в «глубокие математические размышления». Здесь же пребывал и король — правитель распростертой внизу страны Бальнибарби. И не было им дела до всего, что «делается на земле». Ничто кроме науки абстрактной и умозрительной да еще разве что музыки не интересовало этих «небожителей». Как же все это узнаваемо: наша верховная власть, олигархи, депутаты и высокопоставленные чиновники — сиречь «небожители», тоже давно потеряли всякую связь с народом.

«Зримое воплощение абсурда», царящее на острове, заставило Гулливера покинуть его и отправиться на «континент», в город Логодо — столицу Бальнибарби. Он был потрясен открывшейся перед ним картиной: беспредельное разорение и нищета соседствуют с оазисами порядка и процветания, которые, как, оказалось, остались еще от прошлой, нормальной жизни. Бывший губернатор по имени Мьюноди поведал Гулливеру такую печальную историю: *«...около сорока лет тому назад, несколько жителей столицы поднялись на Лапуту — одни по делам, другие ради удовольствия — и после пятимесячного пребывания на острове спустились обратно в крайне легкомысленном расположении, приобретенном в этой воздушной области. Возвратившись на землю, эти лица прониклись презрением ко всем нашим учреждениям и начали составлять проекты пересоздания науки, искусства, законов, языка и техники на новый лад».*

То же самое случилось и у нас четверть века назад. На Западе натаскивались и возвращались проникшиеся презрением к стране и людям «чикагские мальчики». Там их научили двум вещам: как лично обогатиться в России за счёт сговора и неразберихи, и как тормозить развитие реального сектора экономики страны. То и другое им удалось. Они в олигархах, в больших чиновниках, а Россия в дистрофичном состоянии. Страна с трудом выживает за счёт ренты от продажи сырья, потребляя западные товары и продовольствие сомнительного качества.

И если в королевстве Бальнибарби Гулливер был свидетелем «Академии прожектёров», то либеральное правительство России пользуется услугами ВШЭ (Высшая школа экономики) что равнозначно, если судить по результатам.

7

Пётр Алексеевич Столыпин предупреждал: *«Народ, не имеющий национального самосознания — есть навоз, на котором произрастают другие народы».*

Либеральные СМИ и авторы фальшивых учебников по истории всё делают для того, чтобы лишить русских национального самосознания. Их главный метод не показывать позитивные русские черты, дискредитировать русскую историю и русских героев. Они понимают, что национальное самосознание — это самое важное, корневое свойство человека. Это тот «цемент», который скрепляет отдельных людей и народ. Самосознание — это защитное свойство, которое позволяет народу надёжно противостоять возмущениям окружающего мира. Без самосознания народ как субъект истории исчезает.

Вот уже четверть века «пятая колонна» — русофобы и ненавистники России, пользуясь «режимом наибольшего благоприятствования», фальсифицируют историю Руси от Куликова поля до Великой Отечественной войны. Кошунственно осмеивают и опошляют все святое и прежде всего жизнь и деятельность великих предков и героев, уничтожают основы нравственности, вырывают духовные корни. И то верно: *«Народ без души — было жующее, управляемое и всепокорное»*.

В контексте идеологической борьбы с Россией и Русским Миром, либералы характеризуют Великую Отечественную войну не как борьбу между злом и добром, а уравнивают Сталина с Гитлером, оправдывают коллаборационизм, обливают грязью всех, от Сталина и Георгия Жукова до Зои Космодемьянской и Александра Матросова, уравнивают СМЕРШ и нацистов, добиваются признания равной ответственности нацизма и сталинизма за развязывание войны. По их мнению, в войне в 1941 года под Москвой, как и в войне 1812 года победил не народ, а «генерал–мороз». Священная для нас Великая Отечественная война нивелируется, а роль СССР и советского народа в Победе опошляется.

Одновременно, либералы от массмедиа, освещают не столько Великую Отечественную войну, а целенаправленно делают акцент на власть во время войны, как деспотическую, тоталитарную и «энкавэдэшную», якобы бездарно руководившую страной, армией и напрасно погубившей десятки миллионов людей.

Однако современные иуды зря стараются. Генералиссимус И. В. Сталин — выдающийся политический и военный стратег, его маршалы, всегда будут олицетворять победу советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.

Возмущенный искажением истории Великой Отечественной войны Авигдор Эскин — израильский политолог, на публичной встрече с Гозманом (чубайсовским «санчо панса») проклял его и ему подобных, а затем, продекламировал строки из стихотворения Юнны Морис:

*Гитлер — да он родной вам папа,
Теперь вы влюблены в культурный слой гестапо.*

Юнна Морис в этом стихотворении добавляет:

*А мне мерзавке жаль, что гибли наши парни,
За бешенную шваль на русофобской псарне.*

Мы помним, как в 90-х, безнаказанная либеральная сволочь бросала в лицо поэтессе Юлии Друниной и другим фронтовикам: *«Лучше бы фашистская Германия победила СССР в 1945 году. А еще лучше — в 41-м»*. Осуществляла нападки на Драгунского Давида Абрамовича генерал — полковника в отставке, дважды Героя Советского Союза, возглавлявшего антисионистский комитет.

Понять психологию этих моральных уродов невозможно. Ведь они дети и внуки тех, кто благополучно пережил Великую Отечественную войну в Ташкенте и других городах Средней Азии «на солнечной стороне улицы». Тех, кому повезло избежать Освенцима, Бухенвальда, Варшавское гетто, Саласпилса, Бабьего яра и т. д.

В 2014 году они дружно поддержали украинских нацистов–сторонников Бендеры и Шушкевича. Поддержали, поскольку знали, что не майдановские дуроломы возглавят власть на Украине, а с помощью США возглавят «свои», не имеющие (как и они в России) с Украиной и украинским народом ни духовного, ни этнического родства.

Украина обречена. США не выпустят её из цепких лап, а лозунг «Слава Украине!» уподобится для неё Наполеоновскому лозунгу «Слава Франции!», вследствие которого началось вырождение талантливой нации, а Франция так больше никогда и не оправилась. В 1814 Париж был сдан и состоялся парад союзных войск. Затем был сдан в 1871, в 1914 только русские жертвы на полях Восточной Пруссии спасли Париж от очередного иностранного парада, но он состоялся в 1940 году. В 2014 Париж безвольно пренебрёг своим достоинством и лёг вместе с «Мистралями» под Америку.

Что касается либеральной России, то сколь угодно долго можно говорить о том, что мы вместе произошли из Киева, *«откуда русская земля стала есть»* по летописи Нестора и откуда засветило нам христианство. Можно говорить о том, что одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и всё протяжении от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера. Владимир Мономах был одновременно и киевский князь и ростово-суздальский. О том, что народ Киевской Руси создал Московское государство. Поезд ушел...

«Спасибо» Ельцину, который во время развала Советского Союза «с мясом» отодрал от России Украину и Беларусь. «Спасибо» малодушному Януковичу, который вёл себя подобно Керенскому в 1917 году. Тот тоже повторял: — «При мне крови не будет!». Однако затем, оба сбежали, а кровь была.

За время дипломатической «деятельности» Зурабова на Украине, постулат Кучмы: «Украина — это не Россия» трансформировался в: «Кто не скачет, тот москаль», «Москаляку на гиялку» и Майдан. А ведь до этого даже в США не сомневались, что в случае политического кризиса Украина неизбежно распадётся на две части: Православный Восток и Униатский Запад.

8

Вернёмся к Гулливеру. В стране лапутян он всё удивлялся, что ему никогда не приходилось «видеть полей, хуже возделанных», на которых он не заметил «ни одного колоса», и дома «лапутян построены очень скверно», и внешность людей «свидетельствовала о нищете и лишениях».

Поездил бы он по Российской глубинке, посмотрел бы на заросшие поля и на убожество жизни сельских жителей! Нынешнее поколение молодых людей понятия не имеют, что такое колхозы и совхозы. На постсоветском пространстве они сохранились только в Белоруссии и кормят не только население своей республики, но и нас с вами. «Наши» либералы в том числе и за это люто ненавидят Президента Белоруссии Александра Лукашенко. Ненавидят за то, что Беларусь без газа, нефти, угля, леса и других сырьевых ресурсов выживает, и уровень жизни народа мало чем отличается от российского, а дороги там европейского уровня.

Процветают и израильские Кibuцы, а ведь это те же колхозы, у них общинная земля, имущество, жилые дома, медицина и даже продукты питания бесплатны. Продукция израильских кibuцов тоже на наших прилавках.

В Киргизии были десятки успешных колхозов-миллионеров — тоже «олигархов», но общественных и народных — с детсадами, школами, клубами, жильём. По стране их было десятки тысяч, все эти успешные совхозы и колхозы разорены до основания и разорены преднамеренно.

Как это происходило? Если кратко, всё началось 70-х годах, когда была развёрнута компания по уничтожению «неперспективных деревень», когда в обосновании этой лукавой идеи преуспели: академик Аганбегян и его выкормыши — Заславская и другие. Окончательно «добил» деревню Ельцин. В начале 90-х, под видом создания фермерских

хозяйств, ушлое либеральное окружение подкинуло ему идею выделить крестьянам, так называемые земельные доли в частную собственность. В результате колхозы и совхозы рухнули. Ну а фермерские хозяйства? Какое фермерское хозяйство на 3 -5 ти гектарных клочках земли!

Почему либеральная команда Ельцина сделала упор на то, чтобы уничтожить русскую деревню? Ненавистники русского образа жизни поставили цель разрушить эффективную коллективную систему землепользования и общественную организацию труда на земле, чтобы довести крестьян до одичания, а в конечном итоге, нанести непоправимый удар по Русскому Миру, по православной цивилизации. В результате, с карты России исчезло более двадцати тысяч сел и деревень, а более 40 миллионов гектар ранее обрабатываемых плодородных земель заросли бурьяном и лесом. Ни одна война не нанесла такого ущерба.

В этом смысле, да и не только в этом, либералы плоть от плоти большевики. Те, как и нынешние, язвящее копьё нацелили в самое сердце распятого русского народа, «повинного» в создании великой империи, объявленной большевистской пропагандой «тюрьмой народов». В достижении этой цели уничтожали церкви — душу народа и деревни — как носительницы традиций и первоосновы Руси. Перелицовывался, выкорчевывался, выжигался тысячелетний культурный ландшафт, созданный гением русского народа. В период с 1925 по 1938 год были уничтожены все крестьянские поэты: Сергей Есенин, Алексей Ганин, Николай Клюев, Павел Васильев, Сергей Клычков, Иван Касаткин и другие.

В настоящее время у Власти возникла странная идея переселить людей на обезлюдивший Дальний восток. Для этого, то ли по наивности, то ли лицемерно, правительство предлагает бесплатно землю там, куда «не заманят и награды» — без дорог и инфраструктуры. А надо бы элементарно вспомнить, как осваивали в 50-е годы целинные земли. И тогда молодые семьи потянутся к земле ради жилья и работы и не только на Дальний Восток, но и в Центральную Россию — сразу за МКАД.

Ну а пока, потеряв свою продовольственную безопасность, Власть превратила население России в аквариумных рыбок — чем накормит Евросоюз и другие, тем и будем сыты. Правда теперь, в условиях экономических санкций со стороны Евросоюза и США либеральное правительство делает вид что хватилось, провозгласив необходимость «импортозамещения» и «продовольственной безопасности». Так к этому, четверть века, разве только ленивый не призывал!

Между тем, для обеспечения продовольственной безопасности РФ необходимо минимум 300 тысяч тракторов всех видов, 180 тысяч новых комбайнов, оборудование для переработки сельхоз продукции и пищевой промышленности. В общем, начинать надо почти по Ленину, который мечтал о 100 тысяч тракторов. И тут опять надежда не Белоруссию — они, в отличие от нас, сохранили свою промышленность. А еще нужны семена, племенные породы скота (кстати, в советское время поголовье коров составляло 58 млн. голов, сейчас 9,0 млн.) и птицы. Но, поскольку эти проблемы «будет решать» всё тот же неизменный либеральный клан в правительстве и Центробанк, которые «замылили» все предыдущие приснопамятные инициативы, значит: *«в то время счастливое жить не придётся ни мне, ни тебе!»*.

9

В начале девяностых, наездом, я попал в Калужскую область, в небольшой провинциальный город Тарусу, расположенный на левом берегу Оки. Там случайно узнал, что в окрестных заброшенных деревнях есть возможность оформить земельный участок для «ведения подсобного хозяйства с правом строительства дома». Непременно воспользоваться такой возможностью я оказался в деревне Бортники, наряду с другими

ставшей в 70-е годы жертвой «неперспективных деревень» и сохранившая доселе несколько старых почерневших деревянных домов. В ней, в качестве дачников, в летний период обитали 5–6 семей из Москвы, в том числе, потомки коренных жителей. Деревня приютилась среди лесов вдоль широкой поймы ручья Песочный. Здесь на пенсии я нашел приют от мирской суеты и занимаюсь творчеством, здесь воочию познал «как упоительны в России вечера». Затем меня заинтересовала история этой точки на русской равнине, чем я и хочу поделиться с читателем в контексте деревенской темы.

Таруса издревле принадлежала к княжеству Черниговскому. В Полном собрании русских летописей в первый раз о Тарусе упоминается в 1246 году. Там же упоминается удельный Князь в Тарусе и её основатель — Юрий, сын Св. Михаила Князя Черниговского. Тарусская земля, как и вся средневековая Русь, находилась под властью татаро–монголов, неоднократно подвергалась нашествию Литовцев и Крымских ханов.

В 1766 году по повелению Императрицы Екатерины II Таруса, бывшая только городищем, перечислена из Московского ведомства к Калужскому наместничеству в качестве уездного города. В 1796 году Император Павел I повелел переименовать Калужское наместничество в Калужскую губернию, а Таруса стала уездным городом этой губернии. На карте Тарусского уезда деревня Бортники обозначена 1789 годом. Сколько лет Бортники существовали до того как попасть на карту, мне установить не удалось. В 1838 году в Тарусском уезде учреждено волостное управление государственными крестьянами, и Бортники становятся волостным поселением управляемым сельской общиной. Следует пояснить, что государственные крестьяне — особое сословие крепостной России, оформленное указами Петра I из оставшегося не закрепощённого сельского населения. Они жили на казённых землях, несли повинности в пользу государства, считались лично и экономически свободными. В середине XIX века государственные крестьяне составляли более 50% крестьянства. Таким образом, уже в дореформенный период в отличие от помещичьих, у государственных крестьян существовала волостная община, включавшая в себя сельские общества, состоявшие в свою очередь из общин отдельных деревень. В послереформенный период всё крестьянское население России, было организовано в общности трёх уровней: волость, сельское общество и деревенская община, статус и структура которых были законодательно определены «Общим положением о крестьянах» (1861 г.). Сельская община на Руси представляла собой локальный вариант общерусского социального института и была самоуправляемым, хозяйственно — экономическим, подземельным, податным, судебным и религиозно — обрядовым союзом семей — дворохозяиств одного или нескольких соседних селений. Община была в значительной мере самодостаточным социальным организмом на основе традиционного самоуправления. Она владела и пользовалась следующими земельными угодьями: усадебной и пахотной землями, сенокосами, выгонами для скота, участками леса, землями под дорогами, пустошами, водоёмами, болотами и др. Для всех этих частей общинных угодий существовал свой устанавливаемый общий порядок пользования и распределения между дворохозяевами. Сознательно отстраняясь от задачи глубокого анализа отдельных аспектов русской общины, следует признать, что этот порядок был демократичен и справедлив.

К усадебной земле относилась земля под домом, хозяйственными постройками и огород. Дворохозяиства не имели права продать усадебную землю за пределы общины без её согласия. По отношению к пахотным угодьям община проявляла свои права значительно в большей степени. Она стремилась распределить землю и подати (налог за пользование землёй) в соответствии с представлениями о справедливости, снимая то и другое со слабых семей, с малым количеством рабочих рук и передавая более сильным, где рабочих рук было много. Кроме того, учитывалось качество земли и удалённость от селения. В этом случае все поля разделялись на участки одинакового качества так, чтобы

каждое дворохозяйство получило свою долю пахотной земли каждого качества и степени удалённости.

Принцип раздела сенокосных угодий общины (пожни), как правило, соответствовал принципу раздела пахотной земли. В некоторых общинах сенокосные угодья не разделялись на части между дворохозяйствами. В этом случае на период сенокоса каждое дворохозяйство выделяло по одному или более работников. Косцы, объединившись в одну или более артелей, выкашивали все пожни. Затем скошенное и просушенное сено делилось стогами между дворохозяйствами. Пастбищные угодья (выгоны) повсеместно находились в общем пользовании всех дворохозяйств общины и скот на них выпасался единым стадом. Пастбищами служили лес и пахотные поля, когда они свободны от посевов.

Обычно общины имели в своём владении, кроме прочего, участок леса. Каждый общинник мог пользоваться его дарами — грибами, ягодами и т. п. без каких либо ограничений. Однако для порубок устанавливался определённый порядок. Лес, река, озеро в сознании крестьян считался в определённой мере «божьими» и пользование ими не могло быть чьей — то привилегией. Община могла владеть частью реки с её берегом, болотами, участками дороги, пустошами при этом ловля рыбы, стирка белья, пользование водой, сбор мха на болоте, проезд по дорогам «не возбранялся ни для кого, и ни для кого не составлял привилегий». В настоящее время большая часть береговой линии Оки в пределах Тарусского района «прихватизирована» и недоступна.

Хозяйственное единство русской общины особенно ярко проявлялось в том, что некоторые работы её члены выполняли сообща, миром. Их виды и способы организации были разнообразны. К общественным работам относилось устройство мостов, ремонт дорог, колодцев, сооружение плотин на ручьях для поения скота и т. д.

Особой разновидностью общественных работ являлись так называемые *помочи*, или *толоки*. Толокой совершали трудоёмкие работы, которые требовали быстрого исполнения. Особенно были распространены толоки при вывозе навоза на поля. Собираются на толоку с женами и детьми. Каждый двор доставляет лошадь и телегу. Мужчины накладывают на дворе навоз на телеги — дети везут навоз на поля, сидя верхом на лошади. На поле женщины вилами стаскивают навоз понемногу с телеги, причём лошадь постоянно движется вперёд, так что навоз распределяется небольшими кучками по всему полю. В полдень оживлённая работа прерывается, — все собираются в избу к тому хозяину, чей навоз возят в данное время, и приступают к угощению, которое выставлено хозяином. Пироги, блины, щи с говядиной поедаются в изобилии, а затем следует часовой отдых, и снова работа закипела! Хотя толокою выполнялась работа тяжелая и не очень приятная, но между тем толока — это праздник для всех участников, в особенности для детей и молодёжи.

Обязательной в общественном мнении общины была общая трудовая помощь в пользу пострадавших: погорельцев, тех, у кого не уродился хлеб, заболевших и др. В тяжелые годы первой мировой войны многие общины принимали решение о «круговой поруке рабочими руками и предметами сельского хозяйства при обработке и засеивании полей». Одной из функций общины была развёрстка податей и повинностей между дворохозяйствами. В случае недоимок с отдельного двора, за него должна была платить вся община. Но община обычно старалась не доводить до этого и использовала ряд средств воздействия на недоимщиков: могла продать часть зерна с полос недоимщика, продать часть имущества, послать на заработки в город и даже отдать в рекруты. Решения о мерах против недоимщиков принимались исключительно на общих сходах. Мир выносил решения и по мелким судебным делам, не передавая дела в волостной суд. Приговор нередко тут же и приводился в исполнение: «Парень набедакурил, уличён в мелкой краже — его свяжут, приведут и выпорют». Община способствовала воспитанию многих замечательных качеств в русском человеке и, прежде всего доброту и справедливость.

Выборными органами общинного самоуправления были волостной старшина, староста и деревенский старшина. На эти должности сходом жителей избирались самые толковые и авторитетные люди. Исполняя функции связанные с общей хозяйственной и духовной жизнью общины, деревенский старшина не являлся официальным лицом.

Староста был официальным лицом, избирался на общем сходе сельского общества, куда входили несколько деревенских общин, здесь же ему назначалось определённое годовое жалованье. В свою очередь волостной старшина опирался на сельских старост, которые в своих действиях выполняли все его поручения.

Примечательна речь одного из вновь избранного в 1872 году волостного старшины перед сельскими старостами: *«Достопочтенные старосты сельских обществ! Видя единодушное желание волости иметь меня старишиною и зная её незавидное положение, я принял должность и священную присягу исполнять предстоящие мне обязанности согласно своему долгу; но я не надеюсь и не буду в состоянии исполнить своего долга без вашего содействия. Каждый из вас избран своим обществом, как я избран волостью. Так будем же, насколько хватит у нас сил и умения, исполнять свои обязанности — заботиться об общей пользе, прекращать споры и тяжбы, искоренять разврат и пьянство, заботиться, чтобы все в точности исполняли лежащие на обществах денежные и натуральные повинности, приводить в исправность дороги, внушать крестьянам, чтобы заботились о хорошем воспитании своих детей, любили Бога, своего Государя и начальство, которые особенно пекутся о всех нас и жалуют, чтобы все мы были счастливы и благополучны».*

Дальнейшая судьба Бортников типична и трагична одновременно. Последовала коллективизация, был организован колхоз, в котором было более семидесяти дворохозяйств и начальная школа. В семидесятые годы Бортники попали в чёрный список неперспективных деревень, она была разорена и прекратила своё существование. В начале 90-х в условных границах бывшей деревни землю разделили на приусадебные участки и раздали желающим в собственность. Затем появился Федеральный Закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131 – Ф 3 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором не оказалось и отзвука бесценного опыта наших предков. Закон оставил деревню за чертой вертикали самоуправления — её обезличили в плане самоуправления, подчинив ни кому не известным, безденежным как «амбарные крысы» чиновникам и депутатам сельского Поселения.

При этом в Бортниках, в 90-х и начале XXI века, в 130 километрах от Москвы, мы были без электричества и газа, дорога к большаку была преодолима только на тракторе или на УАЗе, да и в самой деревне можно было сесть на автомобиле по самые... мосты.

Ничего не оставалось, как самоорганизоваться и самим попытаться преодолеть свою беспросветность. В основном это были 20 активных дворов, организовавших: «Общественное самоуправление деревни Бортники», в котором в качестве председателя Совета я отработал 15 лет.

За истекший период времени своими силами и средствами была выполнена электрификация деревни, поскольку администрация губернатора в 2004 г. даже на паритетных началах отказала нам в этом; выполнен капитальный ремонт ранее непролазной муниципальной автодороги д. Шишкино — д. Бортники 2,3 километра и 1,5 км. деревенских дорог, через ручей проложен трубчатый переезд; изготовлен металлический пешеходный мост через овраг; обустроен деревенский питьевой родник и т. д.

Но главная наша гордость, это памятник уроженцу Бортников — Герою Советского Союза Севрюкова Николаю Михайловичу, поставленного по решению схода в августе 2009 года. Николай Михайлович героически погиб в бою за Родину 15 января 1943 года.

Памятник по своему уникален: высота его 3,2 м, изготовлен из листовой стали толщиной 16 мм. Автор проекта художник и дизайнер житель деревни Копейкин И. А.

Завершив в 2005 году электрификацию, мы обратились к Губернатору области с просьбой газифицировать деревню. Решение вопроса было отложено на неопределённое время. Прошло десять лет — мы по прежнему без газа, если верить СМИ в одном из самых «заинвестированных» регионов России с его бессменным губернатором.

А теперь подведём итог. Либералы добились своего. Ведь они «как черт лаdana» боятся возрождения русского национального самосознания и потому отторгли реальное самоуправление десятков тысяч деревень России. По сравнению с русской деревенской общиной XIX — первой четверти XX вв., современная деревня неимоверно деградировала. Федеральный Закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131 – Ф 3 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» является фикцией традиционного русского самоуправления.

К. Г. Паустовский, который последние годы жизни жил и работал в Тарусе, высказал своё признание: *«Таруса стала для нас тем же, чем для развития французской живописи деревушка Барбизон. Таруса вошла в историю нашего искусства как место плодотворного вдохновения».*

Подобное мнение, с полным правом могли бы разделить: А. П. Чехов, М. И. Цветаева, Н. А. Заболоцкий, В. Д. Поленов, В. Э. Борисов—Мусатов, Н. П. Крымов, С. Т. Рихтер, Марина Цветаева, Бэлла Ахмадулина и многие другие творческие люди причастные к Тарусе и её природе. Могли бы... Сейчас все самые живописные приокские и иные тарусские места тупо распроданы чиновниками и превращены в виллы и коттеджные анклавы за высокими металлическими заборами.

Есть блаженное слово провинция, было чудное слово уезд, но нет больше «Русского Барбизона». Современные привластные временщики и отщепенцы от своей малой и исторической родины всё испоганили и продолжают это делать.

10

Чингиз Айтматов в романе «И дольше века длится день» обрисовал образ раба—манкурта, которого лишали памяти о прежней жизни и сородичах. Манкурт абсолютно покорен. Он, как собака, признаёт только своих хозяев. Все его помыслы сводятся к утолению голода. Современные манкурты — это общество потребителей с одномерным мышлением — безродность, машина, примитивные зрелища, попсовый скулёр, пивасик, футбол...

При этом, переформирование индивидов происходит настолько, что зачем им хотеть мыслить, чувствовать и фантазировать самостоятельно и тем более иметь гражданскую позицию? Не удивительно, что часть современной молодёжи, под воздействием либеральных «кураторов» уютно устроившихся в гуманитарном секторе РАН, в высшей школе и СМИ, утратив чувство самосохранения перерождаются в «общечеловеков», то есть в «ничто», забывая о России и национальном. В результате имеет место, когда естественный патриотизм и этническая солидарность мутантов меняется на презрение к своей стране, а это приобретённое качество ублюдка.

Каждый русский, любящий Отечество, гордящийся своей культурой, богатой и героической историей наверное не раз спрашивал себя: почему именно России суждена такая сложная судьба? Почему именно русскому народу приходится переносить нескончаемую череду унижений и лишений?

В новейшей истории России, на мой взгляд, произошла консолидация оффшорной «аристократии», либерального экономико—финансового клана в правительстве,

банковской сферы, части парламентариев и чиновничества, либеральной интеллигенции и «пятой колонны». Обладая властью, финансами за счёт нефтедолларов, коррупции и зарубежной поддержке, в условиях отсутствия гражданского общества и низкого самосознания народа, они стали самодостаточным явлением и потеряли всякий интерес к развитию страны и общества. В возрождении гражданского общества и национального самосознания они усматривают главную опасность для себя — для них русский национализм, что «красная тряпка для быка». Значение «русского национализма» либералы извращают преднамеренно.

Русский национализм — это не проповедь национального превосходства и не имеет ничего общего с ультра — национализмом, а так же этнонационализмом и его крайними формами — шовинизмом и нацизмом.

Русский национализм — это верность и преданность своей нации, работа на благо собственного народа и политическую независимость, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов.

Русский национализм — это родовое сознание, врождённое чувство Отечества. Это священное право коренной нации быть хозяином в собственном доме, на Земле Предков. Это стремление русского народа сохранить свою собственную суть, свою духовно-почвенную самобытность, свою национальную культуру, ибо девальвация культуры есть изощрённое средство растления и истребления русской нации.

Примером благородного русского национализма служили наши монархи. Императрица Екатерина II немка по крови, умнейшая женщина своего времени, стала русской по духу и показывала пример беззаветного служения России. Не случайно, вокруг неё объединились талантливейшие люди того времени, оставившие выдающийся след в истории: Орлов, Потёмкин, Суворов, Панин, Салтыков, Румянцев, Бибииков, Безбородко, Державин, Дашкова, Чичагов, Бецкой и другие.

Император Александр III, о котором премьер — министр Великобритании конца XIX века Роберт Солсбери сказал: *«Александр III был истинно русским царём, какого до него Россия давно не видела... Он хотел чтобы Россия была Россией, чтобы она, прежде всего, была русской, и сам он подавал тому лучший пример. Он явил собой тип «истинно русского человека».*

Русскими националистами были, есть и будут: Михаил Ломоносов, Александр Суворов, Михаил Скобелев, Лев Толстой, Федор Достоевский, Дмитрий Менделеев, Александр Попов, Иван Павлов, Пётр Столыпин, Николай Бердяев, Иван Ильин, Георгий Свиридов, Александр Солженицын, Илья Глазунов — всех не перечесть.

Конечно, люди во все времена мечтали о таком общественном устройстве, где все было бы справедливо устроено. Не случайно и Свифт в четвертой части своей книги сконструировал некий рай. Но в качестве идеального жителя этого рая выбрал... лошадь. Что еще ему оставалось делать? История человечества, к сожалению, не дает примеров совершенного во всех отношениях существа. По мысли писателя, жизнь лошадей — этих «детей природы», только и может стать противовесом испорченному цивилизаций обществу. Поэтому гуигнгны были вознесены им на вершину морали и нравственности, а в иерархии жизненных ценностей на первом месте оказался разум — надежная ограда от предрассудков, являющихся причиной многих человеческих бед. Более того, поднимаясь до истинной высоты, разум гуигнгнов уже был неспособен извлекать удовольствие из лести, славы, власти или денег, ибо все это несовместимо с общим благом.

Прощаясь с Гулливером можно предположить, что будь он нашим современником и гражданином России, но чудесным образом оказался бы снова в стране Гуигнгнов, то вспоминал бы либеральную действительность как дурной сон. А там был бы счастлив, как триста лет назад был счастлив Гулливер Джонатана Свифта: *«Я наслаждался прекрасным телесным здоровьем и полным душевным спокойствием; мне нечего было бояться*

предательства или непостоянства друга и обид тайного или явного врага. Мне не нужно было ограждать себя от обмана и насилия; здесь не было ни врачей, чтобы разрушить моё тело, ни юристов, чтобы разорить меня. Здесь не было шутов, зубоскалов, клеветников, карманных воров, взломщиков, разбойников, убийц, мошенников, пьяниц, проституток, не было судей и тюрем. Не было праздности и роскоши, умственных и нравственных недостатков, чванства, тщеславия, политиканов, лидеров и членов политических партий, негодяев поднявшихся из грязи благодаря своим порокам, и благородных людей, брошенных в грязь за свои добродетели».

И далее: «Там не было несчастных философов, которые безнадежно изыскивали способы убедить монархов (сиречь наших небожителей) выбирать фаворитов среди умных, способных и добродетельных людей, научить министров заботиться об общем благе. Внушить монархам, что их подлинные интересы совпадают с интересами народа».

Джонатан Свифт, прежде всего, был политическим памфлетистом, врагом «денежных людей» и «банократии», ненавидел проявление животной мерзости человеческой природы. Он высмеивал ничтожных, алчных, пошлых и глупых «карликов» — власть предержащих, думающих, что они пуп земли.

Триста лет назад Джонатан Свифт обозначил то, что сейчас так не хватает России! Наравне с другими просветителями, он полагал, что успешное функционирование государства и органичное развитие общества зависит от образованности и нравственности населения, а в порче нравов видел причины бед и несчастий.

Полагал, что только правильно организованная система образования и воспитание нравственных качеств личности обеспечивает соблюдение законов, как правителями, так и рядовыми гражданами государства.

Однако творчество Джонатана Свифта заканчивается среди глубочайшего и безвыходного отчаяния. Сознывая всю гнусность буржуазного общества он не видел никаких сил, которые могли бы вывести человечество из этой клоаки.

Аналогичная ситуация в современной России. Пока нет политической силы, способной консолидировать общество и очистить «авгиевы конюшни» от мерзостей либерального капитализма и либеральных «ценностей». Но эта сила пробуждается, надеемся будущее за ней.

ГЛАВА V. ПОСТСОВЕТСКАЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ. ДЕРУСИФИКАЦИЯ И МИГРАЦИЯ

«Без России мы — просто Азия, и ничего более»

Чокан Валиханов (1835–1865) — великий казахский просветитель, ученый, путешественник.

Политика царской России по отношению к завоеванным странам всегда отличалась особым великодушием и была политикой гражданского равноправия. Такая политика проводилась на протяжении всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий. Житель, только что взятого Пишпека, Ташкента, Самарканда и т. д. становился полноправным гражданином России, да еще, пожалуй, с большими льготами.

Сейчас в Центральной Азии многие называют русских «колонизаторами» и «поработителями». На месте музеев Ленину созданы музеи обличающие «русских колонизаторов», эта тема муссируется в СМИ и учебниках. Странная это была колонизация, при которой «колонизаторы» вкладывали в «колонии» больше материальных средств и уделяли больше внимания, чем митрополии и своему народу. В конце XIX века наш великорусский крестьянин платил налог в несколько раз больший, чем азиатский подданный, а получал назад, в виде, школ, больниц, дорог, чуть-ли не вдесятеро меньше. Кроме того, азиатские подданные не несли ни постоянной, ни подводной, ни рекрутской повинностей. Они пользовались самыми широкими привилегиями по части самоуправления в выборах местной администрации и народного суда. Что на самом деле было потеряно в результате «колонизации», так это феодальный образ жизни, рабство, междоусобица, женская паранджа, ассимиляция, вымирание от болезней.

В советское время позитивная тенденция по отношению к «братским народам» была многократно преумножена, говорю это как свидетель и это элементарно можно подтвердить соответствующей статистикой. В результате в Центральной Азии появилась плеяда всемирно известных писателей, художников, учёных, режиссёров, актёров, спортсменов.

И всё-таки, развал Советского Союза подтвердил тщетность нашего почти 150-летнего присутствия русских в Средней Азии и, как показало время, свержение царизма не изменило ход событий, хотя советская историография методично пропагандировала преимущество советского строя перед «тюрьмой народов» царского самодержавия.

После распада СССР, когда гигантская страна в одночасье превратилась в полтора десятка недоразвитых государств, в аутсайдерах мирового списка благополучия оказались и бывшие советские среднеазиатские республики. Все они имеют границы — наследие Ленина, Сталина, которые являются либо объектом претензий соседей, либо зонами этнических конфликтов. А между тем, в Центральной Азии и бассейне Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря, а кроме того золото, никель и другие цветные металлы и это привлекает многих.

Россия, потерявшая этот регион по вине бездарных «вождей», но имеющая там стратегические и иные интересы не хочет чтобы Центральная Азия вышла из сферы влияния. Вот только теперь всё усложняются интересами крупнейших мировых держав: ЕС и США на западе, Турции, Ирана и Китая — на востоке. В это соперничество, пока косвенным образом, вовлечены Пакистан и Индия. И всё это на фоне либерализма, исламизма, шовинизма.

В постсоветских республиках Средней Азии, с развалом Советского Союза к власти пришла бывшая партийная номенклатура, резко поменявшая вектор своей идеологии и политики. Удивляет, как быстро они изменили ценностям социализма, которые вскормили не только эти республики, но и их лично. Это привело к созданию моноэтнических государств — от русскоязычного населения почти полностью «зачищен» огромный регион.

Местная элита, присвоив национальные богатства, для отвлечения народа от насущных проблем и снижения градуса социальной напряженности использует Россию в качестве отдушины, отправляя молодёжь на заработки. В свою очередь Россия, с целью сохранения лояльности среднеазиатских республик, за счёт приёма гастарбайтеров, невозвратных кредитов и гуманитарной помощи перекладывает на свои плечи их социальные проблемы. Однако миграционное «льготирование» Средней Азии не даёт России особых геополитических плюсов. Ведь наиболее многочисленное государство Средней Азии и основной донор миграции Узбекистан не только не участвует в евразийской интеграции, но и приостановив членство в ОДКБ и ЕврАзЭС, создаёт неблагоприятный климат для российского бизнеса и русского населения.

В то же время, доля русских в Средней Азии тает как мартовский снег. К примеру, если в 1990 году в Киргизии было 920 тысяч человек, то в 2013 году осталось мене 200 тысяч. Те, кто останется жить в Киргизии и дальше уйдут в мир иной или будут «культурно» растворены.

1

В Средней Азии, практически повсеместно, неприязнь к русским (речь, повторяю, не идет об этносе) начала превалировать над здравым смыслом уже в начале 90-х годов. После развала СССР, чувство благодарности, за сохранение многих народов Средней Азии от вымирания, за создание собственных государств, за «Серебряный век» благополучия, когда русские на своих плечах перенесли тюркские народы из феодализма в социализм, затмил фанатичный, слепой национализм, разжигаемый корыстолюбивыми элитами. Дело в том, что в Советское время, в Киргизии и не только, ценности интернационального единства, в определенной части киргизской элиты носили условный, декларативный смысл, тогда как её глубинные пласты занимал неписанный традиционный нравственный закон — верность традициям и обычаям, но с шовинистическим душком. В настоящее время, этот термин приобрёл двоякий, в том числе и негативный характер — трайбализм, коррупция, паразитизм, зависть и т. п.

Оставив в наследство независимым государствам Средней Азии высокоразвитую культуру, науку, промышленность, инфраструктуру, Россия, к тому же, освободила эти республики от внешних долгов СССР, приняв всю тяжесть на себя. Вот только ни политики, ни депутаты «независимых» государств этого не ценят. Формально основой такой политики является переоценка истории и пробуждение в народе «национального самосознания». К сожалению, «переоценка и пробуждение» с подачи определенных сил, в том числе и не без внешнего влияния, сравни национал — шовинизму, когда один — «титulyный» народ, противопоставляется другим — «не титульным». Впрочем, настроения этнической исключительности всегда было свойственно для родоплеменных и клановых образований, в том числе, в национальных образованиях в составе Российской Федерации.

В 2000 году парламент Киргизии принял закон о придании русскому языку статуса официального. Просвещенные киргизы, в том числе и молодежь, понимают — ведение цивилизованного бизнеса, образовательный рост и карьера невозможны без владения русским языком. Вместе с тем активисты ряда радикальных общественных организаций и политических партий не прекращают попыток лишить русский язык его статуса и добились в этом значительных «успехов». К началу 2011 года, в Киргизии, русский язык практически вытеснен из государственных структур и активно вытесняется из информационного пространства. Одновременно Национальная комиссия по государственному языку превратилась в политическую структуру. Она предложила отказаться от последних русскоязычных географических названий, поменяв их исключительно на киргизские. Подобная инициатива была оформлена под предлогом заботы воспитания патриотического духа у населения.

Вот как по поводу искоренения русского языка высказалась Ишенкуль Болджурова *«Двуязычие — это огромное счастье выпавшее нам. Потерять двуязычие — преступление против народа.*

Это откровенная попытка большую часть народа сделать просто быдлом. Чтобы дети этой части народа были бы монойзычными манкуртами, а вот дети элиты учились бы за рубежом, знали несколько языков и правила быдлом. А еще всё это недобросовестная попытка создать ложный образ врага, переключить внимание с

собственной экономической или общественно политической некомпетентности на русский или другие языки». Действительно! Отказаться от русского языка значит не дать возможности идущим следом поколениям народов пользоваться наследием российских учёных и писателей. А ведь совсем недавно на произведениях русских классиков местные прозаики учились жанровым законам прозы и драматургии и успешно выходили потом со своим творчеством к читателям других народов, яркий пример тому — Чингиз Айтматов.

А вот мнение одного из духовных лидеров киргизского народа Талипа Ибраимова : *«Деградация общества в Киргизии зашла очень далеко. Существующее положение вещей выгодно графоманам, демагогам, бездарям и посредственностям. Они занимают посты, получают звания, процветают». Он добавляет: «Я часто наблюдаю, что те, кто называет себя кыргызами, отдавая все силы на компенсацию своей ущербности, не способны к адекватному восприятию современных реалий, требующих интенсивной духовной и интеллектуальной работы».*

Именно в этой среде демагогов и бездарей большей частью уютно чувствуют себя ура — патриоты и киргизские шовинисты — люди с короткой памятью. Им не дано созидание.

Россия заслужила того, чтобы её сыновьям сказали «Спасибо!», ведь она была не метрополией, а матерью — и пусть не родной матерью, но кормилицей и продолжает оставаться ею и сегодня для сотен тысяч киргизских гастарбайтеров.

А экономическая помощь? В результате киргизско–русских переговоров, то и дело списываются долги по кредитам, берутся обязательства по строительству ГЭС, безвозмездно предоставляются вооружения и техники для киргизской армии и милиции на сотни миллионов долларов. Кроме того, выделяется гуманитарная помощь в виде поставок продовольственного зерна, иной материальной и финансовой помощи в бюджет страны.

Как это свойственно для России, при обсуждении и подписании межгосударственных договоров «в одни ворота», обе стороны, тактично не затрагивают вопросы положения русскоязычного населения в Киргизии.

Поэтому, не успевают просохнуть подписи под документами киргизско–русских соглашений, как оголтелая, антироссийская риторика в СМИ и парламенте Киргизии возобновилась с новой силой. А ведь известно, опасность подобной риторики состоит в том, что она неизбежно перерастает в антирусскую т. е. в русофобство. В этой связи, кое — кому хочется напомнить русскую пословицу: *«Не плюй в колодец — пригодится воды напиться».*

Политик Владимир Линдерман в своё время справедливо заметил: *«Рублём русофобию не перешибёшь!».* Действительно, на примере современной Прибалтики и особенно Украины он делает выводы, что наитеснейшие экономические контакты не сближают народы. Близорукая российская политика на Украине строилась исключительно на финансовых схемах, которые должны были обеспечить лояльность украинцев. А украинские национал — шовинисты, с помощью политиков, историков и педагогов, не пренебрегая экономической «халявой», сделали ставку на идеологическое перевоспитание нового поколения, вычищая русскость из политики, истории, культуры, языка, психики. Результат известен — он обернулся потерей братской страны и большой кровью.

В Киргизии тоже всё не просто. Там, к примеру, вышел в свет учебник «История Кыргызстана» под авторством Мурата Иманкулова, в котором пропагандируется национализм и разжигается межэтническая рознь. В этом учебнике, исторические события 1916 года, драматичные для киргизского и русского народов, подаются с ярко националистической окраской. Впрочем, не только в школьных учебниках, но и в прессе, в исторических трудах, эти события преподносятся как — *«геноцид, планомерное уничтожение киргизского народа русскими поработителями».* Агрессивный национализм активно пестуется не только шовинистически настроенными политиками, но и киргизоязычными СМИ. Читателей призывают *«не молиться на русских»*,

быть «патриотичней», отказываться от русского языка в быту и общественно-политической жизни. Результат: вандализм на русских кладбищах и избивание русских школьников киргизскими сверстниками — с «оккупантами и колонизаторами» не церемонятся. Неокрепшим умам навязывают мнение, что во всех проблемах страны повинны этнические меньшинства и более всего русские, хотя, как известно, «плохому танцору» мешает совсем другое. Однако за идеологию разжигания межнациональной вражды, которую вдалбливают детям, ни авторы учебников, ни киргизские СМИ никакой ответственности не несут.

И только в последние несколько лет, благодаря усилиям Президента Алмазбека Атамбаева и его команды обстановка начинает нормализовываться.

2

В 2014 году американцы начали покидать Афганистан. Талибы, по всему, вновь возьмут власть в большей части страны, а затем, вместе с ИГИЛ обратят свои взоры на Среднюю Азию. В дестабилизации обстановки в Евразии заинтересован и Запад. Их цель помешать укреплению союза государств — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС 2001) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ 1994).

Будут ли данные организации эффективными в принципе и во время военного кризиса в частности, пока не ясно. Так что еще не факт, что Средняя Азия станет линией обороны от исламистов, а за нею будет тишь да благодать. И не обернется ли при неблагоприятном стечении обстоятельств российское оружие против российских же солдат? Ведь среднеазиатская элита, как впрочем и российская, живёт не пересекаясь со своим народом, и это само по себе создаёт гигантское поле для самых разнообразных конфликтов. Между тем, как уже было сказано, российские дипломаты ориентированы сугубо на договорённости с элитами, упуская гражданское общество и в этом её слабость на постсоветском пространстве.

Что касается российских баз в Киргизии и Таджикистане — это не панацея. У нас была надёжная линия обороны — это Туркестанский военный округ но, как известно, Ельцин его профукал. Вот и сейчас официальные лица России недооценивают, что азиатские республики бывшего Союза дерусифицируются и необратимо теряют социально — культурную общность с Россией. При этом титульная молодежь Средней Азии легион за легионом направляются в Россию, в том числе едут из Киргизии, где даже в отдалённых кишлаках Турция, играющая роль стежневого мусульмано-сунитского государства в Средней Азии, понастроила мечетей, а новоявленные муллы проповедуют то, что одному Аллаху известно.

Любое здравомыслящее правительство, изучив печальный опыт Европейских стран, не стало бы наступать на грабли пусть и чужие. К тому же, последствия миграции давно предвидели умные и патриотичные люди России. Уже в начале прошлого века последний государственный секретарь царского правительства Сергей Ефимович Кржижановский заявлял: *«Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро».*

Если кириофобия — вид ксенофобии (агрессивное самоутверждение, претензии на свои особые права, национальное и религиозное превосходство, отрицание каких либо обязанностей и ответственности, демонстративное неуважение к законам и обычаям хозяев) обычное дело для представителей республик Северного Кавказа и Закавказья в России, то для среднеазиатских мигрантов — это дело времени.

Основная часть многомиллионного контингента мигрантов Средней Азии, оседающих в РФ составляют не квалифицированные инженеры, рабочие, студенты, научно-

техническая интеллигенция. Это в основном жители кишлаков, с низким уровнем владения русским языком, культурными навыками характерными для аграрной исламской глубинки и минимумом профессиональных квалификаций.

Они активно осваивают наше пространство, самоорганизуются и создают инокультурные анклавы и филиалы запрещенных экстремистских организаций, создают напряженность в российском обществе и дополнительную нагрузку на МВД и ФСБ. Несложно предугадать, что пройдет какое-то время и те, кто закрепятся в России, станут болезненно реагировать на всякого рода «ущемления» и начнут «качать свои права». Нас могут ждать беспорядки, как это происходит в Европе и самое страшное — консолидация азиатских обиженных гастарбайтеров и исламистов с местными исламистами со всеми вытекающими последствиями.

Россия подвергается нашествию героиновых банд — ведётся откровенная война — объемы героина сопоставимы с оружием массового уничтожения. За счёт российских налогоплательщиков мигранты сидят в тюрьмах или их депортируются на родину.

Таким образом, российское общество несёт издержки миграционной агрессии в виде морального дискомфорта, этнической преступности, затрат на здравоохранение и образование, к которым мигранты имеют бесплатный доступ.

Бесполезно говорить о чём-то конструктивном, но в области миграционной политики ориентиром для России могла бы стать Польша, которая столкнулась с массовым оттоком рабочих рук после вступления страны в Европейский союз. В ответ на это польское правительство начало стимулировать миграцию из славянских стран Европы — Белоруссии и Украины, Польша не стала повторять ошибок Германии, других Европейских стран и уж тем более России. Примером продуманной миграционной политики для нас может служить и казахстанский опыт.

Не будем наивными, разбалансированная и вредоносная миграционная политика России — это либеральная акция, наряду с другими акциями, направленными против Русского Мира, а самый большой лоббист существующей миграционной политики — это государство, поскольку мультикультурализм является важнейшей составной частью неолиберального пакета.

3

В настоящее время Центральная Азия представляется Западу, как «терра инкогнито» — земля диктатур, коррупции, волнений, наркотрафика, прогрессирующего ислама. Зона всеобщего одичания, где чуть ли работорговля возрождается, где антисанитария достигла первобытного уровня. Именно эта экзотика, замешанная на крови и опасности, привлекает в регион американских и других исследователей, писателей, журналистов.

Ни одной из среднеазиатских стран не удалось пока создать национальную систему ценностей, которая лежит в основе стабильного, уверенного развития государства, а также сбалансированной, понятной партнёрам и собственному народу внутренней и внешней политики. Более того, именно в Киргизии проще всего раскатать политическую ситуацию поскольку там, как и в России, активно всего работает американский неправительственный сектор, который через грантовую систему вскормил и подготовил себе кадры — «пятую колонну». Кроме того, в стране существует потенциал для дестабилизации в виде серьёзных внутренних противоречий, которые уже становились поводом для массовых выступлений. Это представляет достаточно серьёзную угрозу, поскольку на юге Киргизия имеет выход в Ферганскую долину — т. е. на Узбекистан и Таджикистан.

«Большая игра» вокруг Центральной Азии предполагает несколько сценариев: синоцентричный мир, реинтеграция постсоветского пространства, центральноазиатская интеграция, халифат, полный распад. Рассмотрим сценарии наиболее реальные на данный момент времени.

Синоцентричный мир.

Центральная Азия постепенно перейдёт в руки Китая, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее сильными. В связи с этим, стоит вспомнить, что границы Танской империи Китая проходили значительно западнее современных границ и включали в себя значительную часть Центральной Азии. Знаменитый китайский поэт Ли Бо, к примеру, родился на территории нынешнего Кыргызстана, бывшего тогда китайской провинцией. Китай найдёт общий язык со светскими элитами региона, наведёт в странах ЦА порядок, будет наращивать экономику. Россия, в этом случае, скорее всего, избавится от исламских вооруженных конфликтов, но будет ли хорошо нашей стране с таким соседом под боком?

Реинтеграция постсоветского пространства на основе интегрального евразийства.

Она может осуществляться только на новой, современной и эффективной основе. К чести Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, это он в марте 1994 года выступил с инициативой создания на «постсоветском пространстве» Евразийского Союза. В настоящее время евразийская доктрина находится в стадии стремительного развития. На этом пути России необходимо было бы обладать качествами глобального лидера, быть страной успешной, богатой и привлекательной в принципе, а для народов ЦА в частности. При этом миссия миротворчества, могла бы помочь России решить сразу две задачи: оказывать влияние на геополитическую ситуацию и поддерживать стабильность на своих границах.

Мы имеем дело с мусульманскими странами, в которых духовная составляющая, в том числе и на бытовом уровне, имеет основополагающее значение. В менталитет народов Центральной Азии превалируют национальные традиции, уважение к старшим и отсутствие домов для престарелых, культ семьи и детей, женское целомудрие и скромность. В этом отношении Россия далеко не предмет для подражания. Поэтому, на данном историческом этапе, мы в основном интересны как доноры, в том числе, во вновь созданном Евразийском экономическом союзе, который был оформлен тремя странами 27 мая 2014 года в Астане — столице Казахстана. С 2015 года к нему присоединились Киргизия и Армения. Кстати Армения, так же может повторить «майдан» Украины — там скопилась критическая масса проамерикански настроенной «пятой колонны».

Что касается плачевного положения русских в ближнем зарубежье, то вновь приходится повторять, оно стабильно ухудшается в результате того, что либеральные российские власти предали интересы соотечественников. Впрочем, формально власть их и за соотечественников — то не считает. Понятие соотечественника в российском законодательстве преднамеренно размыто, а закона о репатриации как не было, так и нет. Это в корне противоречит международному опыту «разделённых наций», в положении которой русские оказались после распада СССР.

Рассматривая взаимоотношение между Россией и Центральной Азией в контексте глобальной политики, мы неизбежно придём к политике цивилизаций, где основные различия политического и экономического развития семи–восьми мировых цивилизаций имеют корни в различии культур. Подобная парадигма полностью соответствует современным тенденциям в мире, хотя и обескураживает с точки зрения недоразвитости человечества в части его стабильности, нетерпимости и агрессии к иным цивилизациям. Мы свидетели того, что даже в рамках единой цивилизации велись или ведутся войны между народами исповедующих различные религии. Примером тому служит бывшая Югославия и Ближний Восток.

В этом смысле наши межкультурные конкуренты и враги имеют существенные преимущества. США комфортно устроились на своём непотопляемом острове рядом с

Канадой схожей по культуре и вместе с Евросоюзом представляют Западную цивилизацию, создав линию разлома с Православной цивилизацией с центром в России. Слабость нашей цивилизации — отсутствие славянской моноэтничности, которую к тому же искусственно ослабил Ельцин. Ведь Мусульманская цивилизация, входящая в состав России, одна из мировых цивилизаций и наши мусульмане всегда могут найти исторический или иной повод для недовольства, а для той же Средней Азии и Киргизии в частности, всегда будет ближе единоверная Турция, нежели Россия.

Евразийский экономический союз тоже состоит из представителей трёх мировых цивилизаций (китайская, православная и мусульманская). Остаётся надеяться, что этот союз олицетворяет продвижение к будущей мировой Универсальной цивилизации, которую предсказывают философы и политологи.

Другое дело, что Западная цивилизация и прежде всего США, после развала Советского Союза, как единственная сверхдержава в мире, решая свои узко корыстные геополитические цели торопится и силой навязывает псевдоуниверсальную цивилизацию, считая, что современное общество должно соответствовать единому типу — западному, что современная цивилизация — это западная цивилизация и что западная цивилизация есть современная цивилизация. Эта парадигма однополярного мироустройства, опираясь на военное и экономическое преимущество, накладываясь на недосформировавшийся, противоречивый и несовершенный характер иных цивилизаций, порождает политические и экономические кризисы, нестабильность и войны.

POST SCRIPTUM

«Где народ увидит, там и Бог услышит».
Владимир Даль. «Толковый словарь».

«Надо жить! Надо бы только умно жить...»
Василий Шукшин «Калина красная»

Игроками на мировой «шахматной доске» сегодня являются Империи. Как известно, Россия 200 лет пребывала в этом статусе, однако в одночасье, безвольно лишилась его.

Может ли Россия снова стать империей? Ответ на этот вопрос очевиден: **Россия может быть только империей иначе она погибнет как цивилизация.** Однако надо четко определиться, что мы понимаем под словом «империя». Прежде всего оно несет в себе духовный смысл. Империя в русском понимании — это конгломерат разных народов, отличных друг от друга по языку и вере, но признающих три скрепляющие основы: единого державного правителя, государствообразующие нацию и веру, а также единство территории. В Российской империи все ее народы были равны перед Богом, царем и законом. Все это вместе взятое создавало особую русскую православную цивилизацию. Многочисленные народы, живя в Российской империи, никогда себя не считали ее колониями и никогда ими не были. Сохраняя свою самобытность и культуру, народы империи называли себя русскими. Слово это означало не национальную, а духовно–нравственную принадлежность к определенной системе ценностей. Можно ли себе представить «французского алжирца» или «английского индийца»? В России же существовали русский татарин, русский поляк, русский армянин, русский немец, русский еврей.

В свою очередь современный прозападный российский либерализм стремится к тому, чтобы навсегда лишить Россию этой идеологии:

России отказано в праве формулировать собственную уникальную цивилизационную миссию и на её основе консолидировать общество внутри страны;

Русских (как этнос) лишают права проявлять пассионарность в форме господствующей идеологии;

Превратив Россию в сырьевой придаток развитых и развивающихся стран, страна лишена достойного места в мировой системе труда;

Проводя политику вненациональной, «общегражданской» равноудалённости государства от всех наций, русские искусственно нивелируются на уровень иных этносов дабы не соотносить их с государством, то есть лишают статуса государствообразующего народа;

Попытка равноценно опираться на все нации населяющие Россию в XX столетии уже привела к вызреванию всевозможных этнических и идеологических сепаратизмов, что и повлекло развал СССР — большой России. Не будем закрывать глаза на то, что и сегодняшняя действительность показывает нам неравноценность гражданских добродетелей у разных наций с точки зрения вклада и верности России.

Российская Федерация, коль скоро декларирует правовое преемство с исторической Россией, должна законодательно закрепить своё преемственное отношение с русской нацией, вклад в которой в строительство этого государства, не идёт ни в какое сравнение со всеми совокупными вложениями других населяющих Россию народов. Россия второе тысячелетие держится на жертвах, усилиях и созидательной работе русских. Россия должна развиваться и организовываться по-русски, тогда и творческие силы русского народа будут органично развиваться, не находясь в постоянной сдавленности и ущемлённости, как это происходит сегодня.

Таким образом, нам нужна родная, а не формальная и безразличная Россия, породившая вырождение русских, деградацию русской культуры, вульгаризацию и примитивизацию личности, низкую образовательную и профессиональную мотивацию, поляризацию между бедными и богатыми, коррупцию, криминал и прочие пороки.

Как следствие, одним из слабых звеньев в борьбе с этим злом является нынешняя, вырождающаяся молодая русская семья — будущее России, жертва целенаправленного оглушения поп — масс культурой и потребительской идеологией, растерявшая свои культурные традиции и устои, не имеющая воли и ответственности за Родину и детей.

И это мы — наследники Мудрого правителя и Великого воина — князя Владимира Мономаха, который оставил нам в наследство «Поучение» — величайший памятник древнерусской литературы? Образ семьи в «Поучении» даётся как абсолютная ценность, духовно-нравственная модель жизнеустройства, основа государства. Русское слово «семья» восходит к православному — семя, род, племя. Уже в те времена присутствовало понятие: «Доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого». Между тем, многие молодые люди, не осознают элементарного: как говорили наши предки: «От плохого семени, не жди доброго племени» или как говорят сейчас: «От осинки — не родятся апельсины!» подразумевая, что высокое не должно сочетаться с низким, развитое с недоразвитым.

В этой связи либеральная власть создаёт видимость поиска национальной идеи, однако она есть, это, прежде всего, народосбережение — сбережение исчезающего русского народа и как следствие сбережение России.

Подобные идеи сформулированы многими русскими просветителями, в том числе Михаилом Ломоносовым: «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа, а не в территории, тщетной без обитателей».

Между тем, всё идёт: «к территории, тщетной без обитателей». Коэффициент рождаемости православных в РФ составляет 1,4-мусульман 4,5, а показатель общего

прироста населения (из расчета 1000 человек, рождаемость минус общая смертность) у мусульман в 5–6 раз выше. Однако народосбережение, величие, могущество и богатство России не является философией и идеологией российского либерализма.

За последние 22 года в России сделано 50 миллионов аборт в 2014 году почти 900 тысяч, в том числе, десятки тысяч среди несовершеннолетних, которые делают аборт и...«на свободу с чистой совестью». Аборты, как правило, оплачиваются государством и за это горой стоит министерство здравоохранения.

От чего только не гибнут люди в России! К примеру, из-за отсутствия современных дорог даже федерального значения, ежегодно происходит 80 тысяч автомобильных аварий. Заложите в компьютер элементарную программу с характеристиками наших примитивных, тесных дорог 50 летней давности со встречными потоками, лицемерно разделёнными белыми полосками и пунктирами на асфальте, и вы получите цену езды по ним в человеческих жизнях. За последние 25 лет, эта цена составила более 1 млн. человек погибших и несколько миллионов покалеченных. А еще недоступные лекарства и платная медицина, наркотики, палёная водка, вредные продукты питания и т. д.

Речь идет о ползучем геноциде русского народа, в котором заинтересованы как некоторые влиятельные лица в самой России (эндогенный геноцид), так и внешние силы (экзогенный геноцид).

К сожалению, православие не имеет той власти над душами русских людей на какую претендует. Оно не предохраняет православных от нравственного разложения, насилия и преступности, не несёт с собой подлинного духовного возрождения и национального единения. Не пора ли задуматься, почему люди обходят церковь, предпочитая нетрадиционные религиозные сообщества и секты? Почему для мусульман Коран авторитетней — чем для православных Библия?

Зато псевдо — социальная либеральная система делает всё для того, чтобы самой жить долго. И чем выше деградация во всех основных аспектах жизни общества, тем больше разрастается и процветает показной аспект жизни, имитирующий подъём и возрождение России. Пример тому, бесконечные, мирового значения спортивные мероприятия с баснословными затратами на зарубежных тренеров и спортсменов, высокзатратные празднования государственных праздников и т. п.

Первая смута в России продлилась всего 9 лет (1604 — появление первого самозванца, 1613 — избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова). Нынешняя смута — это испытание, возможно из числа последних испытаний, цена которому быть или не быть русским и России?

Поэтому, сегодня, как никогда актуальны слова Николая Бердяева: *«Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, «скромного» пути для России нет».*

Вместе с тем, события на Украине, в Крыму и последовавшая за этим консолидация основной массы русского народа, это уникальный шанс сделать правильный выбор — осуществить государственную перестройку и «перезагрузку» внутренней политики и экономики России.

Правильный выбор в экономике подразумевает переход к Конвергентному социальному государству с обязательным условием очищения органов госуправления и руководства страны от либерального клана, как политической, социальной и экономической силы, которая служит глобальному бизнесу, а не интересам России.

Напомню, конвергентное социальное государство — это разумное использование социалистического опыта и западной модели рыночной экономики.

Первоочередными задачами конвергентного государства являются:

Пересмотр отдельных статей Конституции направленных на устранение зависимости России от Запада;

Рассредоточение власти по горизонтали на основе широкого самоуправления;

Проведение культурной революции, способной качественно улучшить духовно — нравственное состояние общества, включая систему образования и воспитания подрастающих поколений. Интеллектуальная, духовная культура нации, как никогда ранее, становится фактором социально — экономического прогресса;

Реформирование спекулятивной банковской системы, в которой «жирные коты» игнорируют вкладывать «длинные деньги» в реальный сектор экономики.

Реформирование Центрального Банка России превратившегося в валютный обменник, а не банк выдающий кредиты для развития отечественной экономики и обеспечивающий стабильность рубля;

Отказ от долларизации страны, как причины утраты суверенитета в денежно — валютной и кредитной сферах;

Отстаивание российских интересов в ВТО там, где она тормозит отечественное производство;

Возрождение агропромышленного комплекса страны (АПК), включая подготовку кадров — нового класса образованных и владеющих современной агрокультурой и техникой селян, а также устранение неэквивалентного обмена продовольствия на промышленные товары необходимые селу;

Пересмотр неадекватной системы трудовых вознаграждений, которая привела, к беспрецедентному росту социального и имущественного расслоения населения и т. д.

Традиционные неолиберальные идеи, которым четверть века назад присягнул Ельцин, а затем, пятнадцать лет назад нынешняя верховная власть, были ущербны в зачатке и полностью исчерпали себя. Это еще раз показал кризис 2014 года. И причина здесь не столько в санкциях, сколько в произволе монополий, массовой коррупции, принципиальный отказ от развития, колониальная структура экономики ориентированная на добычу нефти, газа, других видов сырья и их экспорт, утрата финансовой и продовольственной безопасности.

И как бы либералы не наводили лоск, мы понимаем, что каждый взяточник и мошенник — это враг народа и государства, каждый безработный в необъятной стране с неисчислимыми ресурсами, но с капиталами, уплывающими в Западную экономику — это преступление. Каждый нищий и бомж в стране не просто неудачливый бедняк, но живая язва состояния государства, каждый беспризорный — это национальное бедствие. А в итоге, все признаки того, что в своё время озвучил поэт Максимилиан Волошин :

С Россией кончено... Напоследях

Её мы прогалдели, проболтали,

Пролузгали, пропили, проплевали,

Замызгали на грязных площадях...

Максимилиан Волошин (1877–1932) — русский поэт, переводчик.

И того вердикта, который вынес нам просветитель Василий Розанов : «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это — Россия. Но глупые дети всё растратили. Это — русские».

Но вина ли в том только русского народа, для которого безгосударственность — это менталитет, которым в новейшей истории ловко пользуются демократы. Он сформировался в условиях бескрайних просторов России, где «До Бога высоко, а до царя далеко».

Безгосударственными были и многие подлинно русские мыслители, публицисты, писатели и поэты, Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Эти качества русского народа были отмечены Николаем Бердяевым еще сто лет назад.

В то же время, русские всегда были великой нацией с фантастической энергетикой. Это мы в период XIV–XX веков разгромили: монголов, шведов, тевтонов, поляков, литовцев, турок, — тех, кто посягал на суверенитет Руси. Дважды спасали поработённую и униженную Европу перемолов армии Наполеона и Гитлера.

Поэтому главной проблемой России всегда была проблема элиты. Вот и нынешние проблемы проистекают от странного поведения Кремля и колониальной либеральной элиты, которая не ощущает ни любви, ни ответственности по отношению к стране и народу. Вспомним про «лапшу», которую нам вешали последние годы: «инновация», «модернизация», «доступное жильё», удвоение ВВП к 2012 году, снижение инфляции до 4,5% в 2015 году, 25 миллионов новых рабочих мест к 2020 году и прочее.

Всё это от того, что у российской безгосударственной общественности низкое самосознание, мелкие интересы и короткая память. Поэтому неприкасаемая каста в лице либерального клана «жрецов» в правительстве и Центробанке, как не в чём ни бывало под неизменное «одобрямс» парламентариев, пиарит всё новые и новые шаманские заклинания: «импортозамещение», «продовольственная безопасность», «диверсификация экономики», «антикризисный план» и т. п.

А между тем, реальное положение в стране невольно напоминает письмо (крик души) Шолохова — Сталину 16 января 1933 года по поводу положения в Северо—Кавказском регионе: *«Товарищ Сталин! Положение без преувеличения катастрофическое. Так хозяйствовать нельзя! Горько тов. Сталин! Сердце кровью обливается! ...»*.

Весной 2015 года, только на «Прямой линии» с Президентом таких «криков души» было зафиксировано более трёх миллионов. Однако у Правительства ни проблем, ни дилемм, одни аксиомы.

Сложно ли объяснить природу современной действительности в России — представьте, не сложно! Ведь в «Книге Экклизиаста» сказано: *«Что было — уже есть, и чему быть — уже было»*. А потому, прозорливый и мудрый греческий философ Диоген Лаэртский (конец II, начало III века до н. э.) объяснил нам — потомкам, суть происходящего: *«Шел жалкий с жалким, к жалкому от жалкого»*.

Нам предстоит трудный путь возврата в исконную Россию с её традиционными ценностями — другого не дано. На этом пути предстоит соскоблить с себя наносную, чуждую коросту, в том числе, Западную философию индивидуализма, основанную на протестантской религии.

Не надо иллюзий, мы живём в жестоком мире в окружении врагов, которые понимают и уважают только силу. Война на наше уничтожение уже началась. Понятно, пока война идёт не в окопах, а на «фронтах» идеологии и экономики. В реализации своих маниакальных планов мирового господства Западное сверхобщество, возглавляемое США, поставило цель разобрать Россию на «запчасти».

Советский Союз проиграл холодную войну и в результате мы лишились второй сверхдержавы мира и социальных достижений ранее не известных в истории человечества. Сейчас мы снова проигрываем. Под «мы» я подразумеваю себя, вас, народ, а не кровососущих Русь, тех, кто несправедливым путём «упакован» на несколько поколений вперёд и у кого родина там, где ниже налоги. Проигрываем по двум причинам: власть «страшно далека от народа», а народ с низким национальным самосознанием разобщен и не имеет авторитетных духовных пастырей. Так и раньше происходило самоубийство государств и цивилизаций. На их месте до сих пор высятся одиночные пирамиды или колонны. Опоронесущие народы, создавшие эти цивилизации, исчезли. Когда-то они лишились своего духовного ядра и растворились в потоке времени. Сегодня, России и русским угрожает та же судьба и прежде всего судьба Византии.

Чтобы сохраниться и развиваться мы должны строить общественное здание на основе патриотизма, морали и нравственности — без них оно рухнет как сгнившее дерево. Патриотизм, то есть любовь к Родине, это знание своей истории, уважение и память о

своих героях должны закладываться с раннего детства. Без патриотизма нет ратных побед и нет побед в спорте. Патриотизм формирует здоровую гражданскую позицию человека.

Начинать нужно с подрастающего поколения. Дети во всех смыслах должны быть более образованы и лучше воспитаны чем родители, иначе Россия так и будет пятиться назад. Они должны начинать свой жизненный путь от чистого истока и этот исток Русский Мир, русский дух, русские просторы, наша история и наша культура, наши предки и герои, наши жертвы во имя Отечества. Мы должны отказаться от навязываемой нам абракадабры и вернуть исконно русский язык, о котором Константин Бальмонт сказал:

*Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нём раздолье,
В нём клёкоты орла и волчий рык,
Напев и звон, и ладан богомолья.*

Василий Ключевский в своё время справедливо заметил: *«Политическая крепость прочна только тогда, когда она держится на силе нравственной».*

Поэтому воспитание и прежде всего, морально–нравственное воспитание подрастающего поколения должно стать приоритетным, а фундаментом должны служить труды русских философов и просветителей.

Кроме того необходимо с детства прививать уважение к закону, старшим, правам других, воспитывать чувство взаимного доверия и солидарности, трудолюбие, ответственность, пунктуальность и другие добродетели.

Образовательные ресурсы должны быть сосредоточены на воспитание гениев и воинов. С детства выделяя и поддерживая оных, необходимо создавать для первых сеть специализированных школ (взамен школ для детей богатых родителей), а для вторых кадетские, суворовские и нахимовские училища под девизом: «Жизнь — Родине. Честь — никому!». Только тогда новая патриотичная молодёжь даст нам плеяду замечательных государственных лиц.

Необходимо менять ситуацию к тому, чтобы каждый русский способен был задуматься и задать себе вопрос — любит ли он Отечество и русский ли он на самом деле? А ответить на этот вопрос не сложно. Если Вы не знаете свою историю, культуру и не чтите своих героев — Вы не любите Россию. Если Вы уклоняетесь от службы в Армии — Вы не любите Россию. Если Вы убиваете своих не рожденных детей — Вы не любите Россию. Если Вы берёте взятки — Вы не любите Россию. Если Вы оскверняете свои уста произношением нецензурных слов — Вы не любите Россию. Если Вы не любите Россию — Вы не патриот России. Вы можете и не быть русским и всё — таки любить Россию. Но если Вы не любите Россию, то Вы и не русский.

Русские воины, составляющие костяк армии, должны верить, что если понадобится они отдадут жизнь за Родину, а не за деньги, которые владеют их Родиной, за народ, а не за олигархов и бюрократию, за нацию, а не за либералов — «пятую и шестую колонны», презирающих «эту» нацию и «эту» страну.

Слово «русский» доминирует в моём изложении. Однако повторяю, к русским относятся люди любой национальности — те, кто живёт в русской культуре и в русском языке, любит Россию, считает Россию своей Родиной. Таковыми являются добровольцы, люди разных национальностей воюющие вместе с ополченцами в Новороссии. Все они там, чтобы остановить бендеровцев и воюют не только за Новороссию, но и за свою малую Родину и за Россию. Все они русские высокой пробы и это совершенно не требует отказа или ущерба к своей религии, национальной культуре и своему родному языку.

История полна примеров героизма представителей иных народов во имя общего Отечества.

Мы помним героев войны 1812 года: Багратиона, Милорадовича, Барклай Де Толли, Беннигсена, Витгенштейна, Фигнера и многих других. Помним «Туземную дивизию» в Первой мировой войне 1914 года, с Кабардинским, Дагестанским, Чеченским, Черкесским и Татарским конными полками. Все они были добровольцы, наводившие ужас на врага. Не счесть героев Великой Отечественной войны.

Вот только к русскому по рождению, как сказал поэт Игорь Северянин особые требования:

*Родиться Русским — слишком мало:
Им нужно быть, им нужно стать...*

А вот мнение нашего гения Николая Васильевича Гоголя:

«Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, и в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей».

К этому же призывает наш предок Алексей Константинович Толстой :

*Правда, всё та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!*

Для спасения Отечества и нации у нас один путь: наряду с памятным «Бессмертным полком» Великой Отечественной, нам необходимо преодолеть разобщенность и объединиться в действующий «Бессмертный полк».

Это позволит конвертировать русское национальное большинство во властное преимущество и демократическим путём отстранить от власти антигосударственных, антинациональных, антидуховных, антисоциальных особей и паразитирующих самодовольных себялюбцев.

К счастью, настоящий русский человек благодаря православным традициям и генетической памяти хранит в душе высшие ценности: Отчизна, Честь, Вера, Совесть и это вселяет надежду. Поэтому, где бы мы ни были, в худшем из параллельных миров или в абсурдном рукотворном мире, в котором Россия страна несбывшихся надежд и тягостных, безысходных противоречий, будто чёрт водит ее по одним и тем же путям, — будем служить ей ради возрождения и лучшего будущего!

Будем служить бескорыстно, честно и мужественно во имя детей и внуков, во имя Отечества — Святой Руси, ибо другой не дано!

Будем служить и верить, что Бог испытывает того, кого любит.

2015

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Советская Энциклопедия. Киргизская Советская Социалистическая Республика. М., Изд. «Советская энциклопедия», 1973 г.
2. Энциклопедия. Киргизская Советская Социалистическая Республика. Фрунзе. АН Кир. ССР. 1982 г.
3. Ошская область. Энциклопедия. Фрунзе, АН Кирг. ССР. 1989 г.
4. Семенов Тянь—Шанский. Путешествие на Тянь—Шань в 1956–1957 г. г. М., ООО «Дрофа», 2008 г.
5. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М.: «Клышков—Комаров и К», 1993 г.
6. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. Соч. том II. М.: 1963 г.
7. Абаза К. К. Завоевание Туркестана. М.: «Кучково поле», 2008 г.
8. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. С. — Петербург. 1876 г.
9. Иманкулов М. К. История Кыргызстана XX–XXI вв. Учебник. Бишкек, «Китеп компани», 2006 г.
10. Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. М., Научная ассоциация востоковедения. 1925 г.
11. Рыскулов Т. Р. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году. Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926 г.
12. Лесная Л. В., Рыскулов Т. Р. Восстание 1916 года в Киргизстане. Сборник документов М.: Издательство «СОЦЭКГИЗ», 1937 г.
13. Пясковский А. В. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М.: Издательство АН СССР, 1960 г.
14. Тулебердиев Ж. Рахимов К. Р. Беляков Ю. П. Развитие энергетики Кыргызстана.
15. Токтоналиев Ж. От «жарычирака» до «лампочки Ильича». Бишкек. «Бийиктик», 2007 г.
16. Тушкан Г. П. Джура. Изд. «Детская литература», 1986 г.
17. Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера. М.: Изд. «Правда», 1989 г.
18. АН СССР. Антология мировой философии. 1–5 т. М., Изд. «Мысль», 1969 г.
19. Книга Экклезиаста. Интернет версия под общей редакцией Его Преосвященства Александра Епископа Буэна-Виста—Айресского и Южно—Американского, 2003 г.
20. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт Петербург. Изд. «Диамант», 1997 г.
21. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости. Сборник. М.: ООО «Попури», 1997 г.
22. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Газета «Комсомольская правда». Сентябрь 1990 г.
23. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Издательство «Русская книга», 1993–1999 гг.
24. Бердяев Н. А. Судьба России. М., ООО «Издательство АСТ», 2004 г.
25. Бердяев Н. А. Русская идея. М., «ЭКСМО», 2007
26. Тихомиров Л. А. Два типа народного представительства. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998 г.
27. Шафаревич И. Р. Русский вопрос. М.: «Алгоритм», 2003 г.
28. Зиновьев А. А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: «Алгоритм», 2002 г.
29. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998 г.
30. Лоуренс Харрисон. Самуэл Хантингтон. Культура имеет значение. Московская школа политических исследований. 2002 г.
31. Фридрих Август Фон Хайек. Дорога к рабству. М.: «Экономика», 1992 г.
32. Рэнд Айн. Атлант расправил плечи. Издательство «Альпина Пабlisher», 2010 г.
33. Маркузе Герберт. Одномерный человек. М.: Издательство «АСТ», 1994 г.
34. Тило Саррацин. Германия: самоликвидация. М.: Издательство «АСТ», 2012 г.
35. Гарин И. Пророки и поэты. 1–3 т. М.: Изд. «Терра» — «Терра», 1992 г.

36. Башлачев В. А. О демографической истории русского народа. М.: LAMBERT Akademik Publishing, 2015 г.
37. Виноградов Б. А., Савельев А. Н. Манифест национального возрождения. Журнал «Голос эпохи». Издательство «Традиция», 2012 г.
38. Захар Прилепин. Письмо товарищу Сталину. Интернет- версия. Сайт «Свободная пресса», 2012 г.
39. Делягин М. Г. Доклад о мерах по исправлению ситуации в стране. Интернет- версия. Сайт «Свободная пресса», 2015 г.
40. Покровский Ю. Об интеллигенции. Интернет — версия. Русская народная линия, 2012 г.
41. Фадеев Ю. И. Русская деревенская община вчера и сегодня. Журнал «Самоуправление: теория и практика». М., № 9, 2009 г.
42. Летопись Калужская. Калужский областной краеведческий музей. Калуга, 1991 г.
43. Леру Г., Диль К., Филео П. и др. Гибель Византии. Издательство: Новая книга. Серия: Всемирная история в романах. 1994 г.
44. Высоцкий В. В. 1- 4 т., собрание сочинений. М.: Издательство: «Надежда». 1997 г.
45. Клеман Оливье. Смысл Земли. Издательство: Библейско–богословский институт Святого апостола Андрея. 2005 г.
46. Ломброзо Чезаре. Гениальность и помешательство. М.: Издательство: ООО «Попурри», 2000 г.
47. Солоневич И. Л. Диктатура сволочи. Издательство: «Голос России», 1937 г.
48. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. М.: «Прогресс—Традиция», 2004 г.
49. Ольга Брусиная. Славяне в Средней Азии. Библиотека «Дети империи». М.: Институт востоковедения, 2001 г.
50. Щепоткин В. И. Крик совы перед концом сезона. М.: Издательство: Наш современник, №№ 8,9,10, 2013 г.

Примечания

1

Жуз — группа казахских родов и племён, объединённых в союз киргиз–кайсацкой орды Абулхаира).

2

Д. М. Скобелев (1843–1882) — выдающийся русский военачальник и стратег, герой Среднеазиатских завоеваний и Балканской войны при освобождении Болгарии от Турецкого ига.

3

Аксака́л — глава рода, старейшина, почтенный пожилой человек у тюркских народов в Средней Азии и на Кавказе. Аксакалы играют значительную роль в политике племен как советники и судьи.

4

В. В. Бартольд (1869–1930) — русский востоковед, тюрколог, арабист, историк, академик.

5

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) — барон, финский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант Русской императорской армии.

6

Джадидизм (от араб. усул-и-джадид — «новый метод») — буржуазно-либеральное, националистическое движение, зародившееся в 80-х гг. XIX в. среди татарской буржуазии в Крыму, Поволжье, в Азербайджане, а с 90-х гг. XIX в. распространившееся в Средней Азии. Первоначально — узкое, культурническое движение за реформу старой системы мусульманского образования (обучение грамоте путем зазубривания отдельных сур Корана), за необходимость европейского образования для мусульман. Немногочисленная группа мусульман-реформистов считала своим призванием работу на благо прогресса. Сторонники движения действовали путем воспитания и просвещения, пытаясь показать муллам и всем верующим преимущества современной цивилизации. В более широком смысле джадидизм был движением за распространение просвещения, развитие тюркских языков и литературы, изучение светских дисциплин, использование достижений науки, равноправие женщин.

7

М. В. Волкова (1902–1983) — русская поэтесса, эмигрантка, родилась в семье офицера Сибирского казачьего войска. Стихи Мари Волковой включены в известные антологии эмигрантских журналов.

8

Георгий Тушкан (1905–1965) — советский писатель, путешественник.

9

Чингиз Айтматов (1928–2008) — киргизский и русский писатель, дипломат, академик.

10

Тюндюк — решетчатое отверстие вверху юрты для проникновения света и воздуха. С наружной стороны тундюк накрывается *кийизом* (кошмой из войлока). Открывается и закрывается тундюк с помощью верёвки.

11

Шейпан — специальное строение в каждой бригаде, в котором колхозники могли укрыться от солнца и непогоды, а во время отдыха пообедать, выпить чай, почитать газеты и послушать радио.

12

Эспарцет — кормовое растение из семейства бобовых.

13

Венский лес (нем. Wienerwald) — отрог Восточных Альп. Расположен в окрестностях Вены. Ограничен с одной стороны долиной Дуная и виноградниками, а с другой — курортным районом Бадена и Бад—Фослау. Высота до 893 метров (гора Шенфль).

14

А. А. Зиновьев (1922–2006) — философ, писатель, учёный, ветеран Великой отечественной войны. В 1978 году был выслан из СССР в ФРГ. Вернулся в 1999 г. мотивируя тем, что «невозможно находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ и мою страну». В России столкнулся с такими же, от кого уехал.

15

А. М. Фетисов (1842– 1894) ботаник, садовод, просветитель.

16

ВНИИКАМС — Всесоюзный научно исследовательский институт комплексной автоматизации мелиоративных систем.

17

ПКТИ — Проектно — конструкторский и технологический институт.

18

М. Л. Хазин (род.1962 г.) — российский экономист, статистик, публицист.

19

Д. И. Менделеев (1834–1907) — русский химик, открывший периодический закон химических элементов, учёный, педагог и общественный деятель.

20

Публий Карнелий Тацит (56–117 гг до н. э.) — выдающийся древнеримский историк, писатель.

21

М. В. Ломоносов (1711–1765) — первый русский учёный естествоиспытатель, энциклопедист, химик и физик.

22

И. Л. Солоневич (1891–1953) — публицист, писатель, издатель русского зарубежья.

23

М. Н. Катков (1818 – 1887) — публицист, редактор «Московских новостей».

24

Шестая колонна — олигархи, политики, чиновники, общественные деятели, владельцы СМИ, которые будучи не менее радикальными западниками чем «пятая колонна», находятся внутри политического режима, подвергая его эрозии

25

Л. Н. Гумилёв (1912–1992) — русский ученый, историк — этнолог, востоковед, переводчик с персидского,

26

А. И. Солженицын (1918–2008) — русский писатель, публицист, общественный и политический деятель. Лауреат Нобелевской премии.

27

Ильин (1883–1953) — русский философ, писатель, публицист, сторонник Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России.

28

К. Э. Циолковский (1857–1935) — русский ученый, изобретатель, основоположник теоретической космонавтики, представитель русского космизма.

29

Джонатан Свифт (1667–1745) — философ, англо–ирландский писатель, поэт, публицист.

30

Айн Рэнд (1905 – 1982) — американская писательница и философ. Эмигрировала в США в 1926 г.

31

Томас Джефферсон (1743 – 1836) — третий президент США, автор Декларации независимости, учёный, архитектор, просветитель.

32

Ю. В. Мамлеев (1931–2015) — русский философ, писатель, поэт и драматург.

33

Томас Карлейль (1795–1881) — британский философ, писатель, публицист, историк.

34

П. А. Столыпин (1862–1911) — реформатор и государственный деятель.

35

К. Г. Паустовский (1892–1968) — русский советский писатель, классик русской литературы.

36

Ишенкуль Болджурова (род. 1951 г.) — доктор педагогических наук, профессор, сотрудник Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран — участниц СНГ.

37

Талип Ибраимов (род.1940 г.) — писатель, редактор, сценарист, режиссёр.

38

Владимир Мономах (1053 – 1125) — князь смоленский, черниговский, переяславский, великий князь киевский. Государственный деятель, военачальник, мыслитель. Отец семерых детей в т. ч. Юрия Долгорукова.

39

Максимилиан Волошин (1877–1932) — русский поэт, переводчик.

40

В. В. Розанов (1856–1919) — русский философ, литературный критик, публицист.

41

Костантин Бальмонт(1867–1942) — русский поэт «Серебряного века».

42

В. О. Ключевский (1841–1911) — крупнейший русский историк, профессор Московского университета.

43

Игорь Северянин (1887- 1941) — русский поэт «Серебряного века».

44

А. К. Толстой (1817–1875) — русский писатель, поэт, из рода Толстых.